



— **Любѣ к Истории** —



БОРИС АКУНИН

LIQUIDATION TOTALE-1
РУСОФИЛИЯ
«СЕКРЕТИКИ» ИЗ ПРОШЛОГО
ФОРМУЛА
АНТИКОРРОЗИЙНОСТИ
МОЛОДЫЕ ГЕНЕРАЛЫ
ПРО РОССИЙСКОЕ ВЕЧНОЕ

АРГОНАВТЫ БЕЛОЙ И КРАСНОЙ
МЕЧТЫ
ПИСАТЕЛЬНИЦА И УБИЙСТВО-1
ПРЕСТУПЛЕНИЕ СТРАСТИ
ПОТОМОК ДИНОЗАВРА
ГЕНИАЛЬНОСТЬ
НА ДЕСЕРТ
КАК НАДО ЖИТЬ



СЕВЕРНЫЙ ЧАСОВОЙ и другие
сюжеты

Это уже четвертый сборник записей в моем блоге, который называется
«Любовь к истории»



Алексей	Вронский	181 (0,4%)
Павел I	Мастер	136 (4,8%)
Екатерин	Ставрогин	32 (0,5%)
Елизавет	Рахметов	22 (0,8%)
130	Раскольников	26 (0,9%)
Анна Иоа	Юрий Живаго	233 (8,2%)
14 (0,3%)	Доктор Дымов («Попрыгунья»)	309 (10,8%)
Петр I	Поручик Мышлаевский	108 (3,8%)
Алексей М	Дубровский	85 (3,0%)
122 (2,4%)	Алеша Карамазов	85 (3,0%)
Михаил Фед		
24 (0,5%)		
Борис Годунов		
112 (2,4%)		
Федор Иоанн		
14 (0,3%)		
Иоанн Василь		
107 (2,3%)		



RUFIALO BILL
CONGRESS OF





ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ



БОРИС
АКУНИН

Представляем проект Бориса Акунина
«ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ»



САМЫЙ
СТРАШНЫЙ ЗЛОДЕЙ
и другие сюжеты



НАСТОЯЩАЯ
ПРИНЦЕССА
и другие сюжеты



САМАЯ
ТАИНСТВЕННАЯ ТАЙНА
и другие сюжеты



СЕВЕРНЫЙ
ЧАСОВОЙ
и другие сюжеты

БОРИС
АКУНИН

**СЕВЕРНЫЙ
ЧАСОВОЙ**

и другие
сюжеты



АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Подписано в печать 28.02. 2015 г.
Формат 70х100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 23,4
Тираж 25 000 экз.
Отпечатано в Италии (Grafica Veneta S.p.A.)

Макет — Александр Кудрявцев, Анна Ткаченко,
студия «FOLD & SPINE»

Дизайн переплета — Андрей Фerez

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами
РИА Новости, Diomedia, Fotodom, Fotobank, Shutterstock, ©МИА «Россия сегодня»,
а так же из архива автора и свободных источников

Акунин, Борис.

А 44 Северный Часовой и другие сюжеты / Борис Акунин. — Москва: АСТ: 2015. — 288 с., илл. — (Любовь к истории).

ISBN 978-5-17-088874-0

«Одним из главных пороков я считаю короткую память — когда люди пренебрегают прошлым, забывают долг благодарности, не помнят героев. Забытый герой — вот словосочетание, от которого у меня в сердце возникает заноза».

На страницах новой книги Бориса Акунина вас ждут пронзительные истории обыкновенных героев и занимательное тирановедение, невероятные судьбы, унесенные ветром в историю, знаменитые и не очень события, менявшие судьбу мира. Всегда ли смерть таланта и смерть гения совпадают во времени? Может ли одаренная личность быть выше красоты, морали и порядочности? Действительно ли наш мир такой, как нам кажется: асфальтовые улицы, поля, леса, интернет, и телефоны? Остались ли на планете Земля люди, которые живут не так — а главное, абсолютно не хотят жить так, как мы? И что за страна такая Россия, как в ней жить и как ее сделать лучше?

«...Ну и как, скажите мне, можно не любить историю?»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© В. Akinin, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Это уже четвертый сборник записей в моем блоге, который называется «Любовь к истории». Жизнь «живого журнала» протяженностью в полтора года, очень непростых.

Я, конечно, писал в блоге не только об истории (которую люблю), но и о политике (которую не люблю, но куда от нее денешься), о ярких художественных впечатлениях или поездках, но для печатной версии отобраны в основном тексты сюжетные — миниатюрные новеллы об интересных людях и поразительных событиях из прошлого.

К сожалению, бумажный формат не дает возможности воспроизвести самое интересное — обсуждения и споры, которые возникают в интернете после каждой публикации. Читательских откликов и комментариев в блоге десятки тысяч. Среди них попадаются и такие, которые гораздо интересней авторского текста. Для того, чтобы вы получили представление об аудитории блога, я выделил специальный раздел, где мы с читателями общаемся: они участвуют в моих опросах, а я отвечаю на их вопросы.

Третий раздел — списки моих любимых книг по разным жанрам, с короткими объяснениями, почему именно эти книги у меня любимые.

А завершает сборник наш диалог с замечательным писателем Михаилом Шишкиным, и спорим мы с ним о том, о чем испокон веку спорят российские писатели, да все не могут договориться: что за страна такая Россия, как в ней жить и как ее сделать лучше.

Если заинтересуетесь жизнью блога — добро пожаловать на <http://borisakunin.livejournal.com>. Там много такого, что в эту книгу не вошло.



*Тригорий Чхартушвили,
он же Борис Акунин,
он же Анатолий Брусникин,
он же Анна Борисова*

12.05.2013

СЕВЕРНЫЙ ЧАСОВОЙ

Однажды я прожил короткую, но совершенно отдельную жизнь, которая называлась кругосветным плаванием.

На самом деле ощущение было такое, что это свет плывет вокруг тебя, потому что ты всё находишься в одной точке — сидишь, стоишь, лежишь, а мир демонстрирует себя, дефилирует мимо.

И мир оказался совсем не таким, как я думал раньше. Я-то воображал, что планета Земля — это асфальтовые улицы, поля-леса, ну там морской берег (вид из окна отеля). И повсюду люди. То кишмя кишат, то изредка встречаются, но всегда присутствуют.

А на самом деле — теперь я знаю точно и никто меня с этого знания не собьет — наша планета пустая и мокрая. Она состоит из Большой Воды, и лишь кое-где торчат пупырышки суши. Когда плывешь через океан и день за днем не видишь вообще ничего кроме волн и неба, это здорово вправляет мозги.



Надо было назвать планету
не «Земля», а «Вода»

И еще я насмотрелся на людей, которые живут совсем не так, как мы, а главное, абсолютно не хотят жить, как мы.

Однажды корабль остановился в миле от какого-то маленького острова, и по радио объявили, чтобы все срочно писали письма. Оказывается, жители острова придумали себе отличную кормушку, за счет которой неплохо существуют. Они всего лишь сделали свой почтовый штемпель. И теперь конверты, помеченные этим штемпелем, представляют филателистическую ценность.

Туземцы подгребли к огромному теплоходу на лодке, им скинули бочку, в которой были письма, деньги и дары. Лодчонка подцепила бочку и уплыла. Через какое-то время проштемпелеванные письма уйдут на лодке куда-то, где есть настоящая почта, и оттуда рано или поздно доберутся до адресатов. Этого заработка и такой вот куцей связи с цивилизацией туземцам вполне достаточно. Ну нас к черту с нашими интернетами, телефонами, микроволновками и чипсами.

Я уже который год рассказываю знакомым про удивительный почтовый остров, а тут недавно узнал сюжет еще более поразительный.

Оказывается, на свете есть племя, которое вообще не контактирует с цивилизацией. Никак. А потому что не хочет.



Северный Часовой.
Весь покрытый
зеленью

Эти люди живут на острове North Sentinel (Северный Часовой), который относится к Андаманскому архипелагу. Про них практически ничего не известно — кроме того, что всех нас они в гробу видали. (И некоторых, кто был слишком навязчив, туда таки отправили.)

Остров открыт европейцами давным-давно, еще в восемнадцатом веке, и если не подвергся колонизации, то лишь потому, что не представлял никакого интереса в смысле наживы, а кроме того, весь окружен рифами — ни подплыть, ни пристать.

В девятнадцатом веке на скалах несколько раз разбивались корабли. Экипажи пытались высадиться на берег, но туземцы встречали их стрелами. Кое-кого и прикончили.

Это очень низкорослые, голые, курчавые люди с выкрашенными в красный цвет носами. Разговаривают на языке, нисколько не похожем на другие андаманские, из чего следует, что они живут изолированно с незапамятных времен.

Один раз, в 1897 году, на остров высадилась полиция, гнавшаяся за беглым каторжником. Нашла его всего утыканного стрелами, с перерезанным горлом, и поскорее убралась восвояси.

Сейчас остров формально принадлежит Индии. Несколько раз антропологи пытались вступить с сентинельцами в контакт: привозили дары, выказывали всяческое дружелюбие.

Туземцы неизменно уходили в лес. От чужаков ничего брать не желали.

В 1991 году один индийский ученый, казалось, вдруг нашел путь к сердцу неприступных аборигенов. Магическим ключом оказались разноцветные пластмассовые ведра.

В течение шести лет удавалось поддерживать очень осторожный, весьма однообразный контакт. Иногда сентинельцы вели себя мирно — то есть забирали ведра. Иногда грозили копьями и показывали задницы. Но близко так ни разу и не подошли.

А потом общение вообще прекратилось.

Туземцы стали стрелять по вертолетам из луков.

В 2006 году убили двух рыбаков, чью лодку течением занесло на остров.



Бог знает, что на дикарей нашло. Может быть, просто решили, что цветных ведер у них уже достаточно.

Поскольку времена сейчас политкорректные, островитян оставили в покое, даже за убийства не покарали. Пусть живут, как хотят.

Вот они и живут. Мы даже не знаем, сколько их. Видимо, несколько сотен.

Я пытаюсь представить, как они там существуют в своем маленьком, до сантиметра изученном мире. Всё, что им нужно, у них есть. А больше они ничего не хотят. Только чтоб их не трогали. Я думал, что так не бывает. Что человек — существо, которому всегда всего мало и одним из главных инстинктов которого является любопытство. Ан нет.

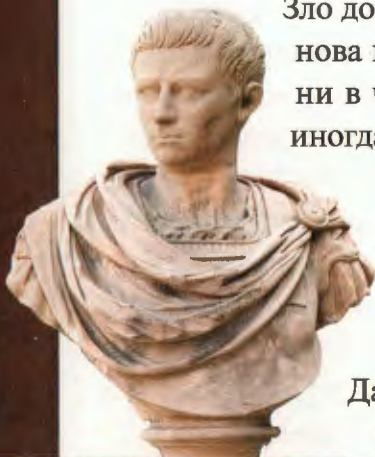
Вот ей-богу, иногда, как мысли черные к тебе придут, начинаешь думать: записаться, что ли, в северные часовые? Встать на посту, никого к себе не подпускать, а кто сунется — стрелами по ним, стрелами.



С ЖЕСТОКОЙ РАДОСТИЮ

В школе меня, помню, мутило от «Оды к вольности». Нам ее читали в усеченном виде, пропуская строфы про «преступную секиру», казнившую бедного Людовика. И получалось, что это поэт говорит от своего собственного имени: «Твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу». Я был мальчик с живым воображением и сразу начинал представлять, как Пушкин — с бакенбардами, в крылатке — стоит и потирает ладоши, глядя, как революционеры убивают маленьких царевичей и царевен.

В истории множество раз происходило одно и то же: люди, уверенные, что сражаются на стороне Добра, стремились искоренить Зло до доньшка, выдернуть все корешки, чтобы сызнова не проросли. «Корешками» часто оказывались ни в чем не повинные дети венценосных злодеев, иногда совсем маленькие.



Этого-то уroda
нисколько
не жалко

Не знаю, стоит ли «высшая гармония» слезы ребенка (может, и стоит — дети легко плачут и быстро утешаются), но вот детской крови точно не стоит. Тем более, что на детских костях никакой гармонии не выстраивается. Да и тем, кто выпалывал такие «корешки», история обычно платила той же кровавой монетой.

Преторианец Кассий Херей, глава заговора против садиста Калигулы, вероятно, вошел бы в анналы ланцелотом и победителем Дракона,

если б после убийства императора не приказал умертвить и его годовалую дочь, которой расшибли голову о стену.

Сам Херея торжествовал недолго — очень скоро погиб нехорошей смертью.

Французские республиканцы заморили в темнице десятилетнего дофина Людовика, умершего от недоедания и нехватки свежего воздуха. За это вместо Свободы, Равенства и Братства получили новую тиранию и череду бесконечных войн, в которых погибла пятая или даже четвертая часть французских мужчин.

Дом Романовых, стремясь избавиться от потенциального соперника, начал свое правление с того, что предал казни «Ивашку Воренка», трехлетнего сына Лжедмитрия II и Марины Минишек. Палач повесил малыша неловко, к тому же тельце было совсем легкое. Петля плохо затянулась, и мальчик умирал на морозе несколько часов.

Надо ли удивляться, что триста лет спустя строители нового, коммунистического царства поступили так же жестоко с юными Романовыми? Зловещая историческая рифма. (Сотрудники архива однажды показали мне штык, который торжественно сдал на вечное хранение некий ветеран революции. Дедушка похвастался, что этим штыком добивал в подвале Ипатьевского дома цесаревича. Кошмарную реликвию заперли в сейф, не зная, что с ней делать.)



Луи-Шарль Бурбон (1785—1795)



Марина пытается спасти Ивана (1610—1613).

Художник Л. Вычолковский



Алексей Романов
(1904—1918)

От утопии, ради которой обагрился детской кровью этот штык, тоже ничего не осталось. Да и не могла она осуществиться, такая утопия.

Но был и член Боевой организации эсеров Иван Каляев, который 2 февраля 1905 года не стал бросать бомбу в экипаж великого князя Сергея Александровича, потому что в карете сидели дети.



Наверное, суть в этом: понять, что дети самого лютого твоего врага — все равно дети и что они уж точно ни в чем не виноваты.



«Побочный урон»: Мартин Ричард
(2005—2013)

(Этот сумбурный текст я пишу под впечатлением от записки Джохара Царнаева, который назвал погибших на Бостонском марафоне «побочным уроном» войны мусульман с Америкой.)



LIQUIDATION TOTALE-1

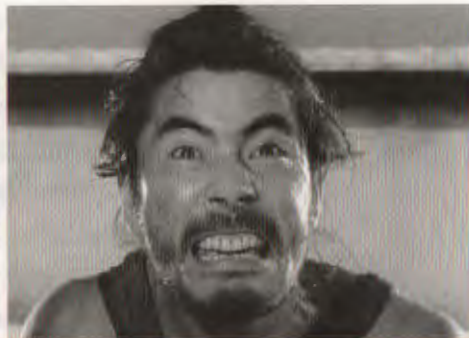
Проглядываю директорию, где хранятся идеи проектов, к которым я утратил интерес, и сюжеты для произведений, которые я уже никогда не напишу. Потому что надоело резвиться, хочется писать серьезное. Лета клонят.

Там, в неосуществленных планах, много ерунды, но есть и довольно занятные штуковины. Буду от них постепенно избавляться — может, кому пригодится.

Например, был у меня прожект, отчасти навеянный акутагавской новеллой «В чаще». Собирался изложить один и тот же сюжет в двух противоположных жанрах: цинично-плутовском и романтически-сентиментальном.



Старье —
на свалку



У Акутагавы с Куросавой один и тот же персонаж предстает то героем, то злодеем

В жизни иногда случаются коллизии, которые допускают диаметрально различную трактовку. Главным образом это зависит от душевных качеств того, кто дает событиям оценку. Человек великодушный склонен и весьма сомнительные поступки других людей истолковывать в выгодном для них свете, а человек мелочный и скверный даже в самом красивом поступке обязательно предположит какой-нибудь низменный мотив.

У меня в файле есть подлинная история, идеально подходящая на роль такого перевертыша: хочешь — верь в хорошее и умиляйся, хочешь — разоблачай и плюйся.

За точность фактов не поручусь, поскольку в свое время вычитал про этот «марьяж-блан» в чьих-то мемуарах, но для романа, как вы понимаете, достоверность большого значения не имеет.

Во всяком случае, легкое гугление подтверждает, что все персонажи существовали на самом деле, стало быть, не полная выдумка.

В Австрии есть знаменитая кондитерская фирма «Демель», основанная еще в восемнадцатом веке. Она поставляла торты, пирожные, конфеты и прочие сладости императорско-королевскому двору.

В тридцатые годы прошлого столетия венский магазин «Демель» прославился своими фантастически красивыми витринами. Каждая была настоящим произведением дизайнерского искусства.

Дело в том, что владельцы, чуть ли не впервые в истории торговли, догадались нанять для декорирования витрин талантливого дизайнера — молодого барона Фридриха фон Берзевици. Это был эстет, щеголь, один из самых модных людей тогдашней развеселой Вены. И, как полагалось декаденту, растленному аристократу, художнику томной эпохи, — гомосексуалист.



Марципановый Моцарт

С середины тридцатых в стране установился реакционный режим, получивший название «австрофашизм». Положение евреев становилось всё более угрожающим, а Демели, как утверждает мемуарист, были евреями.

И вот, на самом пике антисемитской истерии барон предлагает наследнице фирмы Кларе Демель так называемый *mariage blanc*, «белый брак» — то есть совместную жизнь без интимной близости. У продвинутых интеллектуалов тогдашней Европы, по примеру Бернарда Шоу, подобные высокие отношения были в моде. А для благопристойной женитьбы гомосексуалиста на готовой к такому союзу даме существовал еще и особый термин: «лавандовый брак».

В данном случае эта бело-лавандовая свадьба была нужна невесте больше, чем жениху. В 1938 году Австрию оккупировали немцы, и титул баронессы фон Берзевици-унд-Какашломниц помог Кларе уехать из страны в Италию и укрыться там в монастыре до конца войны.

Фиктивный (или, во всяком случае, номинальный) брак, заключенный во имя спасения, получился на удивление прочным — продолжился до смерти Клары. Овдовев, барон вдруг оказался единственным владельцем почтенной кондитерской фирмы. Недолго поруководил ею, потом продал и уехал в США, где потом еще много лет блистал в нью-йоркском артистическом бомонде (например, был арт-директором журнала «Vogue»).

Это и есть фабула, на основе которой я собирался сделать две повести. Имена действующих лиц, конечно, поменял бы.

Героем первой был бы невероятно расчетливый сукин сын, промотавшийся дворянчик, обуреваемый жадой богатства. Фашистская угроза, нависшая над Веной, предоставляет ему отличный шанс сорвать большой куш. Барон привязывает к себе жену долгом благодарности. После войны живет в свое удовольствие, пользуясь



Вот какой красавчик



Барон Б. Жизнь удалась

всеми привилегиями богатства и не будучи обременен никакими обязанностями. Когда же супруга умирает, он хладнокровно продает дело, в которое был вложен труд и талант нескольких поколений, чтобы витать в заокеанских эмпиреях. В общем, «Горький шоколад, или Торжество порока».

Вторая повесть прошла бы по той же канве, но в совершенно другой тональности.

В атмосфере надвигающейся катастрофы (так хорошо показанной в фильме «Кабаре») живет странный худож-

ник, умеющий делать из тортов и пирожных прекрасные, недолговечные панно. Он совершенно не приспособлен к жестокому миру, но в час испытаний совершает поступок, на который не решились бы иные мачо: прикрывает своим именем девушку, которая иначе бы погибла. Война заканчивается, но барон не может оставить жену. Она одинока и сломлена. Ее держит на плаву только мечта восстановить из руин погубленную фирму, воспоминание об утраченном рае. Муж успешно помогает ей. Он беспомощен в коммерческих делах, но зато превосходно чувствует моду и стиль. После смерти жены барон пытается продолжить дело, но у него, бестолкового, всё идет прахом. В конце концов, разоренный, он уезжает из Европы в Новый Свет.

В общем, история хрупкого, красивого человека, похожего на кремовую фигурку с торта. И такая же сладкая.

И пусть читатели выбирали бы, какой барон им больше по вкусу — горький или сладкий. И какой правдоподобней.

Такой, в общем, был замысел. Лет десять он у меня промариновался в архиве и вот попадает под ликвидацию.

Прямо скажем, не особенно жалко.

Потом расскажу еще какую-нибудь из так и не сочиненных сказок.



РУСОФИЛИЯ

Слово «русофобия» мы слышим часто. Обычно от соотечественников. Вот я, например, по мнению людей, которые регулярно засыпают мне «личку» бранью и угрозами, являюсь махровым русофобом.

Интересно вот что. Я давно заметил, что есть такие нации, которые любят выискивать в художественном тексте поводы для обиды. Меня не раз ставили в тупик вопросами: «Почему вы так не любите

привет! в пасть, пидор идумейский, целое будешь
from  kuletrat155 kuletrat155

Ответить | Добавить в друзья | Отметить как спам

 русский народ тебя проклял
from  podzemlin

зря ты подыгрываешь своим иждовствующим господам, ох зря иждов, хоть и много, русские больше и вокруг тебя много русских
Ответить | Добавить в друзья | Отметить как спам

 (no subject)
from  habi

Ты, сукин, поливавешь говном мою страну, пидор! Гори, чмо с баками
Ответить | Добавить в друзья | Отметить как спам

 (no subject)
from  Joker

пидор идумейский
закрывавешь пасть, и чемодан вокзал родина
Ответить | Добавить в друзья | Отметить как спам

 либерастная проститутка
from  valay

Ответить | Добавить в друзья | Отметить как спам

 Сдохните, поганый люд!!! Жолко, что Гитлер не закончил, свое замечательное дело. Сгорели бы вы все в печах
from  valay

Сдохните, поганые евреи!!! Жолко, что Гитлер не закончил, свое замечательное дело. Сгорели бы вы все в печах, глупые евреи "поганой метлой".

Избранные места
из переписки с друзьями.
(Матерные и угрозы
смертоубийством
не публикую, а
то еще засудят идиотов
несчастных.)

русских и пишете про них одни гадости?», «Почему вы такой анти-семит?», «Почему у вас поляки всегда плохие?», «Что вы имеете против украинцев?», «Не стыдно ли вам, грузину, так очернять грузинов?». (Ну, про армян и азербайджанцев после «Черного города» — сами понимаете.)

А есть нации, которым в голову не приходит обижаться. У меня в романах полно скверных англичан и французов, но ни в одной из этих стран подобных вопросов мне ни разу не задавали.

Видимо, дело в том, что у одних народов есть комплекс уязвленности, а у других нет. У нас — есть, и преогромный. Нам очень хочется, чтобы нас любили и нами восхищались, а с этим как-то не очень.

Русофобия — это миф, тщательно пестуемый негодяями и дураками. Историческая обида на СССР, перенесенная на Россию, у жителей наших бывших колоний и протекторатов безусловно имеется. (Прямо скажем, возникла она не на пустом месте.) Но на русских людей, русскую культуру, русский язык эта неприязнь, по-моему, не распространяется. Во всяком случае, за долгие годы разъездов

я никогда с таким не сталкивался. В бывших советских республиках и говорят по-русски, и читают наши книги, и смотрят наши фильмы, и слушают нашу музыку (правда, обычно такую, которую лучше бы не слушать).

Вообще-то я хочу с вами поговорить не про русофобию, а про явление противоположного свойства — русофилию. Не знаю, как вас, а меня любовь интересует несравненно больше, чем нелюбовь.

Вот с этим — любовью к русским и русскому — в сегодняшнем мире действительно не ахти. Я ознакомился с данными опросов общественного мнения по разным странам и прямо затосковал. Процент людей, любящих Россию, невелик.



Решил углубиться в историю вопроса. И обнаружил, что русофилия — вроде цен на баррель: то взлетает вверх, то падает вниз. За последние сто лет на нас любовались и умиленно взирали трижды.

1. Во втором десятилетии XX века — по преимуществу в Англии и Франции. (Закончилась эта любовь примерно в 1918 году, когда большевики твердо заявили, что долги платить не станут, и от этого разюрилось пол-Франции.)

2. Во время Второй мировой войны и недолгое время после нее.

3. Во время Перестройки.

Был еще довольно продолжительный бум интереса к Советскому Союзу в определенных кругах западной левой интеллигенции, но это не считается, поскольку «советофилия» и «русофилия» — явления разной природы.

Если проанализировать причины всплесков русофилии, может показаться, что их природа была сугубо политической: в первом случае проявилась симпатия к союзнику по Антанте; во втором — восхищение стойкостью в борьбе с фашизмом; в третьем — облегчение после многолетнего страха перед ядерной войной.

Но всё не так примитивно. Старт русофильским настроениям действительно давала политика, однако она лишь обеспечивала благожелательность взгляда, устремленного в нашу сторону. И тогда вдруг обнаружилось, что в России и русских много привлекательного — прежде всего в культуре, которая концентрирует в себе самые яркие черты нации.

Сто лет назад европейцы были очарованы не царем Николаем, а русской литературой, музыкой, балетом, изобразительным искусством.

В сороковые годы наша культура переживала, прямо скажем, не лучшие свои времена, но русофилы и тут нашли, кем восхищаться: Эйзенштейном, Прокофьевым, Шостаковичем.

Ну а в эпоху Перестройки, когда никого особенно великого у нас, кажется, не было, мир радовался всему подряд: русскому соцарту, русскому кино, даже переводам русской литературы. Роман «Дети Арбата», сейчас почти забытый, блистал во всех списках мировых бестселлеров.

С тех пор, вот уже больше двадцати лет, русофилии в мире, увы, не наблюдается. Мы не кажемся интересными. Наша культура никому особенно не нужна, наши проблемы вызывают зевоту. Россия не в моде.

Это, конечно, обидно. Но давайте честно ответим на вопрос: а сами-то себе мы сейчас интересны? Что такого всемирно ценного или хотя бы просто любопытного генерирует сегодня наша культура?

Кое-где, бывает, русофилия просыпается на локальном уровне, но это не наша заслуга, а всё те же старые лавры.

Вот вам один пример, касающийся моей любимой Японии.

Я обнаружил, что в этой стране хорошее отношение к России по сравнению с гэллаповским опросом 2004 года (жалкие 9%) в 2013 году, согласно опросу ВВС, скакнуло аж до 51%. Думаю: что за чудо такое? В чем причина?

А это, оказывается, Достоевскому спасибо. В Японии вышел новый перевод собрания сочинений и стал супербестселлером (я года два назад уже писал об этом). Сейчас по телевизору с успехом крутят сериал — римейк «Карамазовых».

Знакомьтесь, братья Куросава:



Слева направо: Мицуру (Мичя), Исао (Иван), Рё (Арёся)

Что бы мы без Федора Михайловича, Льва Николаевича и Анто-на Павловича делали, неумехи чертовы?

У, ПРОТИВНАЯ («LIQUIDATION TOTALE-2»)

Для моих авантюрных романов был нужен постоянный приток свежих интересных злодеев. В поисках прототипов я перерыл всю мировую историю. С мужчинами было все отлично; бяки и буки этого гендера имелись в широком ассортименте. С женщинами — много хуже. То ли они менее склонны к социопатии, то ли многовековая мужская диктатура мешала им как следует развернуться.

Но кое-кого я все-таки выловил и в соответствующий файл прикипчил. (Если помните, некоторых персон оттуда я вам уже представлял.)

Была у меня, например, идея написать роман «Фэнтези» для проекта «Жанры». Требовалась кандидатка на вакансию препротивной императрицы. Этаким гадины, насквозь порочной и абсолютно безжалостной, чуждой всяких обычных человеческих чувств. Даже собственные дети для нее — разменная монета.

Нашел двух прекрасных кандидаток. Первая — византийская императрица Зоя Багрянородная (978—1050). Всем хороша и даже чудесна, жаль только бездетна. Пришлось отсеять (я ее, правда, вставил в повесть проекта «История Российского Государства»). А вот вторая кандидатка подошла просто идеально. Поскольку мне она уже не пригодится — enjou. Персонаж того стоит.

(Прошу прощения у китаистов, если неправильно транскрибирую имена — источники у меня были в основном иностранные.)

Итак, Китай эпохи Тан. Седьмой век. Половина Европы бежит

в шкурах и молится грому с молнией. Русские леса пока даже не русские; Рюрика (которого, возможно, вовсе не было) дожидаться еще целых два столетия.

А в Срединной империи уже тысячу лет конфуцианская этика, грамотность, обустроенные города, твердые законы и прочие плоды просвещения, о которых я, впрочем, больше осведомлен по фантазийным повестям Роберта Ван Гулика. (Кто не читал про «благородного мужа» судью Ди — забаню, так и знайте.)

И вот в самой цивилизованной стране тогдашнего мира появилась на свет девочка с необычным для нашего уха именем У. Очень красивая, умная, с железным характером. Вышиванием и прочими женскими глупостями заниматься не желала, всё время проводила за чтением книг. Ее отца, крупного чиновника, постоянно переводили из провинции в провинцию, и девочка пытливно изучала, как устроена жизнь в разных краях. В хорошенькой головке происходила какая-то трудная, скрытная работа.

В тринадцать лет юную красотку забрали в гарем к императору — чуть ли не против воли родителей. Мать плакала по дочери, как по покойнице. А та выглядела очень довольной: она станет наложницей владыки вселенной.



Император Гао-цзун:
могущественный, но слабый.
Такое бывает

В женских покоях дворца новая конкубина пятого ранга провела двенадцать лет, кажется, так ни разу и не попав в опочивальню Сына Неба. А когда император Тай-цзун скончался, двадцатипятилетнюю У вместе с другими бездетными наложницами отправили в монастырь, пожизненно.

Интересно, когда именно она стала чудовищем? То ли уродилась такой, то ли нравственно покалечилась

от долгого затворничества в гареме и монастырского заточения. Так или иначе, новый император Гао-цзун совершил большую ошибку, когда, польстившись на красоту монахини, вернул ее во дворец.

На первом этапе восхождения У действовала так, как только и могла действовать властолюбивая женщина той эпохи: манипулировала могущественным мужчиной.

Не буду подробно описывать извилистый путь, которым бывшая монахиня шла к власти: все бесчисленные каверзы, поклепы, доносы и тайные убийства. Остановлюсь лишь на одном эпизоде. Законная супруга императора не могла иметь детей. Но одного этого гиндикапа было недостаточно, чтобы избавиться от соперницы. И У осуществила следующую комбинацию: удушила свою новорожденную дочь, а вину свалила на императрицу — та-де совершила это ужасное злодеяние от ревности. Версия выглядела убедительно, сфабрикованные улики довершили дело. Возмущенный государь изгнал опороченную супругу (которую У вскоре приказала умертвить) и женился на безутешной матери несчастной малютки.

Новая жена вертела слабовольным императором, как хотела. Обычно во время заседаний правительства сидела за ширмой позади мужа и подсказывала ему, что говорить. Даже недоброжелательные летописцы признают, что советы были мудры, ибо У «хорошо знала литературу и историю».

Через несколько лет Гао-цзуна хватил удар, и царица начала править от его имени уже безо всякой ширмы.

Осложнение возникло, когда подросток сын, наследный принц. Силой характера он пошел в мать, но, испорченный конфуцианским воспитанием, не желал следовать путем зла, и хотел править по закону и справедливости. Методы, которыми управляла матушка (она, например, любила топить своих врагов в чане с вином или рассекать на четыре части), принцу решительно не нравились. Пришлось императрице непослушного сыночку отравить. А что было делать?



Императрица У Цзэтянь: а глаза добрые-добрые...

Другие сыновья были покладистей. Некоторое время она властвовала, прикрываясь именем одного из них, потом прогнала его прочь, посадила на трон другого. А в 690 году, шестидесяти шести лет от роду, решила покончить с этой ненужной декорацией и объявила себя правящим императором (единственный случай за четыре тысячелетия китайской истории).

В глубокой старости, каковой в те времена считался восьмой десяток жизни, от слишком долгого пребывания у власти императрица-император начала терять хватку. Погрязла в неподобающем возрасту разврате, попала в зависимость от начальников своей секретной службы — и в конце концов закончила тем, чем заканчивают все подобные диктаторы. Приближенные составили заговор и свергли одряхлевшую правительницу. Вскоре она скончалась в заточении. Наверное, перед смертью сокрушалась, что была слишком доверчива к людям и пролила недостаточно крови.

Эх, какая замечательная злодейка получилась бы для «Фэнтези»: мать, пожирающая своих детей.



БОРИС ПЕРВЫЙ, КОРОЛЬ АНДОРРСКИЙ

Недavno я побывал в Андорре и наконец всерьез заинтересовался Борисом Скосыревым, о котором раньше слышал мельком лишь какие-то невероятности. Якобы бравый офицер-белогвардеец ни с того ни с сего стал монархом маленького горного княжества — в эпоху, когда монархов уже было принято свергать.

Я посмотрел сверху, с перевала, на игрушечную страну и попробовал представить, как восемьдесятю годами ранее этот

A wide-angle aerial photograph of a deep, narrow valley in the Pyrenees mountains. The valley floor is a patchwork of green fields, small villages, and a winding road. The steep, forested slopes of the mountains rise sharply on either side, leading to distant, hazy mountain ranges under a blue sky with scattered clouds.

Всей страны — одна узенькая
долина

городок в табакерке впервые разглядывал Скосырев. Человек прошел через мировую и гражданскую войны, оказался в числе счастливых, кому повезло унести ноги. И вот занесло его в глухой пиренейский угол. Смотрит на горную жемчужину, размышляет.

В Европе 1933 года, мягко говоря, беспокойно. В Италии давно фашисты, в Германии — недавно. Пахнет новой войной. С одной стороны высоких гор — Франция, где победил на выборах социалистический Левый Картель; с другой — Испания, где недавно свергли короля и скоро начнут убивать друг друга. А посередине, как зачарованное царство, независимая страна, с XVII века имеющая двух номинальных сюзеренов: испанского епископа и французского короля (в республиканские времена — президента).

Допустим, мелькнула фантазия: вот здорово было бы стать королем этого парадиза. Нормальный человек улыбнулся бы смешному мечтанию и отправился себе дальше. Скосырев же решил дурацкую фантазию осуществить. Самое поразительное — у него это получилось.

В гостинице я заглянул в «Википедию», чтобы почитать про русского Урфина Джюса. Обнаружил, что в прошлом он служил переводчиком в японской миссии. Выходит, коллега, сэмпай? Ну и тут уж я отгуллился по полной.

Теперь, прочитав всё, что удалось найти об удивительном авантюристе, я знаю о нем не намного больше, чем вначале. То есть узнал-то я сорок бочек всякого разного, но поди разбери, что правда, а что нет.

Источники сообщают о Скосыреве массу противоречивых или явно неправдоподобных сведений. Всю жизнь он про себя врал — кудряво и вдохновенно. В совершенстве владел тонким искусством лапшенавешивания.



А еще был обаятелен
и весьма недурен собой

Более или менее достоверно следующее.

Борис Михайлович Скосырев появился на свет в 1896 году, в Вильно, где его отец служил земским начальником. Получил какое-то образование, давшее право на офицерский чин. Во время войны нахо-



Флаг Андорры

дился в британском броневом дивизионе, сражавшемся на русском фронте. Дослужился до штабс-капитана.

Насчет работы в японской миссии — туман. Скосырев обладал редким лингвистическим даром, знал несколько европейских языков, но как и где мог выучить японский, непонятно.

Эмигрировав, жил в Англии, Нидерландах, Испании. Кажется, были какие-то нелады с законом: подделанные чеки, экстрадиции и еще что-то столь же пахучее. В документах штабс-капитана откуда-то нарисовался баронский титул. А в Андорру Скосырев явился уже не бароном, а целым графом Оранским — якобы голландская королева Вильгельмина сделала его «сиятельством» за какие-то особые заслуги.

Андоррский период биографии Бориса Скосырева очень короткий и подробно задокументирован, так что с этой главой бурной жизни комбинатора все более или менее ясно.

Впервые он появился в крошечной стране в 1933 году. Сумел получить подданство и представил местным властям проект по превращению гордого, но бедного княжества в земной рай. Естественно, наглеца послали обратно за Пиренеи и даже дальше.

Но 7 июля 1934 года «граф Оранский» объявился вновь, предложив уже целый пакет эпохальных реформ, только на сей раз заявил, что желает быть андоррским королем.

В общем, титулярный советник Поприщин, корнет Савин и Остап Бендер в одном флаконе. «Король Испании отыскался, и он устроит вам Новые Васюки».

Однако дальше начинаются чудеса, объяснения которым я так нигде и не нашел.

Каким-то волшебством самозванец сумел очаровать Генеральный Совет княжества и на следующий день был провозглашен Борисом Первым, королем андоррским.

Царствование бывшего япониста длилось всего одну неделю. За это время он успел издать конституцию, выпустил несколько эдиктов и объявил войну испанскому епископу, которому очень не понравилось, что какой-то проходимец покушается на его бесполезный, но освященный традицией ранг андоррского со-сюзерена.

Война закончилась быстро. Епископ пожаловался испанской полиции, та в нарушение международного права прислала наряд и препроводила его андоррское величество в каталонскую катаджку. На этом блистательное правление Бориса Первого и завершилось.

Дальше всё опять погружается в туман.

Кажется, перед войной Скосырев жил во Франции и с началом боевых действий попал в лагерь для перемещенных лиц.

Кажется, потом служил у немцев и был на Восточном фронте зондерфюрером, то есть военным чиновником в офицерском звании.

Кажется, попал в советский плен и угодил в Сибирь. (Ой вряд ли. Белогвардейца-зондерфюрера расстреляли бы без лишних разговоров.)

Особенно сомнительной версия ГУЛАГа выглядит с учетом того, что в 1958 году Скосырев уже живет в Западной Германии. Так бы его из СССР в Федеративную Республику и выпустили.

Не жизнь, а сплошная мистификация, не за что ухватиться.

Если взять сухой остаток, доподлинно известны всего три факта.

Да, родился в 1896 году. Да, в Вильно. (Имеются документы.)

Да, в 1934 году в течение нескольких дней был андоррским королем. Слева карикатура из газеты того времени.



Да, в 1989 году скончался в немецком Боппарде. Имеется могила. —>

Всё прочее — сон, увиденный во сне.

Ну и последнее, самое интересное.

Что же за Новые Васюки предложил андоррскому правительству «граф Оранский» — да так соблазнительно, что его сделали королем?

А это, оказывается, были те самые принципы, на которых построено благополучие сегодняшней богатенькой Андорры: ставка на горнолыжный спорт и туризм плюс налоговый рай для привлечения зажиточных иностранцев плюс привилегии для коренных жителей.

При этом в стране, столь многим обязанной Борису Первому, нет даже переулка, названного в память шального, но, видно, небезвредного проходимца. Эту страницу своей истории андоррцы предпочли забыть. Черная неблагодарность!



Хотя год рождения-то другой...
Опять надувательство?



АРГОНАВТЫ БЕЛОЙ И КРАСНОЙ МЕЧТЫ

Прочитал любопытнейшую брошюру, изданную в 1933 году в Харбине, — про Якутский поход генерала Пепеляева. Потом, как водится, провел вдогонку некоторые изыскания, чтобы перепроверить сведения и узнать дальнейшую судьбу действующих лиц. Очень всё это интересно. Ах, какое могло бы получиться кино!

В школе меня учили, что Гражданская война закончилась в октябре 1922 года с взятием Владивостока. Оказывается, это неправда. Последнее сражение завершилось только в марте 1923 года, а последний белый вождь сложил оружие аж в июне.

Дело было так.

Когда стало ясно, что дни белогвардейского Приамурья сочтены и крах неизбежен, самые непримиримые враги советской власти, докатившиеся до крайнего рубежа русской земли, оказались перед тяжелым выбором. Нужно было или сдаваться красным, или уходить на чужбину, где ждали нищета и унижения. Рядовые в основном предпочли первый путь, большая часть командного состава — второй. Однако нашлись особенно упертые, которые решили продолжать борьбу вопреки всему.

Из этих железных людей была создана Сибирская добровольческая дружина, которая замыслила невообразимо рискованный рейд: высадиться на берегу Охотского моря и в канун зимы совершить марш через снега, реки, труднодоступные перевалы вглубь советской территории. Без тыла, без подкреплений, почти без боеприпасов.

Этих безумцев брошюра романтически называет «аргонавтами Белой Мечты». Их золотым руном был Якутск. Взяв этот стратегически важный город, они надеялись взбаламутить всю Восточную Сибирь, измученную большевистскими репрессиями и продотрядами, а потом, в случае успеха, двинуться дальше на запад.

Вообще-то затея была хоть и отчаянная, но не совсем химерическая. Во время Гражданской войны случались и не такие чудеса. Во всяком случае, еще не окрепшей советской власти поход сулил серьезные неприятности.

В экспедицию записались 720 добровольцев. Для пустынных краев, где поселок с десятком домов уже считался солидным населенным пунктом, это была немалая сила. Причем люди всё были штучные, прошедшие огонь и воду. Большинство — офицеры. Вели Дружину три боевых генерала и несколько чинов Генерального штаба. У большевиков же на всю Якутию было тысячи три бойцов, рассредоточенных по гарнизонам на огромном расстоянии друг от друга.

Несмотря на чудовищные природные условия — лютый мороз, метели и бураны, нехватку продовольствия и оленей, — экспедиция сумела пройти больше тысячи километров, пять шестых намеченного пути, почти не встречая сопротивления. Маленькие красные отряды бежали прочь. Большевистская власть нервничала, слала увещевания, сулила полную амнистию. Казалось, повстанцам удалось ухватить только что провозглашенный СССР за его самое незащищенное место.

Но в нескольких переходах от Якутска, у зимовья Сасыл-Сысыы, аргонавты Белой Мечты столкнулись с такими же упрямыми аргонавтами Красной Мечты.



Вот такой это был поход
(фотография из брошюры)

Отряд красноармейцев в 300 человек под командованием некоего Ивана Строда не победил, как другие, а засел в домах и принял бой.

Был кровопролитный штурм. Поселок выстоял.

Ночью белые перехватили донесение, в котором товарищ Строд просил у Якутска срочной помощи, потому что отряд понес огромные потери, а сам он ранен.

Тогда командующий Дружиной генерал-лейтенант Пепеляев отправил парламентаря. Предложил сдаться. Строд попросил несколько часов на размышление. Использовал время для рытья окопов — и ответил отказом.

Бои за поселок продолжались *восемнадцать дней*.

Представьте себе эту картину. Мир белого цвета: белый снег, белые деревья, белые окопы, белые дома, белая морозная дымка. И повсюду красные пятна крови. Других красок нет, только белая и красная.

Пепеляев так и не взял Сасыл-Сысы. Потерял половину личного состава убитыми, ранеными и обмороженными. Потом якутские власти наконец собрались с силами и прислали отряду Строда подмогу.

Белые аргонавты побрели назад, к океану. Последнее сражение Гражданской войны завершилось 2 марта 1923 года.

Опереводка штаба войск ЯАССР.

2 марта в 12 ч. дня, после упорного боя нашими частями взята д. Амга (свобода). Захвачен штаб ген. Пепеляева со всей секретной, оперативной и личной его перепиской, много вооружения, продовольствия и транспорт. Захвачены 146 пленных пепеляевцев, в том числе полковник Суров. От боя с г. Стродом в Амге наложен полный эмбарго трупов пепеляевцев. Освобождены наши пленные, взятые в плен 2 февраля.

Врид Комройск ЯАССР А. Козлов.

Потом еще три с половиной месяца красные гонялись по всему Дальнему Востоку за разбитой Дружиной. Генерал Пепеляев, оставшийся без продовольствия и патронов, был взят в плен уже летом.

В «Ледяной осаде» (так историки называют бой за зимовье Саял-Сысы) мне интереснее всего главные антагонисты: генерал-лейтенант Пепеляев и краском Строд — люди, которым история доверила исполнить самый последний, по-моему, очень красивый аккорд трагической симфонии под названием «Гражданская война».

Оба были молоды: первому — тридцать один год, второму — двадцать восемь. Вот они. Посмотрите:



Давайте я вам про них немного расскажу.

Анатолий Николаевич Пепеляев был родным братом известного Виктора Пепеляева (1885—1920), колчаковского премьер-министра, расстрелянного вместе с адмиралом.

Храбрый офицер Первой мировой (видите на фото орден Святого Георгия, «Владимира» с мечами и наградную аннинскую саблю?), Анатолий Пепеляев в Гражданскую стал генералом и командовал армией. Известен тем, что, разгромив под Пермью красных и взяв в плен двадцать тысяч человек, никого не расстрелял, а всех отпустил по домам — поступок для той жестокой эпохи неординарный.

К началу Якутского похода Пепеляев давно уже свое отвоевал, жил в эмиграции с любимой женой и двумя маленькими сыно-

Семья, оставленная генералом.

Взято из <http://d-m-vestnik.livejournal.com/>

(там отличный рассказ о Пепеляеве)





Суд над «аргонавтами».
(Из <http://d-m-vestnik.livejournal.com/>)

вьями. Но когда узнал, что во Владивостоке собираются добровольцы и им нужен командир, оставил благополучный Харбин и вернулся на родину.

Взятому в плен и отданному под суд Пепеляев повезло.

Как раз в это время

Советская власть, демонстрируя, что Гражданская война окончена, перестала расстреливать знаменитых белых генералов. Рассчитывала этим внести раскол в ряды эмигрантов. (Так, например, был помилован Слащев-Крымский.) Пепеляеву тоже отменили смертный приговор. Посоветовали обратиться с ходатайством к Калинину и дали десять лет тюрьмы.

Продержали за решеткой не десять лет, а тринадцать. Ненадолго выпустили перед самым началом Большого Террора. Ну а дальше — сами понимаете.

Из офицеров Первой мировой был и латыш Иван Яковлевич Строд. Правда, не подполковник, как Пепеляев, а всего лишь пра-



Сибирская добровольческая дружина

порщик. Имел четыре Георгиевских креста — большая редкость. Всю Гражданскую пропоевал в Сибири, главным образом в партизанских частях. Сначала был анархистом, потом стал большевиком.

В мирное время большой карьеры Строд не сделал, хоть имел целых три ордена Красного Знамени. Работал в Осоавиахиме на не особенно заметной должности. Был расстрелян в 1937-ом — еще раньше, чем Пепеляев.

В Книге Наума сказано: «...и сожгу колесницы твои в дыму, и сгинут от меча твои молодые львы».



Флаг Пепеляева



ПИСАТЕЛЬНИЦА И УБИЙСТВО-1.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ СТРАСТИ

В свое время я написал книгу «Писатель и самоубийство», потому что тогда еще не был детективщиком. А то, наверное, взялся бы за тему «Писатель и убийство» — про многочисленных убитых писателей или про немногочисленных писателей-убийц.

Впрочем, писатель и убийство — это не штука. Тестостерон, мужская агрессивность, дуэль, война, опасная профессия. Вот писательница и убийство — это настоящий челлендж. Одно время

я коллекционировал истории такого рода, особенно если в них содержалась какая-нибудь тайна.

Все собранные мной тогда сюжеты, словно подстраиваясь под мои литературные вкусы, относятся к разным поджанрам детектива.

Первый — к разряду «Преступления страсти». По крайней мере, так формулируется основная версия. Как вы увидите, не единственная.

Смотрим на портрет красивой молодой дамы (слева).



Эту романтическую особу звали Дельмирой Агостини. Она появилась на свет в Уругвае в 1886 году и погибла двадцатисемилетней.

Дельмира Агостини — одна из самых известных латиноамериканских поэтесс. Как можно догадаться по позе и по выражению лица, отчаянная декадентка.

Писала изысканные, пряные стихи о страсти и смерти. Например, такие (перевод Инны Чежеговой):



*Да, скоро я умру, и я умру так странно:
меня не жизнь, не смерть и не любовь убьет,
но мысль меня убьет, немая, словно рана...
Знакома ли вам боль, которую несет
мысль непомерная, что гложет неустанно
и плоть и душу вам, но чей не зреет плод?
Вам сердце жжет звезда, что гаснет безымянной
и, мстя, сжигает вас, но света не дает?*

Умерла она действительно и скоро, и странно. После бурного пятилетнего ухаживания на Дельмире женился темпераментный кабальеро Энрике Рейес. Брак продлился 53 дня, сопровождался скандалами и ссорами, а затем поэтесса покинула своего супруга, объявив, что «спасается от пошлости». Через восемь месяцев они развелись. Еще месяц спустя обоих нашли на некоей съемной квартире. Дельмира была убита двумя выстрелами в голову. Энрике лежал без сознания, тоже с пулей в голове и с револьвером в руке. Оба были, как тогда писали, *deshabillé*.

Вроде бы всё ясно: покинутый муж поступил по принципу «не доставайся ж ты никому». Но расследование обнаружило очень странное обстоятельство.



Он, Она, Постель, Смерть...

Оказывается, супруги, проходя через бракоразводный процесс, продолжали тайно встречаться, для чего и была снята квартира. Свидания (как видно и по сцене преступления) были любовными. При этом для окружающих отношения выглядели непримиримо враждебными — во время публичных встреч Энрике осыпал бывшую жену упреками и оскорблениями.

Когда тайные любовники становятся мужем и женой, это в порядке вещей. Но чтоб муж и жена становились тайными любовниками? Чего ради?

Загадка осталась неразъясненной. Энрике Рейес скончался в госпитале, так ничего и не рассказав. Ему тоже было только 27 лет.

Каковы же версии случившегося?

Первая и главная, как уже было сказано, — преступление страсти. Столкнулись две натуры, жаждущие сильных переживаний. Романтической поэтессе брак показался скучной прозой, хотелось драмы. То ли дело тайные свидания! И, конечно, терзания, взрывы ревности,



Тоже красавец, правда?

скандалы. В общем, бурная латиноамериканская любовь-ненависть в духе «йо те кьеро, май кабальеро, бринг ми текила фром Венесуила». В конце концов, накал оказался слишком силен, и у мужчины произошел нервный срыв. Не смог дольше выносить этого контрастного душа, сорвался.

Вторая версия: Рейес чем-то шантажировал жену,

понуждая ее к секретным свиданиям. Оснований для этого предположения — ноль. Но следователь не может оставлять такой вариант вне рассмотрения.

Третья версия — литературная. Дельмира Агостини была из поэтов, про которых говорят, что они зачарованы смертью. Возможно, ей сознательно или подсознательно хотелось довести своего взрывного партнера до убийства, и вся эта драма была реализацией суицидального комплекса. Мы про такой тип отношений хорошо осведомлены благодаря роману «Идиот»: Настасья Филипповна там тоже добилась от Рогожина того, чего ей так хотелось. И, если б на месте преступления вовремя не появился князь Мышкин, Рогожин скорее всего тоже совершил бы самоубийство.

Я не был бы японистом, если бы не предположил и четвертую версию — синдзю, двойного самоубийства по сговору. Если та, которую безумно любишь, так же безумно влюблена в Смерть, вполне может составиться любовный треугольник, устраивающий все три стороны.

А что там на самом деле произошло — бог весть.



ПИСАТЕЛЬНИЦА И УБИЙСТВО-2. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Преодолев обсессивный зуд писать исключительно про политику, продолжаю рассказ на такую легкую, умиротворяющую тему, как убийство писательниц.

В прошлый раз мы похоронили жертву латиноамериканской страсти Дельмиру Агостини. Сегодня — сюжет из другого криминального субжанра.

Люди моего возраста, конечно, помнят замечательный фильм «Рожденная свободной», на который я в детстве ходил, наверное, раза четыре.

Главная героиня — львица Эльза.



Ах, какое было кино!

Ее детенышем подобрала семья европейцев, живущих в Африке, и провела небывалый эксперимент: воспитала так, чтобы Эльза потом могла вернуться в саванну и жить там на свободе.

Фильм снят по одноименной книге писательницы Джой Адамсон (1910–1980), рассказывающей подлинную историю. Джой и ее муж Джордж, защитники дикой



Она еще и картины писала

природы, действительно сумели вырастить из львиной девочки самодостаточную девушку, которая потом жила сама по себе, вышла замуж за очень привлекательного льва и родила от него прелестных крошек. Настоящий американский хеппи-энд.

Трогательно политкорректная и к тому же правдивая история ужасно понравилась добрым американцам и европейцам. Книга стала супербестселлером, а потом и весьма кассовым фильмом. Джой Адамсон превратилась в настоящую звезду. Она потом много лет ездила по миру с лекциями про африканскую wildlife, собирала средства на защиту меньших братьев и выпустила пару сиквелов, тоже успешных.

С Джорджем, правда, они расстались. Но не по каким-то там пошлым причинам вроде мужской зависти или, упаси боже, меркантильных счетов. У супругов разошлись жизненные интересы: Джордж сохранил верность львам, а непостоянная Джой увлеклась

Счастливая
Эльза





спасением леопардов и гепардов. Сами понимаете, вместе им было не ужиться. Муж с женой существовали каждый сам по себе, но сохранили чудесные отношения.

В семьдесят лет Джой была в прекрас-

ной форме и продолжала колесить по самым глухим африканским углам, занимаясь своим интересным и благородным делом. Дама она была решительная, волевая, совершенно бесстрашная, весьма крутого нрава. Обслуживающим персоналом (гидами, рабочими,

The Sunday Standard newspaper said Sunday police "returned to the scene of Joy Adamson's death after a report suggested that she may have been murdered and not attacked by a lioness."

The new investigation was launched after Mrs. Adamson's car was reported stolen from her campsite, raising the possibility that a robbery may have led to her murder.

Initial reports from the area said she was killed by a marauding lioness who was tracking a buffalo but turned on her when she approached.

водителями), набранным из местных жителей, управляла безо всякого либерализма.

Однажды — на территории кенийского заповедника Шаба — писательницу нашли мертвой. Сначала решили, что ее задрал лев. Но лев вряд ли угнал бы джип убитой. К такому заключению, немного поразмышляв, пришла кенийская полиция.

Разумеется, поднялся шум на весь мир. Джой Адамсон все знали, все любили.

Через месяц полиция объявила, что нашла убийцу и что он сознался.

На скамье подсудимых оказался 18-летний пастух Накваре Эсаи, подрабатывавший в лагере Адамсон. Адвокаты заявили, что его вынудили к самооговору пытками, потому что нужно было предъявить мировой общественности виновного. Суд это сообщение проигнорировал. Парень получил пожизненное — и то лишь благодаря тому, что в момент преступления еще не был совершеннолетним.

Кто и за что убил Джой на самом деле, так и осталось тайной. В виновность Эсаи мало кто поверил.

В 2004 году, отсидев почти четверть века в тюрьме, этот человек впервые разомкнул уста и дал из тюремной камеры интервью газете «Гардиан».

Чего он там только не наговорил!

Да, он убил Джой Адамсон, потому что она всех мучила и тиранила, грозила работникам пистолетом и даже пускала его в ход. Она прострелила бедному юноше ногу, а он побежал к себе в палатку, схватил пистолет и сразил злую ведьму наповал.

История отличная, если не учитывать того, что писательницу убили не в лагере. И не огнестрельным, а холодным оружием.

Ужасно ее жалко, эту храбрую, одержимую идеей тетку, которая посвятила всю свою жизнь спасению зубастых-клыкастых-ушастых, и они за сорок лет не сожрали ее и не покалечили, а какой-то двуногий подонок польстился на тачку и жвачку, да еще засадил гнить в тюрьму невинного человека, который за решеткой подвинулся рассудком.

Девять лет спустя в другом заповеднике погиб и преданный защитник львов Джордж Адамсон — бросился на выручку туристу, на которого напали браконьеры, и был убит.

Сейчас муж и жена находятся в специальном раю для защитников дикой природы, рядом с теми, кого они спасли. Там не так, как здесь. Леопарды и гепарды со львами не ссорятся, и все могут жить вместе.



ПИСАТЕЛЬНИЦА И УБИЙСТВО-3.

МАФИОЗНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сначала надо рассказать про папу моей третьей героини. Это был человек очень непростой, то есть очень-очень непростой судьбы. Звали его Дэви Берман. Родился он в веселом, но не-законопослушном городе Одессе, откуда был вывезен родителями, в детском возрасте, на невеселый, но еще менее законопослушный американский Дикий Запад. В те времена организованной преступностью в США главным образом рулили выходцы из Одессы, бесшабашные бени крики, так что Дэви быстро нашел свою дорогу в жизни.

Он начинал вожаком подростковой хулиганской шайки, потом грабил банки, сидел в тюрьме, занимался подпольным букмекерством и игорным бизнесом. В общем, вспоминайте фильм «Once upon a time in America» — там всё показано.

REWARD - \$8,000.00
Wanted for Hold-up and Post Office Burglary

DAVID BERMAN, alias David the Jew, WILLIAM KANNER, alias David Kanner, alias Jack C. Kanner, alias David Kanner, alias CHARLES P. CLONING, alias David Kanner, alias Paul G. Kanner, alias David Kanner, alias WILLIAM D. LARSEN, alias David Kanner.

These men are wanted for the hold-up of the American Express and the document delivery, with deadly weapons, and the robbery of the First Office of Superior, Wisconsin, on the night of November 29, 1935. An indictment has been returned and a pending indictment in the Wisconsin District of Wisconsin.



DAVID BERMAN, alias David the Jew. (Black and White. Sam. 22)



WILLIAM KANNER, alias David Kanner, alias Jack C. Kanner, alias David Kanner, alias Paul G. Kanner, alias David Kanner, alias WILLIAM D. LARSEN, alias David Kanner.

Трудная юность. Наш — слева

Нестандартный поворот сюжета в этой хрестоматийной гангстерской биографии только один. Дэви Берман очень не любил фашизм, потому что фашисты очень не любили евреев. Еще в тридцатые годы в Миннеаполисе он разгромил местное отделение пронацист-

ского «Серебряного Легиона», используя для этого всякие неполиткорректные методы (тут отсылаю вас к фильму «Inglourious Basterds»).

А во время войны Дэви записался добровольцем в канадскую армию (в американскую уголовников не принимали). Воевал в разведке, был орел хоть куда, но, победив Гитлера, поспешил вернуться к любимой работе.

Он стал одним из создателей Лас-Вегаса и после убийства знаменитого Багси Сигела возглавил тамошнюю мафию. Умер при сомнительных обстоятельствах — во время ерундовой хирургической операции. Его вдова, бывшая танцовщица из бара, отказалась уступить долю в бизнесе партнерам и вскоре после этого скоропостижно скончалась от передозировки.

Осталась двенадцатилетняя дочка Сьюзан, будущая писательница.

Крепкие мужчины в дорогих костюмах и кричащей расцветки галстуках немедленно вынесли всё из дома, включая детские игрушки, а потом отобрали и сам дом — вообще всё. Остаток своего детства Сьюзан провела у дальних небогатых родственников.

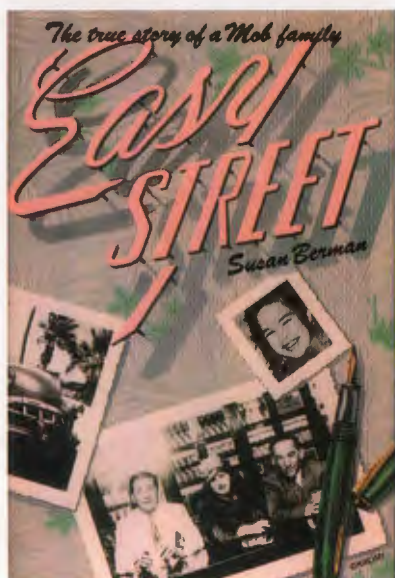
Литературную славу Сьюзан Берман завоевала в 1981 году, выпустив бестселлер «Изи-стрит. Подлинная история гангстерского семейства».



Фашизм не прошел



Это она



Книга была хорошо написана и показывала мир мафиозной семьи в необычном ракурсе — изнутри, глазами ребенка. К собственным воспоминаниям Сьюзан присовокупила результаты репортерских расследований. Пресса прозвала писательницу «принцессой мафии».

Правда, в следующие двадцать лет ничего выдающегося Сьюзан больше не создала. Она была весьма эксцентричной особой, ее чудачества и фобии были притчей во языцех. Например, она отказывалась ездить по мостам.

Требовала, чтобы окна в помещении были наглухо закрыты. В ресторане не прикасалась к еде, пока не придет шеф и подробно не расскажет обо всех ингредиентах. Никогда не поднималась выше третьего этажа (что в стране небоскребов должно было создавать массу проблем). В общем, ходячее учебное пособие для психиатра: папа — бандит, мама — наркоманка, детская душевная травма, все дела.

Однако те, кто знал эту несносную женщину, терпели ее сумасбродства и очень ее любили. (Мне тоже попадались такие люди: вроде бы ужас-ужас, но горит внутри какой-то огонек, и все летят на него, как мотыльки.) При том что Сьюзан была катастрофически бестолкова в практических делах и вечно сидела на мели, кто-то всегда приходил на помощь, не давал пропасть.

В последние годы жизни ей присылал щедрые денежные переводы бывший однокурсник и миллиардер Роберт Дёрст (опытные читатели детективов, внимание!).

А рождественским вечером 2000 года соседи Сьюзан вызвали полицию, потому что ее фокстерьер Лулу тявкал без остановки и всех замучил.

Хозяйка лежала на полу, очень аккуратно застреленная в затылок — классическое гангстерское убийство, когда ничего личного, а просто так надо.

Следствие установило: незадолго до смерти Сьюзан говорила подруге, что раскопала нечто очень интересное и теперь вся ее жизнь переменится. А больше следствие не установило ничего. Убийство не раскрыли. Ни исполнителя, ни заказчика (если таковой был) не нашли.

Версий две, обе сугубо гипотетические.

Первая заключается в том, что Берман каким-то образом сумела выйти на след отцовских денег, которые сорок три года назад увели у нее мобстеры. Это объяснило бы профессионализм убийства.

Вторая версия связана с благодетелем Робертом Дёрстом. У того восемнадцатью годами ранее пропала жена.

Как раз в 2000 году дело открыли вновь, и Сьюзан, хорошо знавшая обоих супругов, была вызвана на допрос к следователю. Деньги, которые высылал бывшей однокурснице миллиардер, сразу стали выглядеть подозрительно — не была ли это плата за молчание?

Но доказательств никаких не было, и обвинений Роберту Дёрсту не предъявили.

На этом большое журналистское расследование, написанное вскоре после смерти Сьюзан (его-то я вам в сокращенном виде и пересказал), заканчивается.

Дальнейшее я легко выяснил через поисковик, заинтересовавшись личностью щедрого Дёрста.



Роберт Дёрст

Самые интересные события его жизни были еще впереди.

Год спустя он был арестован по подозрению в убийстве и расчленении соседа. Сбежал из-под залога, скрывался от полиции. Попался в супермаркете при попытке спереть сэндвич, хотя имел при себе 37 тысяч наличными.

Признался в убийстве соседа и в том, что распилил труп пилой. Защита (смотрите ли вы сериал «Good Wife» про американских ку-десников-адвокатов?) сумела доказать, что убийство было совершено при самообороне. И присяжные — вы не поверите — Дёрста оправдали.

В 2004 году он все-таки сел, за махинации с ценными бумагами. Получил пять лет, но через год был уже на свободе. Потом посидел еще раз. Опять недолго. Сейчас живет, не тужит. Может, еще чем-нибудь удивит. Такой вот интересный господин.

Так кто же, по-вашему, застрелил Сюзан Берман? Какая версия кажется вам более правдоподобной?

ОПРОС: КТО УБИЛ «ПРИНЦЕССУ МАФИИ»?

Участников: 1244

Мафия

 346 (28,2%)

Дёрст

 692 (56,4%)

Кто-то еще

 189 (15,4%)



«СЕКРЕТИКИ» ИЗ ПРОШЛОГО

Я, как все нормальные люди, обожаю клады. Регулярно читаю кладоискательский журнал «Родная старина», где фанаты металлодетектора рассказывают о том, как нашли под слоем дерна старинный амулет или откопали горшок с «чешуйками». Но вообще-то я не такие находки люблю. Меня интригуют настоящие клады — те, которые спрятаны в тайниках. Материальная ценность значения не имеет. Мне интересна не «сумма прописью», а то, что в тайнике законсервировано другое время. Видели, наверное, дурацкий сувенир: консервную банку с надписью «Воздух Парижа» или «Воздух Венеции»? Так вот в тайнике заперт воздух иной эпохи.

Меня не особенно волнуют тайники древние: пирамиды, курганы, сокровища инков или скифов. Потому что это — про людей, жизнь которых слишком уж далеко. Я про нее мало что знаю, я ее не чувствую. А про тех, кто жил двумя, тремя, пятью поколениями раньше, я знаю почти всё. Они для меня как родственники. Я даже определил хронологические рамки своего интереса: меня привлекают эпохи, которые были сфотографированы. Всё, что раньше, какое-то ненастоящее. (Впрочем, про это я здесь уже, кажется, писал.)

Вот три клада, от которых у меня замирает сердце.

Про первый, обнаруженный года полтора назад, у нас говорили и писали довольно много.

В Питере затеяли ремонт бывшего особняка Нарышкиных-Трубецких и между перекрытиями вскрыли потайную комнатку площадью 6 квадратных метров. Нашли сорок мешков с фамильным се-



Клад Нарышкиных

ребром Нарышкиных, несколько тысяч единиц. Каждый предмет обернут в газеты 1917 года.

Кажется, потом за границей кто-то из Нарышкиных предъявил на клад права — толком не помню. Мне, честно говоря, неинтересно, что со всеми этими центнерами серебра стало. Оно, должно быть, стоит много миллионов,

но газеты, в которые был завернут драгметалл, волнуют меня не меньше, чем все эти супницы, половники и кольца для салфеток. А больше всего хотелось бы побывать в раскупоренной комнате...

Про второй клад, совершенно незначительный (не думаю, что про него вообще узнала пресса), мне рассказал один «чердачник». Есть такая категория кладоискателей, они специализируются по старым домам, предназначенным на слом. Эта находка по ценности не идет ни в какое сравнение с нарышкинским сокровищем, но она взволновала меня еще больше.

Простукивая стены обреченного особняка, мой «чердачник» понял, что под штукатуркой пустота. Проделал дыру и нашел большую замурованную кладовку, где в Гражданскую войну московская семья среднего достатка спрятала свои пожитки. Никакого золота-серебра. Обычная посуда, граммофон с пластинками, велосипед, швейная машинка, шубы, обувь, одежда, всякий домашний скраб.

Что-то из вещей «чердачник» оставил себе или раздарил, что-то разнес по антикварным магазинам, не шибко при этом обогатившись. Но меня просто трясет от зависти, когда я представляю: вот он светит фонариком в черную дыру, и луч выхватывает из тьмы фрагменты ушедшей жизни. Сбегая из голодной Москвы куда-нибудь на хлебную Украину или в сытную Сибирь, хозяева, конечно же, рассчитывали вскоре вернуться, потому что ну сколько может продержаться эта нелепая советская власть?

Никто не вернулся, всё на свете переменялось и перевернулось вверх тормашками — но только не здесь. Вещи на месте, ждут владельцев.

Про третий тайник, самый чудной из всех, я прочитал в британской газете «Телеграф».

Умерла одна старая-престарая француженка. Разбираясь в ее наследстве, душеприказчики выяснили, что за ней среди прочего имущества числится квартира в девятом округе Парижа, между Оперой и площадью Пигаль. Вскрыли дверь — и ахнули.

Из этой квартиры в июне 1940 года хозяйка бежала от немцев. *И больше ни разу не переступила порога.* Здесь с тех пор вообще никто не бывал. Плата исправно вносилась, так что претензий ни у кого не возникло. Почему женщина сюда не вернулась — бог весть. Может быть, не хотела ворошить какие-то тяжелые воспоминания.

Прессу больше всего заинтересовала висевшая на стене картина Джованни Болдини, впоследствии проданная на аукционе за два с лишним миллиона евро. А по-моему, эка невидаль — картина.

Вы лучше загляните в эту хронодыру — и попадете прямо в тот самый день, когда боши шли на Париж, и времени оставалось очень мало, только прихватить самое необходимое. Мгновение застыло, как муха в янтаре. Лишь слегка припорошилось пылью.



За окнами ходили немецкие облавы, потом немцев гоняли резистанты, потом из транзисторных приемников пела Эдит Пиаф; смешилось десять поколений автомобилей, люди стали летать в космос, рухнул Железный Занавес, произошло сто тысяч самых разных событий. А тут хайлайтом и главным ивентом было, допустим, явление случайно забредшего мышонка. Пробежал по паркету, понял, что подхарчиться нечем, — и время опять замерло.

Знаете, я вдруг вспомнил, что тоже оставил потомкам тайник.

Во времена моего раннего детства была такая мода — закапывать «секретики». Мне она ужасно нравилась. Мои друзья уже переросли эту игру, а я всё что-то закапывал, откапывал, перепрыгивал. И когда мы переезжали из Оболенского переулка в далекие, как другая галактика, Кузьминки, я почему-то решил оставить на старом месте всем «секретикам» «секретик». В жестяную коробку из-под новогоднего подарка (космическая ракета, улыбающийся месяц, кремлевская башня) я сложил массу ценных вещей. Там был синий стеклянный шарик, сверкающий пяточок 1961 года, оловянный пулеметчик и целая коллекция разноцветного «золотца» — красивой фольги от винных бутылок, которые мне давала дружественная продащица из соседней рюмочной.

Вот найдут мой «секретик» через пятьсот лет археологи и сломают себе голову, что это за таинственный набор артефактов.



ПОТОМОК ДИНОЗАВРА

Неподалеку от Сен-Мало, где я сейчас сижу, дописываю последнюю повесть для «Истории Российского государства», есть городок Сен-Бриа-Сюр-Мер, хорошенький, словно картинка из детской книжки.

Известен Сен-Бриа тем, что здесь несколько десятилетий находилась резиденция местоблюстителя российского престола, главы царского дома в изгнании, — сначала Кирилла Владимировича (1876—1938), затем Владимира Кирилловича (1917—1992).

На местных барахолках и в антикварных лавках, до которых я большой охотник, мне все время попадались занятные мелочи, прежде явно принадлежавшие кому-то из обитателей резиденции: игрушечные казаки, литографии с Невским проспектом и Царским Селом, русские книжки (одна — про колхозы, с фиолетовыми завитушечными инициалами на авантитуле), всякие коробочки-шкатулочки.



Ми-ми-ми



Одну шкатулку даже купил: что-то такое avec des mujiks russes



Великий князь Кирилл
Владимирович

Но поскольку монархического и аристократического пиетета во мне мало, венценосным соседством я никогда особенно не интересовался. А тут вдруг прочитал в местной газете, что office de tourism Сен-Бриака по четвергам устраивает экскурсии «Romanovs» (к 400-летию дома Романовых?), — и решил сходить.

Два часа слушал всякое душещипательное. Про романтическую любовь гран-дюка Сирила к разведенке-принцессе, внучке британской Виктории.

Про то, как суровый русский царь Николая подверг своего кузена ужасным гонениям (лишил права на престолонаследие и на время выгнал с морской службы) за этот скандальный брак. Про то, как после революции семья августейших эмигрантов проживала свои драгоценности и как в их небогатое жилище, к умилению сен-бриакцев, навещали блистательные родственницы — королева шведская, королева румынская.

Жили местоблюстители очень скромно. Вот вполне простой дом, который они купили, продав свой парижский особняк.



Вокруг полно вилл гораздо более нарядных и богатых. Глядя на ничем не примечательное серокаменное строение, я думал о том, как здесь, в тусклом ла-маншском климате, год за годом, дотлевала великая монархия, три века правившая моей огромной страной.

В комнатах, конечно, висели портреты выдающихся предков: Петра, Екатерины, трех Александров. В первое время обитателям казалось, что всё обязательно исправится и наладится — вернулись ведь в Англию Стюарты, а во Францию Бурбоны. Но шли годы, мечта ветшала, покрывалась плесенью. Подрастали дети, которым грезы о величественном прошлом бередили душу — и, должно быть, мешали жить нормальной жизнью.

Большая история, начавшаяся ровно четыреста лет назад в костромском монастыре, закончилась здесь, в игрушечном городишке, где на протяжении всего XX века свято блюли место, которого больше нет. Вся российская империя, некогда занимавшая шестую часть суши, поместилась на нескольких сотках, за невысокой оградой.

Смотрел я на этот реликт и вспоминал, как в детстве сажал на ладонь тритона и с почтением думал: а ведь когда-то он был динозавром...



Почти обычная семья перед своим домом



ФОРМУЛА АНТИКОРРОЗИЙНОСТИ

Некоторое время назад я почти одновременно прочитал два текста, между которыми, как и между их авторами, на первый взгляд нет ничего общего.

Вот эти книги:



А это их авторы:



Сначала про первую книгу.

Это подлинная, автобиографическая история. Про то, как обычный человек, из тех, кого называют менеджерами среднего звена, устроился на хорошую работу с приличной зарплатой и что из этого вышло.

По обложке понятно, что компания называлась ЮКОС. Наш менеджер, Владимир Переверзин, по-моему, Ходорковского и в глаза не видывал — тот витал в заоблачных высях. Когда верхушку компании частью арестовали, а частью выжили из страны, Переверзин повздыхал и стал искать другую работу.

И вдруг оказалось, что обвинению очень нужны свидетели. Как это у них заведено, Переверзину предложили сделку: немножко полжесвидетельствуй, а за это мы тебя не тронем. Живи себе дальше в свое удовольствие, свободный человек.

Когда Переверзин отказался, следователи сначала ужасно удивились, а потом ужасно обиделись. Нарисовали дело, и наш справедливый, совершенно независимый суд вкатил неразумному по полной — чтоб другим было неповадно.

Семь с лишним лет Владимир Переверзин провел в тюрьмах и лагерях. Да не как Ходорковский с Лебедевым, а безо всякого общественного внимания, без первоклассных адвокатов. Так сказать, на общих основаниях. Отсидел от звонка до звонка, без поблажек.

Наконец вышел. К разбитому корыту. С кучей проблем. Постаревший.

Но при этом глубоко убежденный, что поступил единственно возможным образом. (Недавно Петр Офицеров, оказавшийся в аналогичной ситуации, сказал, что если бы дал показания и избежал тюрьмы, то его заключение длилось бы всю жизнь.)

Долгих семь лет Владимира Переверзина ломали-ломали, но так и не сломали. Из книги понятно — почему, хотя там нет ни пафоса, ни нравоучительных сентенций. Просто честный рассказ, временами даже смешной. Не буду пересказывать. Книга уже вышла. Заходите — прочитаете сами.

На второй книге остановлюсь чуть подробнее, поскольку русский перевод хоть и существует, но вышел тиражом в 500 экземпляров и вряд ли попадет к вам в руки.

Итак.

Служащий индийской колониальной администрации, некий Фредерик Бейли, в 1918 году был отправлен с разведывательной

миссией в красный Туркестан — посмотреть на месте, что такое большевики и чего от них следует ждать. Из ада Гражданской войны (да еще и азиатской) британский подполковник сумел выбраться назад, к своим, лишь в начале 1920 года — с огромными трудами и невероятными приключениями.

В экспедицию Бейли отправился по-английски: со слугой, с собакой Зипом, с любимым фотоаппаратом и с набором энтомолога (он был страстным коллекционером редких бабочек). В общем, дурак дураком — этакий комичный джентльмен-путешественник.

Ну и попал, как кур в ошип. Насмотрелся, нахлебался. Аресты, расстрелы, зверства, яблочко-куда-ты-котишься, жизнь-копейка и прочие прелести.



Революционный суд за работой

На английского подполковника ЧК устроила большую охоту. Бейли много месяцев прятался, жил на нелегальном положении, с горя выучил русский язык и отрастил бородавку. Бедняге было не до разведки — ноги бы унести.

Надо сказать, что даром рассказчика Бейли не обладает, с чувством юмора там тоже проблемы. И всё же я читал затаив дыхание. Всё ждал, когда же британец под грузом опасностей сорвется и перестанет корчить из себя джентльмена.

Не дождался.

Чертов мистер Бейли не пошел ни на какие компромиссы. Он даже не оставил большевикам свою собаку, хотя из-за подпольной

жизни был вынужден на время с нею разлучиться. Чекисты установили за ушастьем Зипом плотную слежку: знали, что слуга английского империализма очень привязан к своему барбосу. Проведя сложную операцию, Бейли воссоединился с собакой и забрал ее с собой.

С двумя десятками таких же, как он, беглецов от Советской власти подполковник несколько сотен километров двигался через пустыню. От колодца к колодцу. Не найти следующего означало верную смерть. И так день за днем.

И вот однажды, изнемогая от жажды, выходят они к воде — а там какие-то люди. Всего четверо, но очень тупые. Испугались, открыли огонь, не подпускают, в переговоры не вступают. И что же? Вместо того чтобы перестрелять упрямцев, Бейли приказывает идти дальше, искать другой колодец. Потому что как это — убивать людей, которые ни в чем не виноваты?

Он этого такими словами не пишет. В книге вообще нет никакой дидактики. Просто у автора даже не возникает мысли о том, что ради своего спасения можно пройти по трупам. Ну, не повезло. Что поделаешь?

Слава богу, нашли другой колодец. Выжили.

Или того пуще. Посреди пустыни беглецы ловят большевистского лазутчика, который их выслеживал, чтобы навести погоню. Казалось бы, тут-то уж ясно: кончить гада без разговоров. Нет, они берут шпиона с собой. Кормят, делятся скудным запасом воды. А переправившись через границу, отпускают. Это не милосердие и не гуманизм. Просто такие правила.

Особенно мне понравился эпизод с госпожой Мандич, единственной дамой в отряде. В самый последний момент, на берегу



Мистер Бейли в тылу врага

реки, за которой находилась безопасная Персия, беглецы попали в засаду. Несутся во весь опор через мелководье. Госпожа Мандич сначала отстает, потом падает с лошади.

Свистят пули. Фонтанчиками взлетает земля. Спасение — вот оно, рядом.

Все кричат женщине: «Скорей! Бегите сюда!»

Но дама не бежит. Она начинает собирать рассыпавшиеся вещи. Другой плюнул бы: пропади ты пропадом со своими побрякушками, дура! Однако за идиоткой возвращаются — назад, под винтовочный огонь. Уговаривают бросить чемодан, уводят. Только чудом никто не был ранен или убит. Автор флегматично пишет: «Признаться, в тот момент я был довольно сильно раздражен на эту леди, но, конечно, ничего ей не сказал».

В общем, такой вот мистер Бейли. И несносную леди вывез, и собаку не бросил, еще и памирских бабочек притащил, которые сейчас хранятся в лондонском Музее естественной истории.

Теперь вы спросите: ну и что же у двух этих людей общего — у нашего Владимира Переверзина и ненашего Фредерика Бейли? Зачем объединять их в одном посте?

Да затем, что эти два человека преодолели тяжелейшие испытания, следуя одному и тому же рецепту: обстоятельства могут быть какими угодно, а я останусь таким, какой я есть. Что бы ни происходило. У меня свои принципы, свои правила. И все отстаньте, я им не изменю. Вот формула антикоррозийности в любой едкой среде. А что это за едкая среда — кровавый ужас Гражданской войны в диком Туркестане или бескровный ужас российской следственно-тюремной мясорубки — дело второстепенное.

Оставаться собой — и будь что будет.

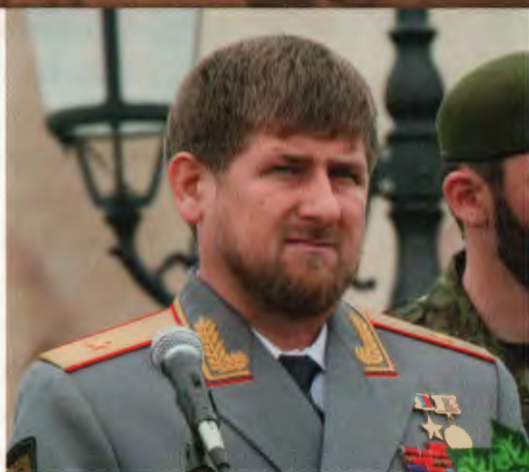


МОЛОДЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Прочитал тут, что самым молодым генералом в новой России стал Рамзан Кадыров, в 33 года. И задумался.

Конечно, не о кадыровском генеральстве — с этим-то всё ясно. Путин всего лишь возродил обычай XIX столетия, когда владельческим князьям, ханам, султанам или эмирам Кавказа и Средней Азии давали генеральский чин, чтобы польстить самолюбию и покрепче привязать к империи.

Например, вот Даниялбек, султан Элисуйский. Генерал-майор с 1842 года, потом перебежал к Шамилю. —>





←— А это Сеид Асфендиар-Богадур, хан Хивинский. Генерал-майор с 1910 года, впоследствии убит Джунатид-ханом.

Итак, меня заинтересовал не феномен Кадырова, а тема гораздо более увлекательная: молодые генералы.

Вообще-то это оксюморон. Генерал не может, *не должен* быть молодым. До этого высокого звания дослуживаются много лет, через опыт, испытания, победы, обычно — через пролитую

кровь, свою и чужую. Произносишь слово «генерал», и сразу видишь морщины и шрамы, седую или плешивую голову, красный от ветров и водки нос.

Если же кто-то стал генералом в совсем молодом возрасте, то это почти всегда человек необыкновенный — бесстрашный, лихой, удачливый и в то же время не по годам зрелый, раз ему доверили командовать большим количеством людей.

Молодой генерал — это что-то красивое, харизматичное, романтическое. И трагическое, потому что молодые генералы редко доживают до старости. «Кто живет по законам другим, и кому умирать молодым». «В одной невероятной скачке вы прожили свой краткий век». В общем, что-то такое.

И стал я перебирать в памяти (а также искать в Гугле) самых молодых генералов разных стран и народов. Захватывающее занятие, скажу я вам.

Начал, конечно, с отечества.

Рекордсменом среди советского генералитета, разумеется, был Василий Сталин, получивший генеральские погоны в 25 лет. (Ровесник моей матери, учился с ней в одной школе, в параллельном классе, предназначенном для детей высшей номенклатуры. Она рассказывала, что парнишка был неплохой, но ужасный раздолбай и двоечник.)



Но Василия Сталина не засчитываем. Тут, как с Кадыровым, совсем другая история. Принцы и великие князья во все времена получали чины не за боевые заслуги, а за августейшую кровь, и в этой категории юных генералов наш Василий Иосифович даже перестарок.

Великий князь Константин Николаевич — контр-адмирал в 21 год. —>

Эрцгерцог Карл — в 24 года вообще фельдмаршал. Впоследствии действительно вырос в серьезного полководца, но звание получил авансом, по привилегии рождения. —>

Нет уж, давайте вспоминать настоящих, заслуженных генералов, царей на каждом бранном поле (а не на балу).

В Советской армии самую поразительную карьеру сделал храбрый летчик-истребитель Григорий Кравченко (1912—1943), впервые отличившийся в боях с японцами. Сталин любил возвышать таких самородков — ясных и лучезарных, всем ему обязанных, без дотеррорного прошлого.

Всего за два года Кравченко из старших лейтенантов вырос в генерал-лейтенанты. Видимо, он был прототипом симоновского Козырева из романа «Живые и мертвые». Тоже погиб в воздушном бою с немцами — героично, но для командующего авиасоединением неправильно.



Настоящий «сталинский сокол»



Орел Геринга

Правда, для моего списка Григорий Кравченко подходит не вполне — стал генералом поздновато, уже под тридцать.

← Как и его коллега, сражавшийся по другую сторону фронта, — Дитрих Пельц (1914—2001), самый молодой генерал германского Рейха, где, как известно, звания давали очень скупно.

Этот — редкий случай — дожил до глубокой старости. (Пельц был не истребителем, которых все обожают, а бомбардировщиком — скверная специальность. Думаю, все немецкие бомбардировщики Второй мировой войны горят в аду.)

Все-таки в регулярной войне XX века кадровому офицеру даже при самых блестящих способностях и сверхчеловеческой удаче попасть в генералы в очень уж молодом возрасте было невозможно. Для такого взлета больше подходят войны гражданские или революционные, когда ломаются все традиционные иерархии, и на самый верх иногда попадают совсем юные вундеркинды Марсовоу науки.



Наших отечественных, я полагаю, вы всех знаете. Поэтому ограничусь маленькой портретной галереей — просто напомним. (Все без исключения — герои, яркие личности и военные таланты. Моральных качеств касаться не будем. Как говорится, «такое уж было время».)

Сергей Лазо (1894—1920). В 24 года (то есть всего через 6 лет после этой гимназической фотографии) командовал фронтом.

Михаил Тухачевский (1893—1937). Как и Лазо, из бывших подпоручиков. В 25 лет — командарм.



Иона Якир (1896—1937). В 22 года возглавил крупную группу войск.



Виталий Примаков (1897—1937). В 22 года — комдив «червонных казаков».





У белых военачальники были в среднем постарше, чем у красных, потому что в армии, где носят погоны, через звездочку не перепрыгнешь — приходится расти постепенно. Зато и генералы были настоящие, чин чином.

← Андрей Шкуро (1887–1947). Получил генеральский чин в 31 год. Один из лучших кавалеристов своей эпохи.

Жаль, закончил службу группенфюрером СС.

Атаман Григорий Семенов (1890–1946). Вождь белого движения на Дальнем Востоке. Генерал с 28 лет.



Другой атаман — Борис Анненков (1889–1927). Довольно жуткий тип. Стал генералом в 30 лет.



Николай Скоблин (1893—1937?). Самый молодой комдив белой армии, генерал в 27 лет. В эмиграции, как известно, был завербован чекистами и помог им похитить в Париже главу Российского общевойскового союза Евгения Миллера. Некрасивый финал для боевого генерала.



Пост получается слишком длинный, а тема меня увлекла. Поэтому:

ПРОДОЛЖЕНИЕ
БУДЕТЬ



СОВСЕМ МОЛОДЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Взদেশних, фейсбучных и «эховских» комментах называли кучу молодых военачальников, про которых я забыл или вовсе не знал. Например, у белогвардейцев, оказывается, был генерал еще моложе Скоблина, колоритный и страшноватый Владимир Манштейн, однорукий-кривобокий истребитель комиссаров.

Ну и, конечно, множество раз прозвучало имя 24-летнего генерала Буонапарте, но про него вы все и так в курсе.

Давайте я лучше потрачу драгоценное мониторное пространство на рассказ о четырех не просто молодых, а совсем юных, с необходимым молоком на губах, генералах. Двигаться буду от старшего к младшему.



Молоко не молоко, но усы, кажется, толком еще не выросли

Про первого вы наверняка читали или слышали. Это граф Александр Кутайсов (1784-1812), сын скандально известного Ивана Кутайсова, турка, который десятилетним мальчиком попал в плен к русским и пригнулся при взбалмошном цесаревиче Павле: начинал бродобреем, закончил сиятельством и первейшим фаворитом. Благодаря та-

кому папе Александр в 15 лет был полковником, так что его раннему генеральству удивляться нечего. В 22 года он уже «превосходительство».

Несмотря на столь непочтенный старт карьеры, Кутайсов оказался отличным генералом, причем не только практиком, но и теоретиком: разработал концепцию боевого использования полевой артиллерии. Пал при Бородине, в рукопашной схватке на батарее Раевского. Судя по тому, что даже тела не нашли (или не опознали), дрался в самом месиве.

Еще красивее погиб филиппинский национальный герой Грегорио дель Пилар (1875—1899), участник освободительных войн сначала с испанцами, потом с американцами.

Он командовал маленьким отрядом повстанцев в бою на Тирадском перевале, прикрывая отступление всей армии от наседающих американцев. Продержался целый день, с утра до вечера. Сражение называют «Филиппинскими Фермопилами». У дель Пилара было только 60 бойцов, из них погибли 52, включая командира. Американцы потеряли убитыми и ранеными 12 человек, и если вы думаете, что это мало, то ошибаетесь. С учетом разницы в вооружении и обученности это был большой успех филиппинцев. Главное же, что дель Пилар поставленную задачу выполнил и армию спас. Тогдашние неpolitкорректные янки, относившиеся к туземным повстанцам как к недочеловекам, и то прониклись — поставили на могиле героя табличку с надписью: «Офицер и джентльмен».

Серебряный призер на соревновании по генеральскому спринту — американец с обманчиво украинским именем Галуша Пеннипэкер (1844—1916), заработавший золотые звезды в двадцатилетнем возрасте. То есть в нынешней Америке ему и спиртного бы не про-



Стал генералом в 21 год



Вот такой Галуша

дали, сказали бы: «Подрасти сначала, сынок». А в те времена этот генерал еще не имел права голосовать на президентских выборах.

Высокий чин Галуша получил, можно сказать, путем обмана. В кровопролитном сражении у форта Фишер в январе 1865 года он повел полк северян в атаку и был смертельно ранен. Командующий пообещал юному полковнику генеральский чин, очевидно, полагая, что почесть будет посмертной. Но хорошая штука молодость. Юноше, должно

быть, ужасно хотелось пощеголять в генеральской форме. Он сражался в госпитале за жизнь целых десять месяцев — и победил. Обманул смерть. Покрасовался, сфотографировался. Ранение, впрочем, все-таки оказалось летальным, только замедленного действия. Через пятьдесят с лишним лет рана открылась, и старый отставной генерал умер от кровотечения.



Совсем мальчишка, но поза и выражение лица несомненно генеральские

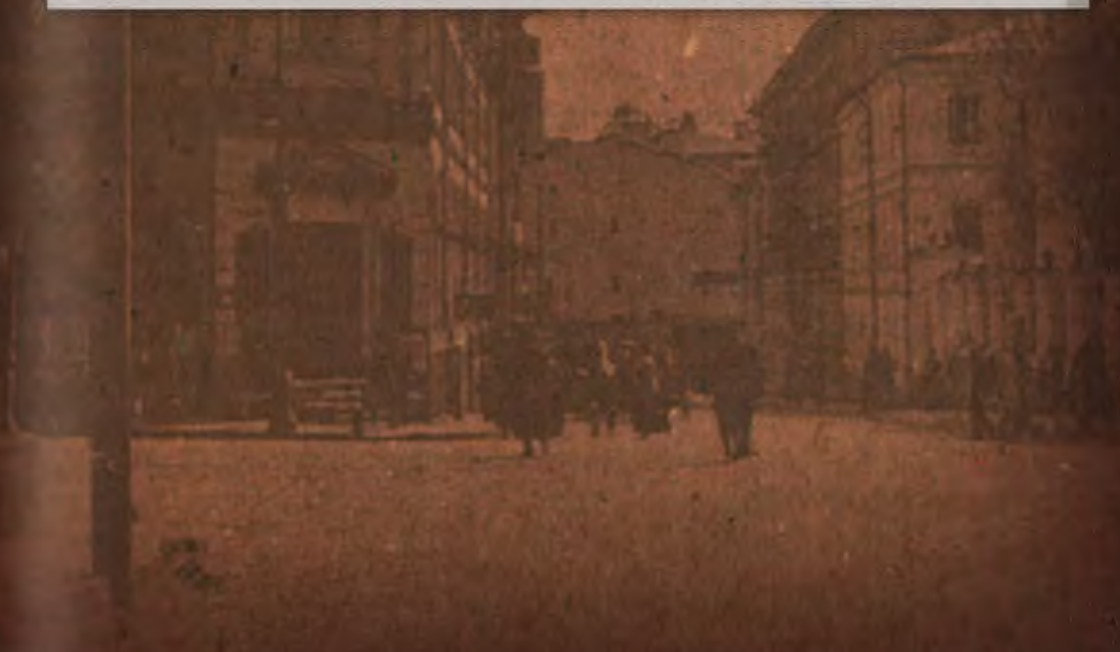
Ну и наконец абсолютный рекордсмен, девятнадцатилетний французский генерал Эме де Буаги (1776—1839).

С пятнадцати лет он был участником контрреволюционного движения шуанов в Бретани и через четыре года получил от короля генеральский чин. За полудетский возраст де Буаги прозвали *le Petit Général*, «Генеральчиком». Он отличался не только храбростью (храбрых-то было много), но еще и феноменальной стойкостью. Участник двух шуанских восстаний, он оба раза прекращал борьбу самым последним, когда все остальные военачальники уже сложили оружие или бежали за границу.

Еще одной привлекательной особенностью Генеральчика было то, что он соблюдал правила войны: не убивал пленных, не трогал мирных жителей, не брал заложников. Поэтому после обоих поражений, в 1796 и 1800 годах, его оставили на свободе — редкая для революционных властей галантность. В наполеоновские времена, когда вся Франция обожала Великого Человека, все еще очень молодому де Буаги несколько раз предлагали стать генералом империи, но он отказывался, сохраняя верность своему злосчастному, никому не нужному королю.

Генеральчик много раз мог — *должен был* — погибнуть в бою, на заре жизни, но судьба его пожалела. Он рано перестал воевать и всю оставшуюся жизнь прожил с семьей. Умер от степенной, возрастной болезни — подагры.

В заключение скажу, что лично мне нравится, когда во всех армиях генералы старые. Это значит, что всё более или менее спокойно, войны давно не было и не скоро будет.



ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ТИРАНОВЕДЕНИЕ

Однажды я заинтересовался непраздным для российского жителя вопросом: как это так получается, что в демократическом государстве вдруг устанавливается режим единоличной власти? Решил начать с самого начала, то есть с античности. И увлекся историей Сиракуз, процветающего греческого полиса, где в V—IV веков до н.э. после периода народовластия (конечно, относительного — по современным понятиям это скорее была олигархия) наступила эпоха диктатуры. В течение нескольких десятилетий Сиракузами правили, один за другим, два колоритных тирана, отец и сын, оба Дионисии. Историки иногда путают их, приписывая поступки одного другому, но в сущности это не столь важно. Тиран он и есть тиран.

С сиракузской демократией произошло вот что.

Дионисий Старший начинал скромным клерком в общественной конторе, ведавшей безопасностью и обороной полиса. Поднялся по служебной лестнице до должности первого военачальника. Подстроил покушение на самого себя, после чего казна выделила ему средства на личную охрану в количестве шестисот человек. Он увеличил контингент до тысячи. Потихоньку рассадил своих охранников на все ключевые посты. А потом стал и диктатором — к тому времени в Сиракузах никто уже и пикнуть не смел. Правил Дионисий Старший до самой смерти, железной рукой. Но в хорошем настроении любил и подшутить над приближенными, как все нормальные тираны. Например, над фаворитом Дамоклом.

Не забывал тиран и о высоком. С журавлями в небо, правда, не поднимался и амфор со дна морского не доставал, но зато очень любил спорт, в особенности Олимпиады. Посылал на состязания большие команды пышно разодетых спортсменов. Правда, никаких призов они, кажется, не получали. (Это обидное упущение потом поправил Дионисий Младший, первым догадавшийся перекупать знаменитых атлетов у других полисов.)



А чё, прикольно. Волосок чудом не оборвался...

У отца же первая Олимпиада закончилась конфузом. Он отправил в Олимпию множество невероятно роскошных колесниц, велел поставить великолепные шатры и прислал актеров, которые громогласно продекламировали поэму, сочиненную Дионисием. Однако стихи были столь отвратительны, что взыскательные греки их освистали, шатры разломали, а затем вообще прогнали сиракузцев с игр, заявив, что посланцам жестокого тирана нечего делать на Олимпиаде.

Со стихами и вообще с литературой у Дионисия Старшего всё было серьезно. Он мнил себя великим поэтом и драматургом. Однажды стихотворец Филоксен позволил себе нелестно отозваться о сочинениях владыки. Тиран обиделся и велел отправить наглеца на каменоломни. Потом сменил гнев на милость, вернул поэта ко двору, почитал вслух свои новые творения и спросил: «Ну как?» «Отправь меня обратно на каменоломни», — грустно ответил Филоксен.



Платон мечет бисер перед правителем

Согласно легенде, литература Дионисия и погубила. Однажды пришла весть, что его трагедия каким-то чудом получила премию, да не где-нибудь, а в самих Афинах (сам же, поди, членов жюри и подкупил). Лауреат так обрадовался, что упился до смерти.

Есть, правда, и другая версия, согласно которой папу отравил сынок, которому тоже хотелось поправить.

Дионисий Младший был таким же самодуром, но в отличие от отца увлекался не литературой,

а философией. Это к нему приехал осуществлять свою земную утопию о государе-философе мудрый, но наивный Платон.

Попытки преобразовать неограниченный абсолютизм в абсолютизм просвещенный закончились тем, что Платон еле унес из Сиракуз ноги, а Дионисий стал тиранствовать пуще прежнего. В конце концов граждане выгнали своего нацлидера и он отправился в изгнание.

Финал его жизни красноречив и по-своему даже трогателен: Дионисий Младший устроился в Коринфе обыкновенным учителем. Добрый Цицерон высказывает предположение, что бывший диктатор не мог обходиться без власти и должен был тиранствовать хотя бы над детишками.

Ну и как, скажите мне, можно не любить историю?



ИСЧЕЗНУТЬ ВДВОЕМ

Я уже несколько раз раскрывал вам этот шкафчик писательской кухни: откуда что растет, не ведая стыда (в случае беллетристики — стыда заимствования); как рождается идея романа или сюжетного хода. Правда, в ходе работы первоначальная, подлинная история сильно изменяется, иногда до неузнаваемости, но что-то все-таки остается.

Впрочем, судите сами. И впредь не говорите, будто сюжет «Сокола и Ласточки» чересчур сказочный.

Есть у меня такой замаскированно грустный роман о всех кораблях, ушедших в море, о причастном тайнам старом попугае, а главным образом о некрасивых девочках, мечтающих о прекрасном принце, который приплывет под алыми парусами, разглядит за неказистой внешностью *настоящую* тебя и после этого уже не захочет смотреть ни на кого другого, и ты спрячешь своего принца от всех соперниц на необитаемом острове, где можно не терзаться ревностью и где никто никогда вас не разлучит.

Началось с того, что я наткнулся, кажется у Алданова, на упоминание о диковинной судьбе одного принца по имени Иоганн-Сальватор, то есть «Спаситель».

Всё, про роман забудьте. Буду рассказывать про принца.

Среди разветвленного семейства Габсбургов встречается много колоритных персонажей, но Иоганн-Сальватор, принц Австрийский, Венгерский, Богемский и Тосканский, пожалуй, заткнет за пояс всех своих родственников.



Взгляд смелый, а губы пухлые — опасное сочетание.

Он родился в 1852 году и в юности был себе эрцгерцог как эрцгерцог, ничего особенного. Разве что проявил недюжинные способности к музыке, писал вальсы (чуть ли не вместе со Штраусом) и даже балеты — разумеется, под псевдонимом, чтоб не ронять августейшего достоинства. Под псевдонимом же писал и задиристую публицистику необычного для такой персоны демократического звучания.

Иоганн-Сальватор был человеком на редкость разносторонним, поскольку кроме музыкального и литературного дара проявил еще и военный. Наша дореволюционная «Военная энциклопедия» характеризует его так: *«По общему отзыву, I. былъ однимъ изъ лучш. г-раловъ австр. арміи и однимъ изъ честнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ принцевъ нашего времени».*



В 27 лет он уже фельдмаршал-лейтенант

В австрийской армии той эпохи к нижним чинам относились как к безгласной скотине и быдлу, эрцгерцог же попытался провести кардинальную реформу, делая ставку на воспитание и образование солдат. За это

Иоганна-Сальватора очень любили в армейских низах и очень не любили в верхах. В конце концов, поняв, что с реформой ничего не выйдет, принц совершил нечто совершенно непринцеобразное: швырнул Францу-Иосифу свой орден «Золотого руна», высшую награду империи, отказался от чина, от титула, даже от фами-

лии «Габсбург» и стал именоваться просто «Иоганн Орт» (Орт — название его фамильного замка). После этого ему, конечно, пришлось навсегда покинуть пределы Австро-Венгрии.

Это, так сказать, одна из версий бунта в августейшем семействе. Есть и другая, менее гражданственная, но не менее красивая.

Сразу после разрыва с императором Иоганн Орт женился на простой девушке, балетной танцовщице Милли (Людмиле) Штубель. Будучи эрцгерцогом, он этого сделать не мог — император ни за что бы не дал своего согласия. А господин Орт, лицо частное, был волен поступать по велению сердца.

Дальше начинается совсем прекрасное.



Младые прелести Людмилы



Замок Орт. Обратите внимание: на острове

Герр Орт выучился на капитана дальнего плавания и получил шкиперский патент, после чего купил корабль (только вот не с алыми парусами) и уплыл с юной фрау Орт на край земли, в Уругвай. Там зачем-то сменил всю команду и отправился еще дальше, в просторы Тихого океана.

И больше влюбленных никто никогда не видел. Корабль «Маргарита» вышел из Монтевидео и исчез. В биографиях год смерти бывшего принца значится под вопросом: 1890 (?).

Я, конечно, понимаю, что вероятней всего малоопытный Руслан утопил судно вместе с Людмилой и экипажем где-то в опасных водах близ мыса Горн. Но так хочется надеяться, что на самом деле всё у них было заранее спланировано и получилось по задуманному.

Присмотрели укромный островок, затерянный среди бескрайнего океана; набрали команду из таких же искейпистов; благополучно поселились в своем раю; жили там долго, счастливо и ни о чем никогда не жалели.



ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ-1

Приглашали меня какое-то время назад поучаствовать в телепередаче с таким же названием. Насколько я понял, нужно показывать перед камерой предметы, которые меня окружают, и про каждый что-нибудь рассказывать. Со временем у меня всегда плохо, да и вообще я не любитель сверкать физиономией на экране, поэтому уклонился. Телевидение ведь вторгается к людям в дом, не спрашивая, интересно им или нет. Так и представляю: сидит семья, занимается своими делами, а в ящике болбочет какой-то лысый-бородатый дядька, откровенничает про свою жизнь. Зачем это им? И тем более мне.

Другое дело — личный блог. Кому неинтересно, сюда не заходит. Поэтому вам, пожалуй, расскажу, в каком предметном мире я существую. Вернее, работаю, потому что все эти вещи из моего рабочего кабинета.

У меня там много вещей случайных, но лишних нет. Каждая чем-то помогает. Если мозолит глаза или мешает — избавляюсь.



Да, на диване я работаю не меньше, чем за столом. В основном смотрю в потолок

На первый взгляд это хаос и бардак, куча всякой ненужной белиберды.

Здесь главное — общее настроение. Когда я захожу в кабинет и плотно закрываю за собой дверь, я оказываюсь в хронокапсуле, которая может переносить меня в нужную эпоху и нужное место. Посторонних звуков я не слышу. Как-то раз полуобвалился соседний дом (я живу на Хитровке, где такое случается), был жуткий грохот, а я и не заметил. Потому что мой кабинет находится в другом измерении, и там грохочет погромче, чем здесь.

Слева, со стены, на меня смотрит Эраст Петрович Фандорин — обычно с некоторой брезгливостью, но иногда, редко, в глазах сверкают и одобрительные искорки.

Этот портрет я когда-то увидел в антикварном на Мясницкой. Как раз пытался вообразить, какое у Фандорина лицо (дело было еще до экранизаций и сакуровских иллюстраций). И вот вижу: молодой брюнет, очень сдержанный, с флером тайны. Почему-то в студенческом мундире Путейского института, но это несущественно — потом как-нибудь объяснится (и объяснилось, в новелле «Из жизни щепок»). Сомнение все-таки было: вдруг не он? Решил устроить испытание. Если приду ровно через месяц, а портрет меня дожидается — значит, Фандорин.

Портрет дождался. Теперь без него я уже не могу писать ничего фандоринского. Время от времени замазкой подрисовываю Эрасту Петровичу седые височки, которых первоначально

не было. (Вообще-то неизвестный с портрета оказался — я долго выяснял и выяснил — Владимиром Карловичем фон Мекком, сыном Надежды Филаретовны, но мне это не мешает.)



Под портретом, как вы можете заметить, висит самурайский меч. Тоже не просто так. Я купил эту железяку в Гонконге на барахолке долларов типа за тридцать. Ценности это смертоубийственное оружие не представляет. Оно, собственно, и не смертоубийственное — его ни разу не натачивали. Обычная штамповка, атрибут парадного офицерского наряда в японской императорской армии. Но мне эта сабля многое рассказывает. Я могу реконструировать по ней целую жизнь, давно сгинувшую. И это символ всего моего ремесла.

На клинке кроме казенного «Да здравствует император!» стоит дата, 15-й год Сёва (1940), и имя «Сато Котаро».

Я читаю этот меч, как открытую книгу.

Котаро Сато: мальчик из бедной, простой семьи — вероятно, крестьянской (городские парни не очень-то рвались в офицерские школы). Очень маленького роста (сабля короче стандарта). На выпуск получил от гордых и счастливых родителей в подарок парадный меч — самый дешевый, но зато с гра-



вировкой. Через год началась война. Офицерик воевал в Китае. В чинах не поднялся, на грабежах не разбогател — иначе справил бы себе катану попрестижней. Видимо, погиб в бою, потому что был похоронен с воинскими почестями, вместе с личным оружием (по ножнам видно, что они много лет не соприкасались с воздухом). Потом какие-то гробокопатели потревожили могилу, и не представляющая ценности находка за копейки досталась старьевщику.

Может быть, конечно, я всё это нафантазировал — не имеет значения. Важно, что этот предмет будоражит воображение и дедукцию. И то, что сегодня на всем белом свете подпоручик Сато никому кроме меня не интересен, это тоже важно. Все, кто его когда-то знал, наверняка уже умерли, а не умерли, так давным-давно забыли. Он — мой. Я, может, когда-нибудь его еще оживлю.

У меня тут в кабинете много всякого разного. Потом продолжу.

ЛЮБОВНИК РЕВОЛЮЦИИ. (ВОЗРАСТНОЕ)

Троцкий, обожавший звонкие фразы, сказал: «Революция избирает себе молодых любовников». Один такой Ромео, влюбившийся в революцию и сгоревший в пламени этой страсти, интриговал меня еще со школьных лет.

Помните повесть Алексея Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус»? Она густо населена разными неприятными персонажами, и на этом тошнотворном фоне завораживающей кометой проносится загадочный граф Шамборен, поэт-футурист и большевистский агент, за которым гоняется в Одессе вся белая контрразведка. Он едет в Европу для того, чтобы взорвать Версальскую мирную конференцию, почему-то везет в баночках с сапожным кремом восемнадцать крупных бриллиантов, «живуч, как сколопендра», палит из револьвера, но в конце концов попадает. Сцена его казни описана, как умел Алексей Николаевич — скупно и сильно: «— Стыдно, граф, — баском сверху прикрикнул ротмистр, — давайте кончать. — Тогда Шамборен кинулся к лестнице. Едва его кудрявая голова поднялась над палубой, — француз [палач] выстрелил. Шамборен покачнулся на лестнице, сорвался, и тело его упало в море».

Тогда же я прочитал, что фамилия персонажа выдуманная, но человек был реальный. Некий юный чекист французского аристократического рода, чуть ли не маркиз, сыграл важную роль в освобождении Одессы от интервентов весной 1919 года. Время от времени я вспоминал о товарище маркизе и обещал себе, что обязательно его разъясню. Собрался только сейчас. Это оказалось нетрудно, слава Интернету.

Правда, про этого эфемерного человека понаписано много всякой сомнительной дребедени. Довольно трудно понять, что было на самом деле, а что приплетено и нафантазировано, причем давно, еще в двадцатые годы. Если заинтересуетесь — ройте дальше сами, разбирайтесь. Я расскажу коротко и без беллетризации.

Во-первых, да — он был кудрявый. Это факт.

Впрочем, А. Н. Толстой его лично знал — видел в московских богемных кафе, где этот приметный юноша («с пушистыми светлыми волосами, правильными чертами лица и горящими глазами», вспоминает Н. Равич) читал свои стихи (кажется, не выдающиеся) и поэтические переводы из Теофиля Готье — великолепные (по отзыву не кого-нибудь, а самого Мандельштама).

Настоящее имя — Георгий Лафар, он же де Лафар, он же де ла Фар, он же де ла Фер, он же Делафар (последнее имя встречается в источниках чаще всего). Титулованный он был или нет, я так и не понял. Маркизов де ля Фар во Франции вроде бы не водилось. Зато граф де ля Фер, как мы знаем, по меньшей мере один точно имелся.

Автор «Записок контрреволюционера» Владимир Амфитеатров пишет: «Делафар носил космы до плеч, бархатную куртку, писал стихи и уверял, будто бы он французский маркиз, потомок крестоносцев; полагаю, что крестоносцем он был наоборот: те — шли в Палестину, а он — вышел из Палестины», но это, впрочем, заблуждение типичного «контрика», который во всяком «комиссаре» подозревал сатанинское иудейское племя. На самом деле отец Георгия был обрусевший француз, инженер на военном заводе.

Как и положено юному стихотворцу, Делафар воспламенился революцией. Он был вообще-то не большевик, а анархист, но в ту пору два эти радикальные течения еще не враждовали между собой. Служил Георгий в ВЧК, где, невзирая на зеленые лета и поэ-



тический темперамент, заведовал весьма серьезным отделом борьбы с банковским саботажем, а во время «Заговора послов» вел дела арестованных французских офицеров.

Из-за франкофонности молодого чекиста и откомандировали в Одессу, где высадился французский экспедиционный корпус. Большевики девятнадцатого года верили, что скоро грянет мировая революция, и надеялись распропагандировать иностранных солдат и матросов (что было не так уж и трудно, поскольку все устали воевать и хотели домой).

Но у графа Делафара было задание не агитаторское, а под статью титулу — он должен был *вращаться в верхах*. И отлично справился с поручением: близко сошелся с полковником Анри Фредамбером, по должности — начальником французского штаба, а фактически самым влиятельным человеком оккупированной Одессы.

Между прочим, этот Фредамбер — тоже интересный субъект. До галлизации его фамилия произносилась «Фрейденберг». По некоторым сведениям, этот человек был родом из Одессы. В тогдашней французской армии, пропитанной антисемитизмом и вообще очень скупой на чинопроизводство, еврей мог стать в 42 года полковником, лишь обладая какими-то исключительными способностями.

(Потом Фредамбер сделает блестящую карьеру и в начале Второй мировой войны будет командовать армией. Умрет лишь в 1975 году, почти столетним, пережив всех других деятелей нашей Гражданской войны.)

Каким-то образом граф Делафар сумел настроить Фредамбера против белогвардейцев, так что в критический момент полковник настоял на эвакуации французских войск, в результате чего город был захвачен красно-зелеными. (Впоследствии за это самоуправство Фредамбер даже попал под суд.) Я читал любопытные, но сомнительные байки



Фредамбер,
или Фрейденберг, уже
в генеральские годы

о том, что Делафар влиял на полковника через актрису Веру Холодную или же дал ему огромную взятку (вот вам и бриллианты в сапожном креме). Не верю. Иначе всемогущий полковник как-нибудь отмазал бы своего сообщника, когда контрразведка до него все-таки добралась.

А. Н. Толстой, пересказывая беседу с белым контрразведчиком Ливеровским, которого потом вывел в «Ибикусе», описывает гибель графа Делафара следующим образом (интересно сравнить с тем, как это описано в повести): «Темной дождливой ночью Делафара везли на моторке на баржу № 4 вместе с рабочим, обвиненным в большевистской агитации, и уголовником Филькой. Первым поднимался по трапу рабочий. Конвойный, не дожидаясь, пока он поднимется

на баржу, выстрелил рабочему в голову, и он скатился. Филька, пока еще был на лодке, снял с себя крест и попросил отослать по адресу. Когда же взошел на баржу, сказал — это не я, и попытался вырваться. Его пристрелили. Делафар дожидался своей участи в моторке, курил. Затем попросил, чтобы его не застреливали, а утопили. Делафара связали, прикрепили к доске и пустили в море. Вот и все, что я знаю...»

Не захотел, стало быть, наш граф умирать прозаически, как рабочий и уголовник. На доске, в море. Поэт. 24 года ему было.

Аресты большевиков.

За последние время одесская административная стража зорко следила за большевистскими подпольщиками. Когда главные нити были в руках властей, отдан был приказ о задержании большевистских деятелей.

Первым был арестован комиссар большевистской разведки Ласточкин, за которым долго и упорно охотилась полиция.

Вторым был арестован большевистский деятель известный под кличкой граф де-Лафер. Он появился на Одесском горизонте сравнительно недавно. Средства в распоряжении арестованного имелись довольно солидные. Задержан был граф Лафер после тщательной слежки за ним. В данное время, точно установлено, что арестованный бывший секретарь петроградской «сверхвышки» в области допросов «существенно».

Минувшей ночью снова удалось арестовать трех видных большевиков, наряду с которыми прибывших в Одессу из Финляндии и назначенных сюда комиссарами. При арестованных обнаружены значительная сумма на организационные нужды. В числе вещей «комиссаров» найдены изрядный запас агитационной литературы, в специальных ящиках, снаряженный порохом, взрывчатые вещества, топографические карты, планы южного фронта и обширная переписка, давшая в руках властей дальнейшие нити.

ЕКАТЕРИНОДАРЬ, 29 III. Арестованным и предается суду бывший комиссар, по делу — печати в Ростове и Тифлисе.

Какое я из этой грустной истории вывожу *moralité*?

Когда читал про романтического графа Шамборена в юности, думал: как всё это красиво. Хорошая все-таки вещь — революция. Влюбила в себя множество удивительных людей, подарив каждому звездный час, и еще больше людей обыкновенных, сделав их удивительными. Неважно, сколько жить, важно — как. И прочее, соответствующее возрасту.

В нынешние же свои годы думаю: какая гадость эта ваша революция. Если б не заморочила юноше голову, получился бы хороший литературный переводчик, о ком твердили б целый век: N. N. прекрасный человек. Любовников ей, стерве несытой, подавай, да еще молодых, и побольше. «Скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?» И ведь сколько во все времена находилось желающих. Добро б еще ночь манила сладострастьем. А то ведь грубые лапы конвойных, пошляк ротмистр, запах мазута от грязной воды, веревки, мокрая доска...



ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ-2

Вот еще артефактик, который действует на меня стимулирующе. —>

Друзья и знакомые часто дарят мне ежегодники, путеводители, телефонные или адресные книги дореволюционной эпохи, зная, что я собираю справочную литературу этого рода. И вот однажды, перелистывая только что полученную книгу-календарь 1908 года, я обнаружил между страниц засушенный лист и несколько стебельков — очевидно, кто-то наскоро сорвал и сунул в качестве закладки. Именно такие эфемерные фрагменты навсегда ушедшего времени сильнее всего на меня и действуют. Вставил в рамочку, под стекло. Когда я останавливаюсь перед этой немудрящей инсталляцией, меня буквально утягивает туда, в давно минувшее лето. Из триллионов листьев и стебельков, росших на лугах и полях 1908 года, уцелели только эти и теперь живут у меня дома. Они — органическое доказательство того, что всё было на самом деле: в России первый кинофильм «Стенька Разин» и Тунгусский метеорит, в Мессине землетрясение, в Боливии застрелены Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид...





Детка весело играла...

А это отрывной календарь за 1918 год. Он был напечатан в одном мире — с указанием всех церковных праздников, с дурацкими анекдотами про кокэток, с домашними фокусами («ландыш из стеарина»), с кулинарными рецептами («Возьмите средней жирности каплуна»), — а жить по нему пришлось в совсем другом мире, где расстреливали заложников, где по IV категории, в соответствии с принципом «кто не работает, тот не ест», выдавали полфунта черного хлеба в день.

На календаре последний оторванный листок — 1 февраля. Дальше — ясно. Семья снялась из Москвы, поехала на Юг, спасаться от большевиков. Умные люди, не стали дожидаться, что будет дальше. Смотрю на календарь и пытаюсь угадать, увидеть, что с ними потом стало. Убиты? Умерли от тифа? Выбрались в эмиграцию?

Еще я, как положено моему гендеру, люблю оружие. Оно интригует меня тем, что таит в себе тайну смерти, а еще оно обычно жутко красивое. Вот

два из моих пистолетов — самый большой и самый маленький.

Длинный пистолет — дуэльный. Очень мощный, с нарезным стволом. Из такого и на двадцати шагах не промахнешься. Оружие для серьезных лю-



дей, которые стреляются, когда двоим нет места на одном свете — а не для так называемых «французских поединков», где палили с большой дистанции, потом картинно пожимали друг другу руки и ехали пить шампанское.

Смешной пистолетик — дамский. Их прятали за подвязку барышни нелегкой судьбы, чтобы было чем защищаться, если кавалер окажется буйном или маньяком.

Еще одно оружие защиты: классическая трость со спрятанной внутри шпагой, верный спутник джентльмена, ведущего опасный образ жизни.



Погибшее, но милое создание пробует себя защитить в моем любимом сериале «Deadwood»



Сталь, между прочим, толедская.





В фильме «Смерть на Ниле» друг Эркюля Пуаро полковник Райс протыкает такой железкой смертельно ядовитую змеюку. Имелся даже специальный жанр фехтовального искусства — бой на тросточках.

Хотя вообще-то, как я читал, главная функция у этого импозантного оружия была менее романтической. По городским улицам и паркам тогда носились стаи бродячих собак, иногда весьма агрессивных. Вот от них сим толедским булатом обыкновенно и отбивались.



А это мой захламленный письменный стол, на котором много всяких жизненно необходимых предметов: отличные ножницы 1862 года, бронзовый колокольчик для экстренного вызова жены при зависании компьютера, коробочка из-под ландринных леденцов для флэшек и проч., и проч. В углу, если присмотреться, видно винчестер, из которого в фильме «Турецкий гамбит» стреляет Фандорин.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
БУДЕТЪ**



НЕСПЕТАЯ ПЕСНЯ

Когда я готовился писать книжку «Летающий слон» (об авиаторах Первой мировой войны), у меня собралось множество любопытного материала о русских «летунах», как их тогда называли. Судьба одного из них вполне тянет на отдельный роман, причем совершенно по моему профилю — из жанра «в эту ночь решились самураи». Уже ясно, что со своей «Историей Российского государства» и прочей мегаломанией романа этого я не напишу, поэтому вот вам неспетая песня моя.

...Братья Терлецкие, Константин (р. 1887) и Лев (р. 1895), были настоящими детьми XX века — больше всего на свете любили технический прогресс. Константин бросил юридический факультет, чтобы поступить в Морской корпус и стать подводником, плавал на неуклюжих страшных субмаринах (про них я как-нибудь тоже напишу), потом стал известным конструктором и создал первую советскую подводную лодку «Декабрист».

Лев посвятил жизнь небу. Он воевал на той кровавой войне, которую сначала именовали «Отечественной», а потом забыли, потому что следующие войны оказались еще ужаснее. Я не нашел его имени в списке россий-



И. Е. Репин. «Борис Акунин истребляет файлы»

TRANSPACIFIC FLIGHT



IT'S A SMALL WORLD BY
PAN AMERICAN AIRWAYS

Настоящая American dream,
а не компания

ских асов и георгиевских кавалеров, но, судя по дальнейшей карьере, это был летчик от бога.

В отличие от старшего брата, он не нашел общего языка с Советами. Служил в Белой армии. Эмигрировал в Америку. С такой, как сказали бы сейчас, остроактуальной специальностью Лев Филиппович, в отличие от большинства изгнанников, сумел найти хорошую работу — в только что созданной авиакомпании «Пан-Американ». И через некоторое время стал самым лучшим ее пилотом. Звали его теперь Leonard или Leo.

Любопытная для романиста деталь: судя по воспоминаниями, капитан Leo Terletsky был очень странным человеком. На земле — «настоящий

европеец», «само очарование», но в воздухе превращался в истерику, орал на экипаж, никому не давал расслабиться. Один из сослуживцев утверждает, что прославленный пилот до смерти боялся летать. Такие люди есть: их вечно тянет к тому, чего они больше всего страшатся, и очень часто на этом поприще они достигают лучших результатов, чем остальные. (Известно, например, что доблестный воин Генрих Наваррский перед каждым сражением трясся от ужаса, но эта слабость лишь заставляла его искать самые опасные места в бою и приводила к победе.)

Боялся Терлецкий высоты или нет, но он был первым из первых. В 1928 году одержал победу в спортивном перелете Лос-Анджелес — Цинциннати. В 1937 году снова попал в газетные заголовки, когда спас от гибели свой самолет, угодивший в густой туман над Сан-Франциско. Все, кто был на борту, девять пассажиров и восемь членов экипажа (вот ведь были времена), уже попрощались с жизнью, но капитан сумел посадить самолет на воду.

С 1936 года «Пан-Ам» открыл рейс из США в Китай (см. афишу), через Гавайи, Гуам и Манилу. Выполнял полеты самолет М-130, так называемый «Гавайский клипер», самолет-амфибия, настоящее чудо тогдашней техники.



Командовали такими гидропланами только самые опытные пилоты, а у Терлецкого к тому времени уже было налетано девять тысяч часов.

29 июля 1938 года клипер Терлецкого с пятнадцатью людьми на борту взлетел с Гуама, взял курс на Манилу — и перестал выходить на связь, когда до Филиппин оставался всего час лета. Поиски были долгими и упорными, в них участвовали пятнадцать (!) военных кораблей и даже стратегические бомбардировщики.

Безрезультатно. Ни следов, ни обломков в океане — ничего.

Пропавший самолет искали не только из-за пятнадцати человек. На борту был секретный груз, о котором не писали газеты: три миллиона долларов наличными для Чан Кайши (это по-современному миллионов сто).

Загадка исчезновения так и осталась нераскрытой. Возможно, просто случилась авария (хотя погодные условия были терпимые). А может быть, произошло нечто совсем другое. В общем, есть разгуляться где на воле — в смысле, беллетристу.

Версия первая, конечно, — японская разведка. Коварные дети микадо запросто могли сбить самолет, чтобы деньги не доста-





Чон Ван-сун
справа. Слева его
брат, между прочим
летчик



Глаза хитрые.
И обратите внимание
на злодейские усики

лись Гоминьдану. А могли и увести клипер истребителями — чего зря миллионы-то топить. (И в первом, и во втором случае участь Терлецкого и его спутников была бы одинаковой.)

Вторая версия — китайские «триады». Среди пассажиров был некий Чон Ван-сун, владелец манильского ресторана. Ух, подозрительный.

Хорошую версию можно было бы развернуть с самим Лео Терлецким. Командира все обязаны слушаться. Якобы аварийная посадка на заранее присмотренном пустынном острове. А там уже ждет роковая женщина, стюардесса. Потом их видели в Париже, на Вандомской площади у магазина «Картье».

Хотя я бы, наверное, назначил злодеями двух ученых-биологов, которые были среди пассажиров: профессор бактериологии и специалист по патологии растений. А что? Летят себе в уголочке два тихих ботаника, никого не трогают, говорят про цветочки...

Эх, какой роман пропал!



ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ-3

На диванной полке у меня стоят бронзовые бюстики двух императоров — Николая Первого и Александра Второго. Не случайно.



Эти правители олицетворяют для меня два полюса российской государственности: авторитарный и либеральный, охранительный и реформаторский, репрессивный и прогрессивный. Понятно, кого из двух я люблю, а кого нет. Николай «Палкин» пытался остановить время, Александр Освободитель пытался от времени не отстать. И оба пришли к краху. Николай, диктовавший свою волю всей Европе, державший в унижении и трепете подданных, привел свою сверхдержаву к постыдному поражению в Крымской войне и нигилизму. Александр не смог совладать с общественным движением, которое породили его недопродуманные и плохо просчитанные реформы — и был убит теми, кого облагодетельствовал.

В XX веке этот дуэт возродится с поправкой на иной масштаб. Сталин — это такой мега-«Палкин», Хрущев — мини-«Освободитель».

Первый умер ужасно, за запертой дверью, куда боялись войти запуганные приближенные. Второго с позором прогнала собственная свита. А новая сверхдержава опять рухнула.

В общем, мне есть о чем подумать, когда я гляжу на бронзовых папу с сыном.

И вот еще одна штукавина: просто занятный гаджет времен Первой мировой — артиллерийский офицерский бинокль с градуиром, по которому можно вычислить дистанцию до пешего и конного неприятеля. Бинокль германский, цейсовский, очевидно поэтому неприятель — в русской военной форме. Это как-то неприятно. Однако греет душу мысль о том, что бинокль я купил у нашего антиквара. Значит — трофейный.

По ассоциации вспоминаю одну историйку про артиллерийский бинокль, которую рассказал мне в детстве отец. Он вообще-то ужасно



не любил говорить про войну, но когда я болел, мне иногда удавалось путем вымогательства и нытья раскрутить его на военные воспоминания. Правда, обычно они меня разочаровывали, потому что ничего героического в них не было. Вот и этот эпизод такой же.

В начале войны отец командовал взводом артиллерийской разведки. Иногда, и даже часто, ему приходилось под покровом темноты забираться на нейтральную полосу, чтобы замаскироваться и

при свете дня нанести на карту цели, а потом, если понадобится, корректировать огонь. И вот однажды его ночью растолкали: пора. Он, полупроснувшись, взял всё необходимое. Пополз к холмику на ничейной земле, где еще засветло присмотрел очень удобную воронку, в которой можно отлично спрятаться.

Добрался, начал обустриваться в рассуждении докемарить до утра — как вдруг в ту же яму, с противоположной стороны, прыгнул немец. Такой же артиллерийский офицер. Вероятно, тоже загодя присмотрел отличное местечко.

(Тут придется сделать небольшое отступление. Мой отец всю жизнь был чудовищным разгильдяем. Уже на моей памяти он однажды поехал покупать дачу и потерял сумку с деньгами. А как-то раз оставил в метро портфель, набитый «самиздатом», где заодно лежали все его документы — так уж, чтоб не усложнять работу органам.)

Видит мой папочка перед собой немецко-фашистского захватчика, рукой за кобуру — а ее нет. Забыл в землянке. (В этом месте расскажу я, кажется, впервые услышал, как отец цитирует Николая Первого, якобы заявившего, что грузины щедро одарены природой по части тонкости талии, но не по части ума. Отец всегда это говорил в качестве оправдания, если в чем-то проштрафится.)

У немца-то, серьезного человека, кобура была на месте, и он к ней потянулся, но медленно, полупарализованно. И тогда отец, пользуясь темнотой, выставил вперед свой бинокль. Сказал волшебное слово «Вэг!» (он еще знал по-немецки «хенде хох», но лучше было не рисковать). Фрица уговаривать не пришлось. Он дунул из воронки, только пыль взвилась. А папа с меньшей скоростью припустил к нашим окопам. Ему повезло, что супостат попался такой тормозной и незоркий. Отец вообще был везунчик. (Тот портфель ему, кстати говоря, вернул незнакомый гражданин, найдя адрес по паспорту, и сурово сказал: «Нельзя же так, в самом деле».)

Ладно, что-то меня не туда повело. Останавливаюсь. Передача «Личные вещи» закончена.



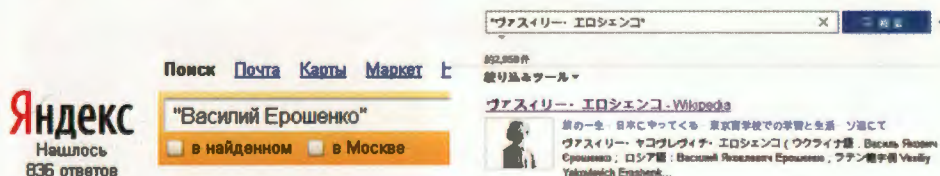
С талией у молодого папы все было в порядке

КАК НАДО ЖИТЬ

Юноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, скажу не задумываясь: не делай ее с товарища Дзержинского. А делай ее с Василия Ерошенко.

Вот вы скорее всего не слышали этого имени, а в Японии его знает каждый более или менее начитанный ребенок.

Для сравнения (в Яндексе и в японском Yahoo):



Судьба с самого начала поставила этого человека в невозможно тяжелые условия. Как сказали бы теперь, он не имел никаких шансов на жизненный успех.

Эпоха ему досталась из тех, про которые говорят «времена не выбирают, в них живут и умирают» (преимущественно второе). Конец девятнадцатого века, начало двадцатого. Глухая российская провинция, крестьянская (то есть серая, депрессивная) среда. В четырехлетнем возрасте мальчик тяжело заболел и навсегда ослеп. Потом скажет: «Я смутно помню всего четыре вещи: небо, голубей, церковь, на которой они жили, и лицо матери». С этим визуальным воспоминанием о мире он потом и живет.

Что с такими исходными параметрами было делать? Себя жа-

леть, всех вокруг ненавидеть, просить милостыню, пропивать ее в кабаке, а когда начнется Гражданская война и перестанут подавать, околеть в канаве.

Василий Ерошенко распорядился своей жизнью по-другому.

В приюте для слепых детей его хотели приспособить к щеточно-корзиночному ремеслу, чтобы калека мог хоть как-то заработать на кусок хлеба, но Вася предпочел научиться музыке. Играл на гитаре, потом освоил скрипку. Подрос — стал играть в оркестре знаменитого московского ресторана «Якорь». Слепому скрипачу рассказали, что в Лондоне есть Академия музыки с отделением для незрячих. Но как туда попасть, чем платить за учебу, на что жить? Недостижимая мечта.

Мечты осуществляют люди, которые не киснут, а живут полной жизнью, интересуются интересным, не пугаются недостижимого, а достигнув его, начинают мечтать о чем-то новом. Именно так Ерошенко и жил.

Вместо того чтобы кряхтеть и сто лет копить деньги на заморское учение, Ерошенко весь отдался новому увлечению — загорелся идеей всемирного языка эсперанто. Выучил, подружился с эсперантистами, которые тогда представляли собой нечто вроде международной фанатской организации. Оказалось, что во всех странах у эсперантистов есть свои люди, все друг другу помогают — и в 1912 году 22-летний Василий отправился в Лондон. Эсперантисты будут передавать его из страны в страну, как эстафетную палочку. Этому человеку всегда, всю жизнь будут помогать те, кто любит новое (и мешать те, кто нового боится).

Казалось бы, мечта осуществилась. Но в Лондоне музыкант-эсперантист узнал, что в далекой стране Японии слепые издавна пользуются привилегиями: владеют особым искусством массажа и считаются идеально пригодными для игры на старинных струнных инструментах — кото и сямисэне. К тому же Василий влюбился в мудрость Востока — на-



Ерошенко в молодости



С дамой в кимоно

читался священных буддийских книг (пальцами, как же еще). Интерес был не религиозным, а интеллектуальным. Ерошенко в бога не верил, только в себя и в хороших людей.

В 1914 году он уже в Токио. Учится в Школе слепых сразу четырем специальностям: музыке, меди-

цине, психологии и литературе, не считая всякой прикладной мелочи вроде массажа или лепки. Изучает науку иглоукалывания. Японский язык осваивает тоже при помощи иголки — накалывает звучание слов на карточки. Этот человек обладал каким-то феноменальным лингвистическим даром, за свою жизнь он выучит не меньше двадцати языков, в том числе китайский, пали, пушту, бирманский, туркменский, чукотский... Как ни фантастично для меня, япониста, это звучит, но, прожив в Токио меньше двух лет, Ерошенко начал писать и публиковать в журналах сказки на японском языке. Эти произведения и сегодня считаются в Японии классикой детской литературы.

Если вы думаете, что молодой человек с навсегда закрытыми глазами только и делал, что учился новому, то ошибаетесь. Он жил полной жизнью во всех смыслах. Например, испытал тяжелую любовную драму.

Ерошенко всегда, в любой стране, дружил с выдающимися людьми. Яркие личности, как известно, тянутся друг к другу. В десятых годах XX века в Японии, как и везде, самыми яркими людьми были интеллектуалы левых убеждений — по большей части, анархистских. В одну анархистку (ее звали Итико Камитика) Ерошенко сильно влюбился.

Я думаю, что любовь слепого человека должна быть более зрячей, чем обычная, которая слишком фиксируется на внешности. Итико Камитика была одной из самых интересных японок XX века.

Смелая, верящая в светлое будущее, она потом станет депутатом парламента (от левых, конечно), в пятидесятые годы добьется запрета проституции, проживет на свете чуть ли не сто лет. Но в 1916 году она была молодой и страстной. Любила не слепого эсперантиста, а красивого анархиста Сакаэ Осути. Тот же любил совсем другую девушку (и тоже анархистку), Ноэ Ито.



Анархистские страсти: Итико, Сакаэ и Ноэ

Любовный четырехугольник до добра не довел. Итико пырнула изменщика ножом и села в тюрьму. Сакаэ Осути выжил, но через несколько лет его и Ноэ убили жандармы...

А Василий Ерошенко еще до всех этих печальных событий с разбитым сердцем уехал за моря. Про Японию он скажет: «Слишком мало земли и слишком много счастья». (Формулировка, над которой я надолго задумался. Слишком много счастья? Может быть.)

Когда говоришь про Василия Ерошенко, начинаешь захлебываться. Человек прожил на свете всего 62 года, а уместил будто десять жизней. Не буду всё пересказывать — очень длинно получится.

Но не могу не описать вторую половину этих странствий. Побывав всюду и всё попробовав (хоть ничего и не увидев), Ерошенко вернулся в Россию, которая к тому времени стала советской. Он же был сказочник, он не мог не увлечься коммунистической идеей. Суровая Родина приняла сказочника в свои стальные объятия и уже больше не выпустила. То, как свободный человек жил в несвободной стране, — отдельный сюжет. Вокруг него постепенно выводили

под корень всех интересных людей: идеалистических борцов за светлое будущее, эсперантистов, путешественников, альпинистов. Остались одни неинтересные и те, что замаскировались под неинтересных. Ерошенко уцелел чудом — только благодаря своему инва-лидству (но по допросам, конечно, помотали).

Однако он продолжал искать новое и будучи запертым внутри железного занавеса. Жил на Чукотке, где освоил местный язык, научился управлять нартами вслепую и охотиться на слух (уж не знаю, как это). Жил в Туркмении, разработал туркменский вариант брайлевской письменности. Учил незрячих детей — сначала в Кушке, потом в Ташкенте.

Когда узнал, что смертельно болен, отправился в прощальное путешествие по стране и успел осуществить еще одну давнюю мечту — побродил по якутской тайге.

Умирать вернулся в родную деревню, где когда-то видел небо с голубями. Его записи и архивы пропали, изъятые компетентными органами во время многочисленных дознаний. Самого Василия Ерошенко на родине забыли, да в общем никогда и не знали. Вспомнили только посмертно, через много лет.

Но вот что я вам скажу. Как мысли черные ко мне придут — ну там, жизнь не нравится или мелкие проблемы со здоровьем, — я вспоминаю про Василия Ерошенко, и мне делается стыдно.



Памятник В. Я. Ерошенко в селе Обуховка
Белгородской области

ДВЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ

В свое время мы с Петром Вайлем — а это был один из самых умных людей, которых мне довелось знать, — много спорили о природе гениальности. Так и не договорились.

У Вайля была формула, которая ему очень нравилась: гений — это талант, помноженный на масштаб личности. Думаю, Петю попутала дружба с Иосифом Бродским, который был и талант, и личность.

Мне же кажется, что гений — нечто совсем иное. Конечно, когда одаренный человек оказывается еще и, извините за изжеванное выражение, «человеком с большой буквы», это майский день, именины сердца. Чехов там, Лев Толстой, Марк Аврелий (у каждого из нас свои любимцы).

Но история знает сколько угодно случаев, когда гениальность доставалась людям, которые во всех остальных отношениях были скверноватыми, или ужасными, или того хуже — ничтожными.

Все обожают цитировать письмо Пушкина Вяземскому про утерянные записки Байрона: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы, — иначе».

К сожалению, мал и мерзок именно ТАК. И даже хуже, потому что, ведя себя ничтожно, гений роняет в грязь королевскую мантию, которой его наградили судьба или Бог (если верите в Бога).

Байрона-то молодому Пушкину защищать было легко. Хромой лорд грешил и хулиганил с размахом, возведя скандал в ранг актуального искусства. Когда гений — злодей, это еще можно перенести. Демоническое начало, аравийский ураган и всё такое. Гораздо тяжелее смириться с тем, что гений — мелкая, недостойная личность. А это ох как часто бывало.

(Здесь у меня первоначально был абзац, где я перечислял разных выдающихся писателей, которые, по воспоминаниям современников, были дрянными людьми, но мудрая осторожность возобладала, и я этот пассаж убрал. Иначе в обсуждении только и писали бы, как гадко я оклеветал великого N и еще более великого NN. Думаю, вы сами найдете примеры, если пороеетесь в памяти. Я-то ведь о другом.)

Мне кажется, все дело в том, что люди путают два принципиально разных вида гениальности: профессиональную и человеческую.

Насчет первой у меня есть собственное предположение, которое я изложил устами леди Эстер в «Азазеле» и устами монашки Пелагии в «Белом бульдоге». Если коротко: я полагаю, что в каждом человеке, абсолютно каждом, есть росток гениальности, просто наше несовершенное общество не умеет эту потенцию распознать и вы-

пестовать. А если бы все школы земли были устроены по принципу эстернатов, то через некоторое время планету заселили бы сплошные гении. (Я действительно так думаю, без дураков.)

С гениальностью второго вида дело обстоит намного сложнее. Я имею в виду абсолютно прекрасных по душевным каче-



В моих эстернатах в детей живо бы гениальность вколотили

ствам людей, которые своим существованием согревают и освещают окружающий мир. Если вы ни разу с такими в жизни не сталкивались, искренне вам сочувствую.

Обычно такой человек виден лишь немногим, а большой мир про него знать не знает. Если какой-то добрый самарянин по случайности и попадет на скрижали, то мы даже имени его не узнаем. Так в Евангелии и останется: *«Самарянин же некто»*.

«Профессиональному» гению почти всегда сопутствует слава, хоть бы и посмертная; «гению человечности» — редко, практически никогда. И ни в каком эстернае такого гения, боюсь, не вырастишь. Он просто рождается, и всё. Поэтому я думаю, что его ценность много выше. «Профессиональных» гениев вокруг море. Включите телевизор, войдите в Интернет, посмотрите на афиши — в глазах зарябит: актеры, музыканты, ученые, нобелевские лауреаты. А вот гениев второго вида за свою уже не короткую жизнь я встретил только трех, ну может быть, четырех, и каждый сделал для меня — просто фактом своего существования — больше, чем (with all respect) все Достоевские и Чайковские вместе взятые. Может, когда-нибудь расскажу.



ПРО ВЫТЕКШЕЕ САКЭ И СБЕЖАВШУЮ КОШКУ

Продолжаю свою доморощенную штудию природы гениальности. Хочу обратить ваше внимание еще на одну загадку. Есть талантливые художники (давайте сосредоточимся на гениях от искусства, с ними проще), которые с возрастом портятся, а есть такие, которые к старости становятся только лучше. В чем секрет?

Не могу передать, до чего меня расстраивает, когда режиссер, снявший мои любимые фильмы, или писатель, очень многое для меня значивший, старея, начинают производить всякую постыдную бяку.

Я немало ломал голову над этим досадным явлением и вот к какому выводу пришел (прошу прощения, если изобретаю велосипед, как это со мной иногда случается). Мне кажется, что здесь, так же, как с гениальностью, нужно различать два разных вида таланта.

Очень часто яркий расцвет креативности совпадает с физиологическим расцветом. Такой талант можно назвать «гормональным». Это цветок пышный и красивый. То, на что не хватает ума или вкуса, художник запросто добирает чутьем, энергетикой, «химией», обаянием (бывает, что и отрицательным). Но в пожилом возрасте гормоны буйствовать перестают, верхнее чутье ослабевает, и остаются только технические навыки, которые, конечно, не пропьешь, однако от них и не захмелеешь. И выясняется, что вчерашний кумир неумен, нравственно несимпатичен, скучно тиражирует былые находки или же пускается в эксперименты,

за которыми тягостно наблюдать. «Гормональный» гений очень похож на ослепительную красавицу, вся прелесть которой заключается во внешности и секс-магии. Старушки этого сорта часто являют собой депрессивную картину и, когда используют средства, которые когда-то безошибочно срабатывали, выходит только хуже.

Для того чтобы талантливый художник сохранил свою силу, необходимо, чтобы она опиралась не только на тестостерон, но еще на разум и сердце. Такой режиссер снимет свой лучший фильм и на седьмом десятке, как Ингмар Бергман, и даже на восьмом, как Акира Кurosava. А если почувствует, что устал, то вовремя остановится, поскольку хватит ума и такта. Вершины мастерства Лев Толстой, на мой взгляд, достиг в повести «Хаджи-Мурат» (1904), и всё, ушел из большого спорта.

Среди «гормональных» гениев и талантов тоже встречаются люди, столь требовательно относящиеся к своему дару, что, почувствовав, как он ослабеваает, навсегда уходят из искусства. Например, Артю́р Рембо. Все свои стихотворения, произведшие революцию в поэзии, он написал до двадцати лет, а потом сменил род занятий и до самой смерти больше не написал ни строчки. Есть такая жестокая разновидность гениальности — когда талант ярко вспыхивает в пору пубертата, а потом бесследно пропадает.



Юный гений и просто мсье Рембо



К сожалению, только это про него и помнят. (Не пугайтесь, тут Мисима пока тренируется)

Или вот Юкио Мисима. Я много лет занимался этим писателем и очень высоко ценю его литературное дарование. Но он не был умен, вкус его часто скатывался в вульгарность, про моральные качества даже и говорить не хочу (на его совести жизнь молодого парня, которого писатель утащил за собой на тот свет). Но Мисима относился к писательству в высшей степени серьезно — как к Пути. Я уверен, что он ушел из жизни в 45 лет, потому что почувствовал: кувшин треснул, сакэ вы-

текло. Именно такое впечатление на меня производит его финальная тетралогия, которую он замышлял как главный литературный шедевр всех времен и народов: очень красивый, затейливо разукрашенный сосуд, но пустой. Писатель закончил работу над рукописью и в тот же день ушел из жизни, устроив шумный хеппенинг — тоже своего рода художественное произведение, оказавшееся поэффектнее тетралогии.

Если почувствовал, что твое сакэ вытекло, делать харакири не нужно. На свете столько всяких интересных и достойных занятий помимо творчества. Только не лови черную кошку в помещении, где ее больше нет, и уж во всяком случае не мяукай за нее — все равно никого, а главное себя, не обманешь.



ГЕНИАЛЬНОСТЬ НА ДЕСЕРТ

Напоследок в этой стихийно образовавшейся трилогии про гениальность я приберег для вас хорошую новость.

Кроме гениальности «гормональной», каким-то не вполне понятным образом связанной с физиологическим расцветом, есть и гениальность противоположного вектора, связанная с возрастным угасанием. И этот вид талантливости, пожалуй, интереснее и оптимистичнее остальных.

Бывает, что человек по-настоящему раскрывается в ту пору жизни, когда принято ставить на себе крест или, во всяком случае, подводить итоги. О будущем задумываться поздно, разве что, как говорится, приглядеть участок посуше.

Я одно время собирал биографии людей, которые нашли свое призвание лишь на излете жизни — вовсе не обязательно в какой-то творческой области.

Вот вам в качестве примера две судьбы.

Первая — хрестоматийная.

Вы все, я думаю, знаете этого пластмассового дедушку, «полковника Сандерса».

Я не любитель его жареной продукции, но история самого дедушки мне ужасно нравится. Полковник он не настоящий, а «кентуккий-





ский» (есть в этом штате такое почетное звание, которое раздают пачками), но человек-то был вполне реальный: Харлан Сандерс (1890—1980).

Такой беспримесный, злокачественный лузер. Рано осиротел, школу не закончил, с тринадцати лет зарабатывал на жизнь, еле перебивался. С огромным трудом заочно выучился на адвоката, но с треском вылетел из профессии после того, как прямо в зале суда поколотил собственного клиента.

Ни на одной работе долго не удерживался. Несколько раз пытался создать бизнес и всё время прогорал.

Единственное, что у него хорошо получалось — жарить цыплят. Сандерс изобрел новый способ их приготовления, открыл придорожный ресторанчик и даже начал сводить концы с концами, но судьба, казалось, решила доклевать бедолагу. Неподалеку проложили новую трассу, весь трафик перетек туда, и заведение разорилось.

Сандерсу к этому времени стукнуло уже шестьдесят пять. По хорошему, ему полагалось бы признать свою жизнь окончательно незадавшейся и начать готовиться к переходу в мир более справедливый, нежели этот.

Вместо этого старый неудачник придумал превратить свой метод «цыплетожарения» во франшизу и начал продавать ее по всей Америке. Так зародилась сеть «Кентаки фрайд чикен» — один из самых популярных фастфудов в мире.

Дедушка стал очень богатым, пожил в свое удовольствие еще немало лет и ушел победителем, а напоследок учредил благотворительный фонд — это лучшая память, какую может оставить по себе богатый человек.

Занавес. Аплодисменты.

Вторая история — про американскую художницу, которую обычно называют «Бабуся Мозес» (Grandma Moses). Она родилась в 1860 году и прожила тяжелую, малорадостную жизнь. Была женой батрака, родила десять детей, половина которых умерли в младенчестве. В 67 лет овдовела.

Интересное началось еще десять лет спустя, когда старая старушка из-за артрита лишилась возможности вышивать и решила писать картины. Собиралась дарить их родственникам и знакомым на Рождество и прочие праздники, чтобы не тратиться на подарки.

Рисовать ее никто никогда не учил. Она вообще никакого образования кроме начального не имела. Поэтому малевала, как Бог на душу положит. А Он положил — не поскупился.

Вот какие картины выходили из-под ее кисти:



Я бы такое у себя дома охотно повесил

Бабуся Мозес создала более тысячи полотен. Прославилась и разбогатела. Прожила сто один год. Сейчас считается классиком «наивного искусства». Ее работы висят в почтенных музеях, даже в Белом Доме.



Как же она мне нравится!

Недавно мне подарили книгу Владимира Яковлева «Возраст счастья» — так она вся состоит из подобных реальных историй: про наших с вами современников, настоящая жизнь которых началась только в старости. Там я прочитал про русскую бабушку, вдруг обнаружившую в себе способности к айкидо, про амери-

канского дедушку, в 78 лет ставшего фокусником, и еще много всякого позитива.

У меня в этой связи есть к вам предложение. Давайте никогда — ни в каком возрасте и физическом состоянии — не хоронить себя раньше смерти, не говорить, что всё позади и что остается лишь кое-как дожить, доскрипеть.

Давайте внимательно смотреть вокруг и внутрь себя. Очень возможно, что самые интересные открытия, как внешние, так и внутренние, жизнь приберегает на десерт.



РОМАНОВЫ, ПАВШИЕ ВО БРАНИ

Дом Гольштейн-Готторп-Романовых, именуемый для краткости просто «Романовы», обожал военные мундиры, парады и маневры. В армии или флоте служили, кажется, все без исключения мужчины августейшего семейства. За триста лет из них собрался бы целый батальон.

Но под настоящими пулями и картечами величества и высочества оказывались не очень часто, а головы на поле брани сложили только двое. Давайте их вспомним, они этого заслуживают.

Оба принца были совсем молоды, поэтичны и созданы для служения не Беллоне, а музам. Может быть, оттого и погибли. Как поется в песне, «ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться».

Первый из них — Сергей Максимилианович герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, внук Николая Первого и наполеоновского пасынка Евгения Богарне.

Его отец был президентом Российской академии художеств,

Интровертный подросток с типично романовским лицом (крайний слева)





Исправный офицер;
но интровертность
усугубилась

и мальчик с раннего возраста проявлял незаурядные способности к искусству, к музыке. Однако общей для императорских высочеств судьбы не избежал — был определен в конногвардейцы.

С началом войны за освобождение Болгарии Сергей Лейхтенбергский отправился в действующую армию. Его сослуживец С. Д. Шереметьев вспоминает: «Он участвовал в войне без убеждения и войне не сочувствовал, его вкусы были направлены в другую сторону. Незадолго до смерти он говорил мне, что жаждет окончания войны, чтобы посвятить себя всецело искусству».

Пацифистские настроения не мешали Сергею Максимилиановичу честно выполнять свой долг. Он доблестно воевал, в 27 лет получил генеральский чин. А 12 октября 1877 года, в не особенно важном сражении (собственно, это была обычная разведка боем), оказался в гуще перестрелки, где генералу, и тем более члену царствующего дома, вообще-то находиться было необязательно. Убит турецкой пулей в лоб. Жениться не успел, так что потомства не оставил.

Вот эта стычка. Как видите, не Бородино.

П. О. Ковалевский. «Бой
под урочищем Иваново»



А это памятник на могиле князя-герцога. Спасибо болгарам, сохранили.

Второй Романов, павший смертью храбрых, погиб совсем юным — двадцати одного года от роду.

Олег Константинович, как и Сергей Лейхтенбергский, родился не в солдафонской, а в артистической семье, был сыном деликатнейшего КР, президента Академии наук и недурного (для высочества) поэта.

Мальчик был умненький, способный, восторженный, радовал преподавателей Лицея любовью к литературе и в особенности к Пушкину.

В двадцать лет затеял и осуществил нешуточное дело: выпустил издание пушкинских автографов. Он и сам был поэтом.

Но по окончании Лицея, разумеется, оказался на военной службе, в лейб-гусарах.

Когда началась Первая мировая война, отказался от службы в ставке, ушел с полком на фронт. В одной из самых первых стычек ужасной бойни, из которой Россия выберется еще очень не скоро, Олег был смертельно ранен. В реляции сказано, что он раньше всех доскакал до неприятеля и врубился в его ряды, но представить, как этот мечтательный юноша в кого-то «врубился», трудно. Мне почему-то воображается нечто вроде гибели Пети Ростова: *«Ураааа!.. — закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым...»*



Поэтичный лицеист

Олег Константинович получил пулю в живот, несколько дней промучился, умер от заражения крови.

Поэзию он писал такую:

*Готов забыть я всё: страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь и дружбу, грезы
И самого себя. Себя ли?.. Да, себя,
О, Русь, страдальца святая, для Тебя.*

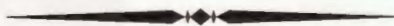


Нетипичный гусар

Стихи могут показаться слабыми (слезы-грезы, себя-тебя) и трескучими (если Русь, то уж непременно святая), но ведь в них всё правда: и страдание, и горе, и самопожертвование ради отечества.

А уцелел бы в сражениях — расстреляли бы большевики, как его родных братьев Иоанна, Константина, Игоря.

Бедные, бедные Романовы. Русь — святая ли, нет ли — тоже бедная. Все бедные. Всех жалко.



ПРО РОССИЙСКОЕ ВЕЧНОЕ

Фандорин у меня в романе говорит: «Вечная беда России. Всё в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, злу служат мученики и герои». В первом варианте текста этому предшествовал рассказ пламенной революционерки мадемуазель Литвиновой о недавней «Якутской истории». Рассказ этот я при редактуре выкинул, потому что длинная вставка ломала композицию и нарушала динамику.

Я, как и Эраст Петрович, считаю, что Хаос (читай: революция) — это плохо, а Порядок (читай: городской на перекрестке) — это хорошо. И лучше уж плохой порядок, чем «как один умрем в борьбе за это». Но почему же, почему из века в век ответственными за поддержание Порядка в России становятся почти сплошь негодяи? Ведь из-за них, скотов, в конце концов и случаются революции!

Мне все-таки хочется пересказать вам эпизод, не вошедший в роман. Там как раз про героев Хаоса и мерзавцев Порядка. В общем про российское вечное.

Март 1889 года. Первая волна русского революционного движения захлебнулась, в стране торжество реакции. Бывшие народо-вольцы из тех, кто не убежал за границу, все в Сибири.

В далеком Якутске скопились осужденные, кто приговорен к высылке в края, куда Макар телят не гонял: на Колыму или еще дальше, к полюсу холода. В девятнадцатом веке туда добирались много



Вице-губернатор Осташкин

месяцев. Не то что железных дорог — просто дорог практически не существовало.

В Якутске собрались не каторжные, а ссыльные, то есть те, кто жил без конвоя, по частным домам. Люди обеспеченные вообще прибыли сюда не этапом, а за свой счет. Некоторые приехали с женами, даже с детьми.

И вот отзывают прежнего губернатора, а временным назначают вице-губернатора Осташкина. Этому чиновнику ужасно хочется занять освободившуюся должность. Он знает веяния времени: в цене сейчас беспощадность к врагам власти. Знает, что больше всего наверху серчают на «образованных» и на «жидов».

И вице-губернатор отдает распоряжение немедленно, не дожидаясь весны и потепления, отправить к местам отбывания ссылки группу из 33 человек. Все без исключения «образованные». Большинство — евреи.

Вообще-то это верная гибель. По лютому холоду, по безлюдному краю, на обессилевших за зиму оленях ссыльным предстояло преодолеть три тысячи верст. Теплой одежды и провианта в достаточном количестве купить в Якутске было негде, по пути — тем более.

Все приговоренные собираются вот в этом доме, где у ссыльных было что-то вроде клуба и библиотеки.



Решают, что раз все равно погибать, то лучше уж здесь. У некоторых есть револьверы, но впоследствии выяснится, что в боевом состоянии только один из них, «смит-вессон», все остальные — бесполезные «лефоше», пуляющие шагов

на пятнадцать. Как водится, есть партия рассудительных (ее возглавляет Альберт Гаусман, юрист с двумя университетскими дипломами, самый старый из всех — 28 лет) и партия отчаянных — в ней верховодят бывший бомбист Лев Коган-Бернштейн и дворянин Николай Зотов (тип Рахметова — храбрец, отличный стрелок, в прошлом *любитель-змеелов*).

Побеждает голос разума. Отправляют Осташкину классический интеллигентский протест.

В ответ вице-губернатор присылает офицера с солдатами. Офицер ведет себя грубо, хватает беременную Софью Гуревич. Ее муж стреляет, не попадает. Мужа убивают на месте. Обезумевшая от ужаса Софья Гуревич бросается на убийц — ей протыкают штыком живот (умрет в больнице).

Тогда огонь открывает серьезный человек Зотов. Подпоручик ранен, один полицейский убит, солдаты ретируются.

Но ненадолго. Вскоре прибывает с подкреплением радостный Осташкин (ух сейчас выслужится!). Зотов выскакивает из дома, стреляет по вице-губернатору. Тот бежит, петляет. Змеелов меткий, но пуля попадает в пуговицу шинели.

А потом начинается побоище. За десять минут солдаты сделали 750 выстрелов. Убили и ранили половину тех, кто находился в доме, в том числе нескольких женщин.

Осажденные пытались сдаться, но каждого, кто выбегал на крыльцо с белым платком, убивали на месте.

Наконец выстрелы стихли. Выживших забрали в тюрьму.

Суд состоялся здесь же, в Якутске. Своеобразный: без адвокатов. Разумеется, без прессы. Можно было не церемониться — государь император заранее начертил собственной рукой резолюцию: «Необходимо примерно наказать».

Примерно наказали. Всем дали каторжные работы, а троих — Зотова, Когана и Гаусмана приговорили к повешению. Последнего —



Софья Гуревич

за то, что замучил тюремную администрацию своими юридическими штучками и качанием прав. Не спасло законника даже то, что он при обороне не брал в руки оружия, отказываясь стрелять в подневольных солдат.

Два дня перед казнью Зотов провел с невестой, Гаусман и Коган — с семьями. В воспоминаниях читаю: «Шестилетняя, умная девочка Надя, дочь Гаусмана, забавлялась с отцом и вероятно не подзревала о страшном смысле этих последних часов жизни. Отец не подавал виду о своих ощущениях. Смеялся, беседовал с своей любимицей и любовался на нее».

Когана несли к виселице на носилках, потому что у него пулей были перебиты обе ноги. Так и повесили. Гаусман и Зотов надели на себя петли сами.



Л. Коган



Н. Зотов



А. Гаусман

В связи с этой историей Марк Твен (не революционер и вообще человек мирный) написал: «Если нынешнее российское правительство можно свергнуть только при помо-

щи динамита, то слава богу, что на свете есть динамит!».

А через шесть лет, когда задули иные политические ветры, «Якутское дело» было пересмотрено, приговор отменен, всех выживших освободили. Нормальная такая российская последовательность событий.

Зато у Осташкина всё сложилось очень славно. В награду за усердие он при скромном чине надворного советника получил-таки якутское губернаторство. А потому что молодец и не рассусоливал.

Правда, в 1905 году его, кажется, все-таки прикончили — то ли за прежние достижения, то ли за новые. Это, впрочем, несущественно.

Существенно то, что читаешь о нравах и обычаях наших нынешних лагерей и думаешь: как же они исправно воспроизводятся, эти надворные советники. И нет им переводу.

РОКОВОЙ ПИСТОЛЕТ

Большинство из нас суеверны, верят в хорошие или плохие приметы и предметы. У меня у самого в студенческие годы была трехцветная тесемка, которую я повязывал на левое запястье перед каждым трудным экзаменом (единственный раз, когда забыл это сделать, был застукан со шпаргалкой и казнен на месте). Рассказывать про такую мистику приятно, хотя мало кто верит подобным чудесным историям, да и мистики при внимательном рассмотрении оказывается мало. (Во время того несчастного экзамена я вдруг сообразил, что забыл свою счастливую тесемку, и занервничал, чем себя, вероятно, и выдал.) Почему-то людям нравится думать, что на свете есть вещи, которые и не снились нашим мудрецам. Очень любит наделять неодушевленные предметы мистической силой наш брат литератор.

Но вот вам страшная сказка из жизни, подтвержденная фактами и свидетельствами. Читайте и бойтесь.

Главным героем этой жуткой семейной истории был многоствольный карманный пистолет. Он выглядел как-то так. —>



В 1848 году из этой на вид не очень грозной штучки застрелился генерал-от-артиллерии Даниил Герштенцвейг.



Он командовал войсками, которые по просьбе турецкого султана были отправлены Николаем в Молдавию подавлять крестьянские беспорядки (России тогда нравилось исполнять роль «жандарма Европы»). При форсировании реки Прут генерал что-то там напортачил, попросил освободить его от должности и, «впав в отчаяние и сильное душевное расстройство», наложил на себя руки.

Событие для тех времен (как и для всяких других) было из ряда вон выходящее, но через некоторое время о нем забыли.

14-го августа 1848 г. в Бессарабской области, в местечке Леоново, при карантинном отхождении, находившийся для рассылки от моей команды дежурный рядовой, в 5 1/2 часов утра, прибывал по нити и дал знать, что состоявший из карантинной обсервации генерал Герштенцвейг, не более как минутой на 10, застрелился в карантин, в своем помещении; а тотчас-же пошел туда, где, с соблюдением должных карантинных правил, был допущен в квартиру Даниила Александровича, видеть его лежащим на полу, на правом боку, несколько согнувшись; правая рука протянута вперед, недалеко лежал тут же, на полу, маленький карманный многоствольный пистолет; левая рука протянута наверху по вороту; посредине лба, как бы отпечаток ствола пистолета в виде рою, вдавленные пальцы; противу одного из них — небольшая рана, из которой на пол втекла кровь, закинулась в кучку; на трупе, против тонкой белой сорочки и гарусовых ниток, на босую ногу падших, свальных туфель, ничего не было. В этом положении его видел множество гг. генералов, штаба и обер-офицеров состоявших при двух штабах, в то время в Леоново собравшихся, штаба генерала Герштенцвейга и на сигнал из везу прибывшего генерала Лидерса; кроме того самоубийцу видел в описанном мною положении многие офицеры войск, в Леоново сосредоточенных, а их было немало; также образом в настоящее время найдется много в живых, кои могут подтвердить мои слова, как очевидца, бывшего в то время при главном штабе, для устройства переправы на Прут.

Вспомнили тринадцать лет спустя, когда из того же оружия застрелился сын самоубийцы варшавский генерал-губернатор Александр Герштенцвейг, хранивший роковой пистолет в качестве семейной реликвии.

Эта история пофабульней первой. О ней упоминают многие источники.

По сути дела это было не самоубийство, а смерть на дуэли. Генерал-лейтенант Герштенцвейг поссорился со своим непосредственным начальником, варшавским наместником графом Ламбертом. Конфликт был служебным. В Польше назревало восстание, и наместник был за либеральные меры, а генерал-губернатор — за репрессивные. Крупно погово-

рили тет-а-тет, Герштенцвейг обозвал графа изменником, тот ответил вызовом. Во избежание политического скандала решили стреляться «по-американски», то есть по жребию, имитируя суицид. Герштенцвейг вытянул угол платка, завязанный узлом, и, верный слову, на следующий день прострелил себе голову из отцовского пистолета. Граф Ламберт подал в отставку. (Такие тогда в России были начальники.)

Фатальный пистолет обошелся с невольником чести жестоко. Генералу пришлось стрелять дважды: «первая пуля скользнула по черепу, вторая же пробила лоб, произведя в черепе 11 трещин, и осталась в затылке». Промучился 19 дней, умер во время хирургической операции.

Страдальцу было сорок два года. Оставил двух дочерей и подростка-сына.

Сын (Александр Александрович) двадцати шести лет от роду застрелился. Как вы уже догадались, из того же пистолета...

Он-то, Герштенцвейг-третий, занимает меня больше всего. О его жизни я знаю очень мало, портрета не нашел, мотивы самоубийства мне неизвестны.

Очень вероятно, что молодой штабс-ротмистр был в чистом виде жертвой зловещего фетишизма. Несомненно, с детства был заворочен страшной семейной реликвией. Маленькая железка, погубившая отца и деда, должно быть, его одновременно ужасала и притягивала. В конце концов притяжение возобладало.

Впрочем, версия сумасшествия кажется мне не особенно вероятной. Судя по тем фрагментам биографии, которые мне известны, А. А. Герштенцвейг не был человеком психически больным. Закончил Пажеский корпус, вышел в лейб-гвардии Конный полк, с отли-



Трепанация тогда проводилась с наркозом, но руки на всякий случай связывали...

чием повоевал в Туркестане (модное место для храбрых честолюбцев), в 25 лет стал штабс-ротмистром, то есть был исправным офицером и делал хорошую карьеру.

Несчастливая любовь? В 1872 году подобный романтизм, особенно в гвардейском кругу, был уже не в заводе. Эпоха была свежая, реформенная, владыкой мира считался Разум, а не Любовь. Конечно, всё может быть. Другой гвардейский кавалерист, граф Вронский, стреляется из-за любовных терзаний примерно в это время.

Но мне кажется, что тут был какой-то вопрос чести. Судя по всему, Герштенцвейги обладали обостренным чувством собственного достоинства. Вероятно, пример отца и деда подсказал единственно приемлемый выход из некоей невыносимой этической ситуации, а фамильный пистолет нашептал из своего ларца, выдвижного ящика, сейфа (или где там он хранился): «Я — твоя судьба, я для этого здесь и жду». И зов этот оказался настолько сильным, что молодой человек не испугался даже страшной смерти отца.

Впрочем, всё это мои фантазии. Если кто-то наткнется в чьих-нибудь мемуарах на описание самоубийства Герштенцвейга-третьего, напишите. Интересно.

Тему для этого поста мне подсказал  chereisky, которому упоминание о роковой реликвии Герштенцвейгов встретилось в воспоминаниях фельдмаршала Милютина.



ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ДОКТОР БАРРИ

Граф де Лас-Касас, наполеоновский секретарь на острове Святой Елены, в записи от 20 января 1817 года сообщает, что к его заболевшему сыну приходил «медицинский джентльмен»:

«...мальчик лет восемнадцати, видом, манерами и голосом похожий на женщину. Про этого доктора Барри мне сказали, что он невероятный феномен. Якобы он получил диплом в тринадцать лет, после строжайших экзаменов, и в Кейптауне прославился как превосходный лекарь».



Вот так Барри выглядел
в те годы

Если бы Лас-Касас знал истинную историю Джеймса Барри, он поразился бы не возрасту юного эскулапа (которому на самом деле было не восемнадцать, а двадцать восемь — десять лет доктор себе убавил, чтобы отсутствие растительности на лице не выглядело странным), а иному обстоятельству, по тем временам совершенно фантастическому. Военный врач Джеймс Барри на самом деле был женщиной и родился, то есть родилась с именем Маргарет-Энн.

Биографию этой поразительной леди, то есть джентльмена, то есть все-таки леди, я внимательно проштудировал, когда готовился писать роман «Сокол и ласточка». Меня тогда интересовали

подлинные истории женщин, которые долгое время успешно выдавали себя за мужчин. Маргарет-Энн делала это на протяжении пятидесяти шести лет и сохранила тайну до самого конца. Настоящий пол доктора Барри был раскрыт лишь после смерти. Во избежание скандала военное ведомство засекретило ужасный факт на сто лет — ведь Барри был не просто врачом, а генерал-инспектором госпиталей, то есть главным начальником всей военной медицины.

Примечательны мотивы, по которым ирландская девица из приличной семьи пустилась в эту пожизненную авантюру. Ничего романтического или альтруистического там не было — мол, мечтаю лечить людей, а женщине в медицину дорога закрыта. Просто семья разорилась, девушка осталась бесприданницей, надо было приискать способ добывать хлеб насущный, а врачи зарабатывали намного больше, чем гувернантки или компаньонки.

Составился маленький заговор, в котором участвовали мать Маргарет (она несомненно тоже была незаурядной личностью) и один стряпчий, подделавший документы.

В 1809 году двадцатилетняя барышня уехала из Лондона и через несколько дней прибыла в Эдинбург уже юношей. Поступила на медицинский факультет, с отличием его закончила, защитила диплом — что-то такое про грыжу, и столь блистательное, что работа даже была опубликована.

Я долго не мог понять, почему Маргарет решила пойти в армию. Может быть, просто открылась вакансия (шла война с французами)? Но «Джеймс Барри» и после окончания боев осталась на военной службе. Думаю, она решила уйти из мира женщин в мир мужчин окончательно и бесповоротно. Чтоб ни о чем не сожалеть и не оглядываться назад. Всё, с этого места буду называть доктора «ОН».

Доктор Барри служил в разных экзотических местах — в Африке, Вест-Индии, Греции, Канаде. Был превосходным специалистом, реформатором госпитального дела и поэтому сделал большую карьеру. Например, в Кейптауне, едва приехав, вылечил дочку губернатора лорда Сомерсета и был немедленно назначен главным медицинским инспектором колонии. Тогда же чудо-врач сделал

первую на континенте операцию по кесареву сечению, причем и мать, и младенец выжили.

Всего через восемнадцать лет после начала военной службы Барри занял высшую медицинскую должность в британской армии. Он считал ключевым аспектом лечения строгую гигиену, качественное питание и хороший уход (революционная идея по тогдашним временам). Во время Крымской войны Барри устроил страшный разнос знаменитой Флоренс Найтингейл — за то, что из-за скверных условий раненые у нее в госпитале мерли как мухи. Найтингейл была страшно фраппирована таким

ungentlemanly behavior, хоть впоследствии и признала, что после исполнения требований начальника смертность резко сократилась. И лишь век спустя «неджентльменство» генерал-инспектора раскрылось в новом свете: первая женщина-врач учила профессии первую медсестру.

Надо сказать, что характер у Джеймса Барри был отвратительный. Доктор хорошо обращался только с больными, а здоровым, в том числе начальникам, дерзил и грубил. Ужасно оскорблялся, если кому-то из офицеров его голос или лицо казались бабьими. Неоднократно дрался из-за этого на дуэли (хорошо стрелял и фехтовал).

Однажды, со всеми рассорившись, самовольно покинул место службы в колониях и вернулся в Лондон, а когда в министерстве пригрозили судом, заявил, что приехал подстричься.

За один из подобных фокусов Барри был разжалован из генерал-инспекторов в штаб-лекари (это примерно как из генерал-полковника в полковника), но службы не оставил и, что уж совсем удивительно, вскарабкался по карьерной лестнице на самую верхнюю ступеньку во второй раз.



Талантливый доктор



Слева направо: Psyche —
Доктор Барри — Джон

Раздражительного и эксцентричного доктора во всех странствиях сопровождали чернокожий слуга Джон и собака. Собаки, естественно, сменялись, но звали их одинаково: Psyche.

Я пытаюсь себе представить внутренний мир этой уникальной женщины.

Ничего кроме работы. Абсолютное одиночество. Постоянный страх разоблачения, которое станет крахом всей жизни. Может, хоть верный Джон ее чем-то личным порадовал? Ой, вряд ли — не тот у бывшей Маргарет психотип.

Но слуга наверняка был посвящен в тайну. Потому и не разлучался с хозяином.

Разоблачение произошло, когда Джеймсу Барри было уже все равно. Похоронили его с почестями, чтоб упаси боже не подтверждать нехорошие слухи, а они возникли, и многие, конечно, заявили, что они давным-давно подозревали... Но официально ничего такого признано не было. На могильном камне высекли честь по чести:



Вообще-то следовало бы первой женщине-доктору, да еще светилу медицины, поставить большой-пребольшой памятник.



ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

Как часто со мной бывает, этой интересной темой я занялся, когда собирал материал для книги. Мне нужно было понять психологическое устройство русского эмигранта, который во время Крымской войны из идейных соображений шпионит на англичан. Что за бури бушуют в сердце человека, который помогает убивать людей своей крови — можно сказать, родственников?

Меня интересовала не ситуация, скажем, власовцев, абсолютное большинство которых записались в РОА, спасаясь от медленной смерти в концлагере, а добровольный и сознательный выбор.

Естественнее всего было начать с истории русских немцев двадцатого столетия.

Как вы знаете, в российской империи их было очень много, особенно среди военного сословия. Пропорция немецких фамилий в кадровом офицерстве составляла от 13 до 20 процентов (чем выше чин — тем выше, потому что хорошие служаки). Эти люди были патриотами России, опорой царского престола, и в 1914 году никакой душевной дискордии у них не возникло (в конце концов, ведь



Не получается громить немцев на фронте —
будем громить в тылу

ШКОТТЕ Николай-Георг Миселович, пор., 10-я Сибирская стр. арт. бриг., ГО — ПАФ от 04.03.1917. Ф.409. Оп.12. Д.2667. Л.6
 ШЛЕГЕР Борис Карлович, кап., 8-й Сибирской стр. п., ГО — ВП от 07.11.1915. Ф.409. Оп.1. Л.с 150-792 (1915).
 ШЛЕЙСЕР Николай Александрович, полк., ком. 2-го сап. бат., 4 ст. — ВП от 11.03.1915. Ф.400. Оп.12. Д.266
 ШМАГАЙЛОВ Вячеслав Леонидович, пор., 25-я арт. бриг., ГО — ВП от 29.08.1916. Ф.400. Оп.12. Д.26988. Л.6
 ШМАКОВ Василий Александрович, ротн., 6-й улан. Волынский п., ГО — ВП от 08.11.1914. Ф.400. Оп.9. Д.349
 ШМАКОВ Павел Валерьевич, шт. кап., 25-й пех. Смоленский п., 4 ст. — ПАФ от 04.03.1917. Ф.400. Оп.12. Д.
 ШМАЛОВ Александр Васильевич, кап., 40-й пех. Кольванский п., ГО — ВП от 18.03.1915. Ф.408. Оп.1. Д.1116
 ШМАТКО Иван Иванович, прап., 297-й пех. Ковельский п., 4 ст. — ВП от 15.01.1917. Убит 19.08.1915 г. Ф.400.
 ШМЕЛЕВ Александр Андреевич, подполк., 4-й Сибирской стр. арт. бриг.; полк. 4-го Сибирского горн. арт. див. стр. арт. бриг. Ф.400. Оп.12. Д.26677. Л.441-444, 547-552 (1915); Ф.409. Оп.1. Л.с 51-529 (1917).
 ШМЕЛЕВ Кузнецкий Мисайлович, пор., 16-я арт. бриг., ГО — Приказ по 11-й армии от 11.10.1917 № 689. Ф.2129.
 ШМЕРЛИНГ Николай Семенович, пор., 19-й Сибирской стр. п., 4 ст. — ВП от 09.06.1915. Ф.400. Оп.12. Д.2667
 ШМИДТ Владимир Федорович, подпор., л.-гв. 3-й стр. п., 4 ст. — ВП от 05.02.1916. Убит 07.07.1915 г. Ф.400. Оп.12. Д.26986. Л.158-161 (1915); Ф.409. Оп.1. Л.с 63-621 (1916).
 ШМИДТ Георгий Мартынович, прап., 123-й пех. Козловский п., 4 ст. — ВП от 23.09.1915. Ф.400. Оп.9. Д.3472
 ШМИДТ Николай Николаевич, полк., л.-гв. Гродненский гус. п., ГО — ВП от 31.12.1916. Ф.400. Оп.12. Д.2732
 ШМИДТ Павел Иванович, полк., 189-й пех. Иманьский п., ГО — ПАФ от 04.03.1917. Награжден за отл. в 190
 ШМИДТ Сергей Николаевич, шт. кап., л.-гв. 1-й стр. п., ГО — ВП от 03.01.1915. Ф.409. Оп.1. Л.с 10-497 (1906
 ШМИДТ Фридрих-Артур Рудольфович, пор., Свеаборгская креп. воздухоплав. рота, ГО — ВП от 04.07.1916. Л.
 ШМИДТ фон дер ПЛУМЦ Федор Евгеньевич, шт.-ротн., 9-й гус. Киевский п., ГО — ВП от 31.12.1916. Ф.400. Оп.
 ШМИТ Георгий Евгеньевич, подполк., 16-й гус. Иркутский п., ГО — ВП от 11.11.1914. Ф.409. Оп.1. Л.с 6001 (1
 ШМИТ Николай Николаевич, ротн., 15-й гус. Украинский п., 4 ст. — ВП от 10.06.1915. Ф.400. Оп.9. Д.34952. Л.
 ШМИРНЕН Владимир Петрович, полк., 2-й Сибирской каз. п., ГО — ВП от 07.01.1916. Награжден за отл. в 1-м С
 ШМИРКО Степан Иванович, пор., 1-й Сибирской стр. п., 4 ст. — ПАФ от 09.06.1917. Ф.400. Оп.12. Д.27356. Л.
 ШОКЕ Мартин Иванович, полк., ком. 11-го Кавказского стр. п., ГО — ВП от 04.07.1916. Ф.400. Оп.9. Д.34926.

Конечно, «Ш» непреставительная буква, очень немецкая, но все-таки

Возможно, поэтому в списках кавалеров ордена Святого Георгия (высшая военная награда) так много немецких фамилий.

Маяковский потешается над немецким словом



жело, наверное, было видеть в газетах и агитационных листках трескучую германофобскую пропаганду — куда ж без нее.

и сам царь был, если я правильно посчитал, на 127/128-ых немцем). Однако российским немцам стало неуютно, когда после первых поражений страну охватила волна шпиономании и начались немецкие погромы.

Офицер немецкого происхождения знал, что он обязан воевать лучше других, быть безупречным — вроде как искупать вину за свое происхождение.

Нижние чины относились к «немчуре» с подозрением, поэтому некоторые генералы и офицеры вслед за Петербургом, переименовавшимся в Петроград, сменили немецкие фамилии на русские. Вероятно, это было трудное и неприятное решение — отказываться от родового имени. Тя-

Однако командованию и в голову не приходило устраивать в армии какие-то этнические чистки, а интернированию подлежали лишь германские и австрийские подданные.

Совсем иначе «немецкий вопрос» у нас был решен во время Второй мировой войны. Немцев в стране к 1941 году стало значительно меньше (часть эмигрировала еще в Гражданскую, часть уехала в сороковом году из Прибалтики, часть была репрессирована во время Большого террора), но все же в СССР жили полтора миллиона тех, кто, по терминологии Третьего Рейха, относился к категории «фольксдойче».

На сей раз обошлось без погромов — при Сталине народная самодетельность не поощрялась. Зато вождь любил репрессировать целые нации. Немцев депортировали в Казахстан и Сибирь почти сразу же после начала войны — просто в качестве превентивной меры. Военнослужащих (а их было немало, 33 тысячи) из армии вычистили. Остались единицы: кто-то замаскировался, назвавшись евреем или сменив фамилию; кого-то оставили в порядке исключения как особо ценного специалиста. Условия были куда более жесткими, чем во время предыдущей войны, поскольку особисты повсюду вынюхивали предателей и с доказательной базой никто не церемонился. Нужно было воевать с удвоенной доблестью и не ждать за это наград, тем более повышения — немцу высовываться, привлекать к себе внимание не рекомендовалось.

Тем поразительней, что некоторые из этих изгоев смогли дослужиться до генеральского чина. Я обнаружил троих.

Это командир артиллерийской дивизии генерал-майор Сергей Волкенштейн, Герой Советского Союза (было еще семь немцев-героев). —>



Он, к прочим несчастьям, был еще и из дворян



По паспорту русский,
но какова фамилия?



Бывший штабс-капитан.
Очевидно поэтому был
принят в партию только
в 1939-ом, уже полковником

На верхнем снимке: генерал-майор Александр Борман, командующий 1-й истребительной воздушной армией ПВО.

На нижнем снимке: генерал-лейтенант Николай Гаген, командующий 26-й армией:

Родиться в стране «пролетарского интернационализма», жить ее жизнью и интересами, не отделяя себя от остальных, а потом вдруг узнать, что все вокруг свои, а ты чужой, — этот травматический опыт довелось пережить многим советским нациям, но у немцев потрясение было двойным.

В школе, где училась моя мать, тоже были московские немцы. Про ее одноклассника Леонида Оттовича Винтера, погибшего на фронте, я когда-то уже писал, но не знаю — возможно, он был еврей. Зато другой ее товарищ точно был немец. Я в детстве часто его видел, он бывал у нас дома. Мать говорила, что в начале войны он служил в армии, потом вдруг исчез и появился вновь лет через пятнадцать. Где всё это время был и что делал, он никому не рассказывал, только улыбался. Семейей не обзавелся, образования не получил, хотя вырос

в профессорской семье. Жалко его особенно не было, потому что остальные мальчишки из их класса почти все погибли, а он выжил. Но помню, что было странно. Надо же, он ничем не отличается от нас, думал я. А сам — немец. В те времена, в начале шестидесятых, это все еще было особенное слово, со зловещим звучанием.



ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ (ОКОНЧАНИЕ)

Негодование по поводу того, как Сталин обошелся с советскими немцами, несколько блекнет, когда вспоминаешь, что в той же ситуации Америка, поборница прав человека, повела себя немногим лучше.

В 1941 году в США жили несколько сотен тысяч американцев японского происхождения — так называемые нисэи (это значит «второе поколение», хотя сюда иногда относят и первую, и третью генерацию иммигрантов).

Шок от неожиданного удара по Перл-Харбору и страх перед грозным врагом иной расы, иной культуры, иной психологии были так велики, что президент Рузвельт позабыл об идеалах демократии. Эксперты и советники говорили ему, что японцы плохо ассимилируются, что их эмоциональная связь с исторической родиной крепка, а культ микадо в их среде очень силен. На самом деле это было заблуждением. Японское воспитание сакрализирует чувство благодарности и корпоративность. Своей новой родине нисэи были искренне благодарны, ощущали себя членами корпорации «американский народ» и сумели доказать свою *искренность* (очень японский термин), несмотря на то, что «корпорация» поступила со своими новыми гражданами скверно.

Сначала нисэев зачислили в категорию 4С («враждебные иностранцы»), а вскоре Рузвельт санкционировал их интернирование. В общей сложности в лагеря попали сто десять тысяч человек.



Солдаты этого американского полка ходили в атаку с криком «банзай»

с армией микадо им не доверили — отправили в Европу, драться с немцами. Психологически это, наверное, было правильно.

442-ому пехотному полку пришлось пролить очень много своей крови, прежде чем недоверие было преодолено. Боевые потери этой



После боя

Американским японцам, так же как русским немцам, пришлось доказывать кровью, что они не подозрительные чужаки, а патриоты. С огромными трудностями нисэи добились разрешения сформировать батальон (потом полк) из добровольцев. Еще тяжелее было попасть на фронт. Воевать

части были самыми высокими во всей американской армии. За год состав менялся несколько раз. Из четырнадцати тысяч человек, отслуживших в полку, девять с половиной тысяч получили орден «Пурпурное сердце» — аналог нашей нашивки за ранение. После октябрьских боев 1944 года на юге Фран-

ции в строю осталось меньше трети солдат. Зато 442-ой стал рекорсменом по количеству наград. 21 человек был удостоен Медали Почета, высшего воинского знака отличия.

Было много и горечи, и обид. Генерал, которому подчинялся «японский» полк, раз за разом гонял этих *не вполне своих* солдат в самое пекло, очевидно, жалея их меньше, чем *своих*. Из-за этого уже после окончания войны произошел неприятный инцидент. Прини-

мая на торжественном построении рапорт командира нисзев, тот самый генерал протянул руку, но полковник лишь поднес ладонь к фуражке, а рукопожатие не принял. Стало быть, не простил.

А недавно у меня появилась возможность взглянуть на эту проблему с другой стороны фронта. В ноябре я пообщался с японским писателем Отохико

Кага, который написал роман «Корабль без якоря» про одного храброго летчика императорских военно-воздушных сил.

Это майор Рё Курусу (1919—1945). Он был сыном дипломата-японца и американки. Естественно, воевал за свою страну — Японию. Во времена, когда японские города сгорали дотла под американскими бомбежками, человеку с таким неправильным лицом жилось трудно. Вся книга — про то, как трудно доказать своим, что ты свой, если они считают тебя чужим. Финал романа трагический: главный герой, сбитый в воздушном бою, выбрасывается на парашюте — и соотечественники забивают его до смерти, приняв за американца.

Когда-нибудь в энциклопедиях будут писать: «Война (*ист.*) — эпидемическое психическое заболевание непонятной этиологии, в прежние времена периодически поражавшее целые народы».



Не очень похож на японца, правда?



ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Даже не вспомнить, когда мы с ней начали жить вместе. Это было очень давно, мы еще не научились читать и писать, а стало быть, запоминать события.



Калигула назначает
Инцитатуса сенатором

Мы вместе работали, вместе воевали, вместе развлекались. Мы очень ее любили. Мы не могли обходиться друг без друга. То есть она без нас — запросто, а мы без неё никак.

Иногда наша любовь в своем накале достигала абсурдного (*см. рисунок*).

Как вы уже догадались, я про лошадь. Самое время почтить память этого прекрасного, верного соратника, которого человечество бессовестно предало. К тому же приближается столетний юбилей концовки этого романа протяженностью минимум в шесть тысяч лет.

В течение всей письменной истории конь был главным существом после человека. Даже не так: главным существом после мужчины, потому что некоторые народы ценили своих женщин меньше, чем лошадей. («Золото купит

четыре жены, конь же лихой не имеет цены», — поет у Лермонтова неpolitкорректный Казбич.)

Вот я сейчас погружен в чтение материалов о татаро-монгольском нашествии и сделал поразительное открытие, которым, Впрочем, не стану делиться с читателями следующего тома моей «Истории», чтобы не усугублять обвинений в русофобии. Но вам сообщу, мелким шрифтом, по секрету.

Русь завоевали не монголы, а лошади. Именно из них в основном состояли силы вторжения. У каждого степняка было в среднем по четыре коня. Стало быть, Батый привел на Русь максимум триста тысяч (так пишут в летописях) воинов и целый миллион двести тысяч лошадей, которые своими пятью миллионами копыт всё тут к черту вытоптали. Но тс-с-с, это между нами.

Сто лет назад для неконеводческих стран считалось нормальным обратное соотношение: по одному коню на четырех человек. Это значит, что лошадиное население Европы превышало сто миллионов.



Смотрите, с кем отправлялся в вечность настоящий мужчина



И вот грянул 1914 год, все гусары-кирасиры попрыгали в седла, артиллеристы зазвенели упряжью, затрубили трубы, brave жеребцы-кобылы воинственно затрясли гривами...

И очень скоро выяснилось, что всё это больше не нужно. Война будет окопной, эпоха лихих сабельных атак закончилась, ездить надо на машинах и танках, а орудия возить на тягачах.

Первая мировая война считалась крахом европейской цивилизации, но цивилизация встряхнулась и возродилась. А лошадная цивилизация — нет.

Человечество предало своего верного, старинного друга, как только выяснилось, что дружба себя больше не окупает. Овес дорог.

Со всеобщей автомобилизацией и тракторизацией начался настоящий лошадиный холокост. Бывших боевых товарищей повезли на бойни, чтобы не тратиться на фураж. Остановились племенные заводы. Ушли в прошлое лошадиные ярмарки, упразднились прежде важные профессии: коннозаводчик, извозчик, ломовик, ковбой (эти, правда, переселились на киноэкран). Даже преступный мир

пострадал — вымерло авторитетное сословие конокрадов.

Лошадей на свете осталось очень мало. На них катаются немногочисленные спортсмены и любители лаковых сапог; кое-где сохранились скачки, сорт лотереи; в некоторых азиатских странах лошадей доят и едят. Кажется, всё.



Фото Peter&Ute Grahlmann

Прости нас, лошадь. И, пожалуйста, не мсти нам в год своего имени, в столетнюю годовщину нашего предательства.



ПОМНИТЬ ГЕРОЕВ

Читатели этого блога знают, что одним из главных пороков я считаю короткую память — когда люди пренебрегают прошлым, забывают долг благодарности, не помнят героев. «Забывтый герой» — вот словосочетание, от которого у меня в сердце вонзается заноза.

И как же здорово, когда благодарность надолго переживает того, кто совершил подвиг или сделал что-то очень хорошее. Особенно если герой не имеет потомков и не используется политиками для какой-нибудь пропаганды.

Именно про такого и хочу вам сегодня рассказать.

Начну с детской фотографии моего героя.

В таком примерно возрасте Занджир поступил в учебку для собак при Криминально-следственном управлении индийского города Пуна. Пса там научили многим полезным вещам — в частности, унюхивать взрывчатку.



На самом деле это не он, а просто дитя лабрадора.

Моего героя в детстве не сфотографировали — не знали, что он станет героем.

Но все золотые ретриверы похожи.

<http://onpuppy.com>



Герой в зрелые годы

Занджир оказался настоящим собачьим Моцартом по этой части — с раннего возраста проявлял черты истинной обонятельной гениальности.

Когда юному сотруднику угрозыска был всего год (моложе, чем Фандорин в «Азазеле»), Занджир, распробелившийся после школы в бомбейскую полицию, прославился на всю страну.

В марте 1993 года один гад, главарь преступного синдиката, организовал в городе серию террористических актов.

Я был в Бомбее. Улицы этого перенаселенного города напоминают пересадочные узлы московского метро

в час пик. Я никогда не видел такого количества людей. И вот некая гнусь по каким-то своим гнусным соображениям устраивает там один за другим террористические акты. В разных районах гремят взрывы. Огромное количество людей убиты и ранены. Началась паника. При этом взрывы продолжают и продолжают — всего их произошло тринадцать.

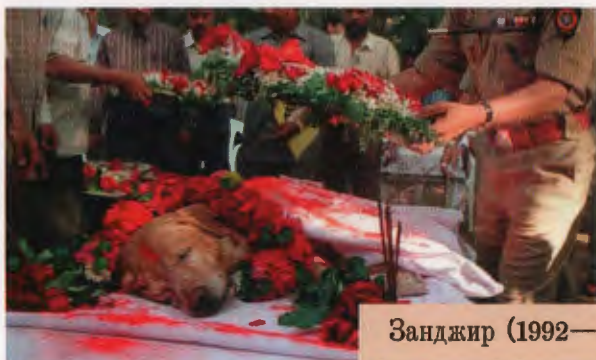
А было бы шестнадцать. Если б не Занджир, который в той сумасшедшей обстановке сумел найти целых три взрывных устройства.

Это был его звездный час, но далеко не последний подвиг. В целом за свою карьеру мой герой помог обезвредить (цитирую данные агентства «Рейтер») 3,329 кг взрывчатки, 600 детонаторов, 249 гранат и 6406 боевых патронов.

К сожалению, до старости и заслуженного отдыха Занджир не дожил. Он умер в восьмилетнем возрасте, в расцвете сил, от рака костей.

Надо сказать, что индийцы — большие молодцы. С благодарностью у них всё в порядке.

Во-первых, Занджиру устроили почетные похороны, на которых присутствовало множество народа, в том числе высшее полицейское начальство.



Занджир (1992—2000)

А во-вторых (и это меня особенно тронуло), о героической собаке снова вспомнили в прошлом году, в двадцатилетний юбилей ее главного подвига. Снимок усыпанного розами и ритуальным красным порошком Занджира выплыл из прошлого и обошел весь мир. Я себе тоже скопировал, решив, что обязательно напишу о золотом лабраторе — но не сразу, а год спустя.

Чтобы еще раз вспомнили.

P. S. Только не думайте, что я отныне буду писать посты лишь про лошадок и собачек. Это сказываются благостное новогоднее затишье и езда без пробок.

И уж котиков-то здесь точно не будет.



ДВОРЕЦ ЖЕЛАННЫХ ЧУДОВИЩ

Расскажу вам одну историйку из «мусорной корзинки» второго тома «ИРГ».

Набрел я на эту чепуху следующим образом.

Читая всякую всячину о жизни и связях ордынских ханов пятнадцатого века, я ненароком углубился в китайские дела и надолго в них увяз. Я мало что помнил про империю Мин из университетского курса, а китайская история, вероятно, самая интересная и колоритная на свете. Потраченного времени нисколько не жаль, хотя для работы этот экскурс мне совершенно не пригодился. Вот зачем, скажем, мне понадобился бы эпизод из жизни никчемного Чжу Чжаньцзи, пятого монарха династии Мин?

Хотя как сказать... Для «Истории Российского государства», конечно, не понадобился, но кто прочел мою повесть «Плевок дьявола», коллизию без труда опознает (материал для второго тома я начал собирать раньше, чем взялся за беллетристику для первого). Китайская причуда пригодилась в хозяйстве: трансформировавшись, перенеслась из Запретного города в терем Ярослава Мудрого.

Чжу Чжаньцзи (1425—1435) правил в «золотой век Мин», когда в Поднебесной всё было более-менее спокойно и государь мог безмятежно наслаждаться жизнью.

Сын Неба любил всё прекрасное, был окружен им со всех сторон. Очень плотно.

У его величества было два серьезных увлечения.

Во-первых, искусство. Чжу был не просто ценителем живописи, но и очень тонким, талантливым художником.

Смотрите, какие изысканные работы.



Рисовал его величество только зверушек. И это понятно — рисовать людишек священному богдыхану было бы зазорно.

А второй страстью императора Чжу были красивые женщины. В его гареме жила туча несказанных красавиц, одна ослепительней другой.

Но однажды с нашим анималистом-сладострастником произошла ужасная для художника вещь: эстетический кризис. Передозировка Красоты.

Беднягу так достало прекрасное, что от одного вида красавиц его прямо тошнило.

И тогда Чжу сделал правильный артистический вывод: возлюбил безобразное. Примерно как экспрессионисты XX века, изрыгнувшие мимишный арт-нуво и начавшие утрировать грубость жизни.

Со всего Китая в Запретный Город свезли самых жутких страхолюдин, калек и уродок. В императорском парке построили для нового гарема специальный чертог, который получил название «Дворец Желанных Чудовищ». Там жили горбуны, карлицы, всевозможные инвалидки — и, должно быть, не верили своему счастью. Могла ли какая-нибудь из этих обиженных судьбой страдалец мечтать, что станет наложницей Сына Неба?



Декадент Чжу: физиономия толстая, но взгляд нежный и чувствительный...

Счастлив был и император. Он снова полюбил женщин. Рассказывают, что его фавориткой стала некая дама с двумя головами (сиамские близнецы?). Она (они) издавал (а,и) сладострастные звуки сразу с двух сторон, и этот стереоэффект пленял взыскательную душу художника.

Прочитав про улады императора Чжу, я, кажется, понял мотивацию артистических натур, совершающих отвратительные поступки. Просто чрезмерно утонченный художник в какой-то момент ощущает себя выше

пошлых банальностей вроде красоты, морали, порядочности или добродетели. Эстетическое для него неизмеримо выше этического.

За это я недолюбливаю богемных людей и предпочитаю держаться от них подальше, даже если ценю их искусство. Я обыватель. Для меня этика важнее эстетики.

Да, чуть не забыл важную деталь. Правление Чжу Чжаньцзи называлось 宣德, то есть «Декларация добродетели».



И ЭТО СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО НЕЛЬЗЯ ПОРУЧАТЬ НИКОМУ

«Романы кончаются тем, что герой и героиня женились... Описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это все равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам».

Лев Толстой. Дневник

Не знаю, прав ли здесь Лев Николаевич, но другое, более известное его изречение на ту же тему стопроцентно справедливо: про несчастливые браки рассказывать гораздо интереснее, чем про счастливые.

Не буду сейчас объяснять, зачем я углубился в тему неудачных браков. Понадобилось изучить самые впечатляющие матримониальные фиаско венценосных особ. Про одно из них вам и расскажу. (Впрочем, эта поучительная история хорошо известна, ее переживают и смакуют скоро уж двести лет.)

Когда в мае 1821 года с далекого острова Святой Елены пришла весть о смерти Наполеона Бонапарта, министр иностранных дел лорд Каслри кинулся во дворец порадовать короля: «Государь, вашего злейшего врага более нет!»

Георг IV в совершеннейшем восторге воскликнул: «Как? Неужто она умерла?!» Он вообразил, что речь идет о его супруге королеве Каролине.

Этот милый брак свершился при следующих обстоятельствах.

В бытность наследником престола Георг много шалил, наделал кучу долгов (по нынешним деньгам на 40 миллионов фунтов стерлингов), да еще и тайно женился на католичке. Парламент пообещал принцу выплатить долги и увеличить содержание, если его высочество перестанет дурить и женится на протестантке августейшего происхождения, а свой предыдущий брак будет считать недействительным.

Предложение было интересное, поэтому принц Уэльский быстро согласился, поручив правительству выбор суженой. Наверное, решил, что за такие деньги можно и не привередничать.

Жену нашли, руководствуясь государственными соображениями. Англия в ту пору воевала с Францией и нуждалась в плацдарме на континенте, а у герцога Брауншвейгского заневестила дочь Каролина.

Первый раз свою суженую принц увидел лишь накануне свадьбы. Она показалась ему уродиной, и от нее пахло несвежим бельем (Каролина не виновата — новомодная концепция личной гигиены не успела дойти до маленьких немецких дворов.)

«Кого вы выбрали мне в жены?» — сказал король. Потом слабым голосом произнес: «Мне нужно выпить бренди», — и удалился.

Принцессе Каролине жених тоже ужасно не понравился. «Да он толстый! И вовсе не такой красавец, как на портрете!» — пожаловалась она. (На портрете вообще-то, как можно заметить, тоже не очень.)

Брачная ночь все-таки состоялась, потому что одним из условий сделки с парламентом было рождение ребенка. Для храбрости принц накакался так, что, по свидетельству принцессы, большую часть ночи провалился под кровать. Всё же через девять месяцев на свет появилась девочка. Сразу после рождения ребенка принц Уэльский составил завещание, по которому законной супруге в случае его кончины должен был достаться один шиллинг.



Под одной крышей принц и принцесса просуществовали недолго. Каролина переселилась в поместье, где жила в свое удовольствие. Георг тоже ни в чем себе не отказывал. А когда Наполеоновские войны закончились, ее высочество уехала из скучной Англии в Италию и зажила еще веселей, чем прежде. Условностям она значения не придавала и вообще была дамой с характером.

Например, полюбила слугу-итальянца и не скрывала своих с ним отношений. Купила ему баронский титул, чтобы порадовать красавца.

Относительно мирная супружеская жизнь на безопасном расстоянии друг от друга закончилась, когда принц Уэльский вдруг стал королем.

Тут захотелось побыть королевой и Каролине. К ужасу его новоиспеченного величества она засобиралась в Лондон. Предложили отступного — отказалась.

Тогда король срочно затеял бракоразводный процесс, проходивший в палате лордов.

И началось шоу а-ля Андрей Малахов.

Публика узнала массу пикантных подробностей об интимной жизни истца и ответчицы. На ули-



Дама с характером



Для такого душки ничего не жалко



Адвокат ее величества обвиняет его величество

це собирались то ликующие, то негодующие толпы. Короля народ не любил, зато отчаянная Каролина людям нравилась, ее шумно приветствовали (примерно как в девяностые принцессу Диану). Понимая, что дальше будет только хуже, лорды прекратили разбирательство. Развод не состоялся.

Но Каролина осталась королевой только по имени. На коронацию ее не пустили, хоть она колотилась то в одни, то в другие двери Вестминстерского аббатства, кричала, топала ногами. Король наверняка слышал эти шаги командора и трясся от ярости.

Именно в те скандальные дни лорд Каслри и ввел его величество в сладостное заблуждение.

Правда, после этого Каролина промучила любимого супруга недолго. От обиды и стресса слегла, приказала долго жить. Успела оставить последнее распоряжение: на гробнице высекли надпись «Каролина, оскорбленная королева Англии».

Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Коронация Георга IV



ИСТРЕБЛЕНИЕ МУЖЧИН

Войны делятся на две категории. Первая — войны зверские, преступные. Там убивают мирное население, не щадят женщин, стариков и детей. Вторая категория — так называемые цивилизованные войны, которые ведутся «по правилам». Это означает, что убивают только военных, а если под пулю или бомбу попадают штатские или женщины с детьми, то это ненарочно.

Я сейчас, в связи с изучением походов Чингисхана, углубился в жуткую, но захватывающую материю — сравнительную статистику потерь в ходе самых кровопролитных войн человеческой истории...

(Не могу удержаться, сделаю маленькое отступление. А вы знаете, что Руси во время монгольского нашествия, можно сказать, страшно повезло? Как раз накануне Великого Западного похода Бату-хана монголы сильно поумнели. Раньше на чужих землях они резали всех подряд, кто поценнее — угоняли в рабство. А тут мудрые китайские советники подсказали, что покоренные народы выгодней не уничтожать поголовно, а облагать данью и поборами. Зачем резать курицу, несущую яйца? Мысль показалась монголам необычной, но интересной. Поэтому Русь во время страшных событий 1237—1240 годов потеряла — по разным оценкам — «всего» от 5 до 8 процентов населения. Могла же вообще превратиться в пустыню, как, например, цветущее Хорезмское царство двадцатью годами ранее. И не было бы сегодня никакой России.)

Но возвращаюсь к предмету. Как со мной часто бывает, начав читать книжки по нужной теме, я от нее довольно далеко укатился.

От истории геноцидов (уничтожение целого народа) перешел к истории андроцидов (уничтожение только мужчин). Меня заинтересовал вопрос: на какой из войн погибло больше всего мужчин, причем мужчин вооруженных, то есть не жертв, а активных участников побоища? Есть теория, согласно которой войны — нечто вроде эпидемий, время от времени поражающих психику «сильной» половины человечества и побуждающих ее к самоистреблению. Так вот: какой из этих патологических всплесков был самым радикальным?

Вы, наверное, предположите, что наибольший процент мужчин потеряли СССР или Германия во время Второй мировой войны.

И ошибетесь.

Наихудший, ни с чем не сравнимый андроцид произошел в ходе одной локальной, никому у нас не интересной войны девятнадцатого века — между Парагваем и коалицией Бразилии, Аргентины, Уругвая.

Не буду утомлять вас изложением причины и подробностей этого странного конфликта. Странного — потому что маленький Парагвай (чуть больше полумиллиона человек) сам бросил вызов трем странам, суммарное население которых было по крайней мере в двадцать раз больше.

Виновником кровопролития был парагвайский наследственный президент Франсиско Солано Лопес (1827—1870).



Этот толстячок в 18 лет был генералом, в 28 лет вице-президентом, а после папиной смерти стал полновластным диктатором. С началом войны он еще назначил себя и маршалом, а как же без этого.

Не думайте, пожалуйста, что это была какая-то латиноамериканская оперетка: сомбреро, пампасы, мустанги. Война шла современная — с тяжелой артиллерией, инженерно-фортификационными сооружениями и броненосными эскадрами. Солдаты гибли сотнями тысяч.

У полоумного диктатора не было ни одного шанса на победу, но он упорно бился до тех пор, пока в стране вообще оставались мужчины. Представителей сильного пола забирали в армию всех



Всё в дыму, поле завалено трупами

поголовно. Когда кончились взрослые, Лопес стал отправлять на фронт мальчиков. Под самый занавес уже и восьмилетних. Для солидности и устрашения врага им прицепляли фальшивые бороды.



Парагвайские рекруты последнего этапа войны



Эх, пораньше бы
(Смерть Солано Лопеса)

В конце концов Лопес погиб в бою, но, к сожалению, слишком поздно — через шесть лет после начала войны.

За эти годы лишились жизни — внимание! — *девяносто процентов* парагвайских мужчин. В момент заключения мира их осталось только 28 тысяч. Включая младенцев.

Парагвай надолго превратился в страну женщин. Даже на рубеже XX века, то есть тридцать лет спустя, женского населения здесь было в семь или восемь раз больше,

чем мужского, и поэтому широко практиковалась полигамия.

Мужчин, конечно, жалко, но еще жальче женщин. Зачем только природа вынуждает их, таких добрых, разумных, милосердных, иметь дело с нами, идиотами.

P.S. Между прочим, в Парагвае кровавый маньяк Лопес считается главным национальным героем. Что-то это мне напоминает...



Пантеон героев



Дворец Лопеса

ДЕНЬ ДУРАКА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ. РЕФЕРАТ

Решил подойти к проблеме основательно. Пора бы. Много лет в этот день не доверяю никаким новостям, а откуда взялась традиция первого апреля морочить людям голову, знать не знаю.

Оказывается, никто толком не знает, когда и почему первое апреля решили сделать днем розыгрышей.

Наиболее правдоподобная версия предполагает, что праздник дурацких шуток появился благодаря французскому королю Карлу IX, который вообще-то был тот еще шутник (вспомним Варфоломеевскую ночь). Король, собственно, и не собирался шутить, а просто в 1564 году постановил вести отсчет года с 1 января. Раньше во Франции новый год начинался 25 марта, до 1 апреля продолжались праздники, и в самый последний их день полагалось дарить подарки и раздавать слугам чаевые.

Отныне настоящие подарки стали преподносить 1 января, а в «старый новый год» давали что-нибудь не имеющее





«Исаак Бикерстафф»
и его альманах

ценности, часто дурашливое. Века этак с восемнадцатого смешной французский праздник распространился по всей Европе, причем с особенным усердием его принялись отмечать англичане, любители юмора и всяческих чудачеств.

Именно британцы, кажется, придумали использовать для первоапрельского надувательства печать — и вот уже триста лет успешно эксплуатируют доверие

публики к средствам массовой информации.

Одну из первых шуток такого рода отмолил Джонатан Свифт. В 1708 году он под псевдонимом «астролог Исаак Бикерстафф» опубликовал альманах с предсказаниями. Согласно одному из них, самый знаменитый тогдашний астролог по имени Партридж 29 марта должен был отправиться в мир иной. 30 марта в газете появилось сообщение, что мистер Партридж действительно приказал долго жить, а 1 апреля к «покойнику» домой пришли из похоронной конторы выяснять насчет траурной церемонии. На улице к Партриджу подходили и говорили, что он очень похож на умершего астролога; многие от него шарахались и крестились. Партридж опубликовал опровержение: я жив, жив! Но Свифт напечатал опровержение этого опровержения...

По нынешним временам остроумие не ахти какое, но девственных англичан 1708 года оно просто сразило своей замысловатой изысканностью. Кто бы мог вообразить, что альманахи и газеты могут шутить?!

Как говорится, шли годы. В девятнадцатом веке юмор стал не скажу, что тоньше, но несколько изобретательней.

31 марта 1846 года вполне респектабельное лондонское издание «Ивнинг стар» напечатало объявление: «Завтра на сельскохозяй-

ственной выставке в Айлингтоне состоится невиданный по своей представительности показ ослов». Зеваки, пришедшие поглазеть на этих мало распространенных в Англии животных, обнаружили, что на роль ослов редакция определила своих доверчивых читателей.



Подлинного расцвета первоапрельское надувательство достигло в XX веке. Самый знаменитый и удачный розыгрыш устроил канал Би-би-си 1 апреля 1957 года. Тщательно подготовленный и срежессированный репортаж сообщил аудитории, что в Южной Швейцарии из-за мягкой зимы собран невиданный урожай спагетти. Было видно, как счастливые фермеры укладывают длиннющую пасту в корзины. «Нет ничего вкуснее настоящих спагетти, выращенных в домашних условиях», — такими словами закончил диктор вещать макаронные изделия на уши зрителей. Очень многие поверили и начали названивать на телевидение: где достать семена? Телефонистки отвечали: «Возьмите кусочек спагетти, посадите в банку с томатным соусом и молитесь, чтобы пророс».

Ладно, бог с ними, с англичанами. Давайте я лучше расскажу вам про несколько первоапрельских шуток, связанных с Россией, великой нашей державой, которая иностранцам почему-то всегда казалась то страшной, то смешной, а то и страшно смешной.

Однажды (дело было в XVIII веке) французский драматург Антуан Пуансинэ получил извещение, что он избран почетным членом Санкт-Петербургской академии наук. Он возгордился и взволновался, бросился за советом к друзьям — тем самым, кто прислал липовый документ. Они сказали: «Ты должен поехать в Россию и произнести перед императрицей Екатериной речь на русском языке. Царица будет потрясена и одарит тебя щедрее, чем Вольтера». Очень

кстати нашелся и учитель. Бедный Пуансинэ прозанимался у него полгода, пока случайно не выяснил, что постигает премудрости древнего гэльского языка...

А вот русофильская или русофобская (решайте сами) шутка из относительно недавних времен.

1 апреля 1984 года в сети Usenet, предвестнице Интернета, появилось сообщение о том, что к сообществу присоединяется новый член — Советский Союз.



Organization: Moscow Institute for International Affairs
Contact: K. Chernenko
Phone: +7 095 840401
Postal-Address: Moscow, Soviet Union
Electronic-Address: mcvax!moskvax!kremvax!chernenko
News: mcvax kremvax kgbvax
Mail: mcvax kremvax kgbvax

Обратите внимание на имя «контакта»

Две недели все шумно радовались, что технический прогресс охватил тогдашнюю Evil Empire, но потом кто-то догадался посмотреть на дату... Между прочим, это, кажется, был вообще первый розыгрыш в Сети.

В 1995 году первого апреля шутников почему-то массово повело на нашего Владимира Ильича. В итальянском городе Кавриаго вдруг замироточила молочно-белыми слезами статуя вождя пролетарской революции (уж не знаю, откуда она там взялась — наверное, город был коммунистический). И в тот же день ирландская газета «Айриш таймс» напечатала сенсационное известие: компания «Дисней» приобрела у Российской Федерации мумию Ленина, которая теперь будет выставлена в Евродиснейленде, где построят специальный павильон со светоцветовыми эффектами и сувенирным магазином. «Дисней»-де хотел купить и мавзолей, но русские пожелали оставить его на Красной площади, чтобы перезахоронить там останки Николая Второго.

А напоследок совсем свежая шутка по поводу другого Великого Вождя. По-моему, удачная.

Американское интернет-издание «Онион» объявило подушкообразного корейского лидера Ким Чен Ына «самым сексуальным мужчиной 2012 года».



«Ким покорила редакцию безупречностью туалетов, стильностью прически и, конечно, своей знаменитой улыбкой», — говорилось в комментарии. Не особенно остроумно, правда? Нашли над кем иронизировать. Но через несколько дней стало по-настоящему смешно. Когда новость на полном серьезе перепечатала мощная китайская «Жэньминь Жибао» — тут уж всем пришлось признать, что шутка удалась.

Единственный ее недостаток — что статья была опубликована осенью. Но по духу шутка стопроцентно первоапрельская...

В общем, всех с праздником дураков.

Жду от вас рассказов об удачных первоапрельских шутках.



ОПЯТЬ ПРО СТАРЫЕ ФОТО

Время от времени я наведываюсь в букинистические магазины, где продаются старые фотографии из семейных альбомов, и рассматриваю лица людей, которых больше нет. Отбираю нужные, покупаю. Очень люблю это занятие, но считается,



что время и деньги я трачу на дело: «олицетворяю» своих персонажей (т.е. подбираю им лица) — чтобы видеть тех, о ком рассказываю. Чтобы они стали для меня живыми.

Но, конечно, мне интересно, и как сложилась судьба реального человека, который на меня смотрит с выцветшей карточки. У меня есть игра: пытаюсь угадать, кто это был и что с ним или с ней случилось. В редких случаях (большая удача), перевернув фотографию, обнаруживаю надпись, по которой

можно понять или вычислить, прав я был в своих предположениях или нет.

Вчера повезло. Дважды.

Смотрел на серьезного молодого человека, вот этого.

Думал: конец тридцатых. Наверное, аспирант или молодой ученый. В лице читается обреченность. Или репрессирован, или погиб. Может быть, осенью сорок первого под Москвой — тогда много очкариков пошли в ополчение и не вернулись.

На обороте обнаружил надпись.

Кажется, угадал правильно. Грустно. Пусть хоть фотография поживет.

Еще меня заинтересовала фотография очень красивой девочки.

Я долго на нее смотрел. Думал, что в этом лице считывается явственное обещание незаурядной судьбы. Будет много красивой любви, будут тяжелые потрясения и драмы (куда ж без них — Россия, двадцатый век). И девочка обязательно кем-нибудь станет, потому что кроме красоты тут чувствуются еще и задатки неординарной личности.

А потом перевернул снимок и прочитал надпись, из которой всё узнал.

Не просто грустно, а нелепо. Грустное стерпеть еще можно. Нелепое уязвляет сильнее.

P. S.

Сразу несколько человек нашли Михаила Александровича Смеловского на замечательном сайте «Мемориала».

Красноармеец — то есть рядовой. Кандидат в члены ВКП (б) — значит, почти наверняка ушел на фронт добровольцем. Жил в Ленинграде на улице Красных Командиров.

Пропал без вести на фронте перед самым началом блокады. Ему был только 21 год.

Прекрасный портрет
дорогого
моего сына Виктор
Михаила Александровича
Вам не так ли кажется,
что он похож на
кого-то из тех людей...
Которые так часто
представляют
себе в жизни. Но
нельзя сказать
на лице, что это
состоит так точно
как на той фотографии.
Филипп
Смелов



Любовь Локшина
род. 9 Марта 1912 г.
поч. от Влада Давидовича
12 Апрель 1929 г.
И. Смелов

ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА

В конце объясню, почему вдруг захотелось об этом написать. Помню, как в свое время, морщась, читал письма влюбленного Блока будущей жене. Они казались мне невыносимо аффектированными.

«...Я должен (мистически и по велению своего ангела) просить Вас выслушать мое письменное покаяние за то, что я посягнул или преждевременно, или прямо вне времени на божество некоторого своего Сверхбытия; а потому и понес заслуженную кару в простой жизни, простейшим разрешением которой будет смерть по одному Вашему слову или движению».

Прямо километрами

*Милый, родной, любимый!
Отдайся ему прекрасному,
к которому гоню я Тебя! Свободный
миръ твой радостней,
такой, какою должна она
быть.*

*Жизнь перед нами: холодная
и непокрытая. И от нас не-
визит, асгаров ни сь ракет,
либо историко расцвети
цветочными многоцветными,
сблизилась светлой и талой,*

Думал: ну ладно, это Блок, поэт-символист, что с него взять.

А недавно мне на день рождения, зная мои пристрастия, подарили столетней давности письма какого-то безымянного гимназиста или, может, студента. И там всё то же самое. Чуть менее витиевато, но тоже очень многословно и красиво-прекрасиво: «Я так любил тебя! Больше, чем звезда любит небо; больше, чем чайка любит море; больше, чем ветер любит безграничный простор. Ты была для меня той осью, вокруг которой вращается жизнь,

со всеми многогранностями, со всеми своими извивами, со всеми своими многоцветными расцветениями...»

Интересно, когда люди перестали писать цветистые любовные письма? Это Гражданская война отучила их от красоты? Или жанр умер позднее, когда любые пафосные словеса стали ассоциироваться с фальшью?

В мои времена любовные письма, кажется, писали уже только зануды. В семидесятые у продвинутых молодых горожан (джинсы, батник, усы подковой) хорошим тоном считалось объясняться в любви исключительно устно или еще лучше вообще без слов — действиями. А если словами, то ироническими, не употребляя затаканного слова на букву «л».

Может, это только в моем тогдашнем кругу было так? Вот вы писали когда-нибудь сладкозвучные любовные письма? Или, может, получали?

А теперь, как обещал, расскажу, с чего я вдруг стал размышлять про любовные письма.

Во-первых, получил вышеупомянутый подарок.

Во-вторых, иду тут домой, а у меня поблизости расположен какой-то полицейский университет и ходит много молодежи обоего пола в форме — студенты (или, может, курсанты, не знаю, как правильно).

И вот впереди шагают две полицейские девицы. Мне слышен их диалог.

Одна набивает смс-ку. Другая говорит:

— Ну чё? Написала ему? Чё написала-то? Стоко думала.

Вторая читает, с чувством:

— «Я тебя люблю не-ре-ально!»

— Нормально, — одобряет первая. — Отправляй.

Опубликовал бы кто-нибудь исследование «Твиттер и смс как средство любовной переписки». Мир содрогнулся бы.



МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Грузин из меня липовый. Всю жизнь я прожил в Москве, по-грузински знаю только одно слово — «сацхали», да и то запомнилось из романа «Путешествие дилетантов».

Решил я тут провести инвентаризацию своих связей с Грузией. Получилось негусто.

Во-первых, в далекой юности я на несколько дней ездил в Грузию, но почти ничего не помню из-за сплошной чачи, один запах которой до сих пор вызывает у меня содрогание. Запомнил только красивую старую тетю Олю из деревни, которая не помню, как называется и где находится. Тетя Оля совсем не говорила по-русски и называла меня «шемибичо» («мой мальчик?»).

Во-вторых, во время антигрузинских истерик 2006-го, а потом 2008-го мне пришлось пофункционировать в качестве представителя грузинской нации. Из-за фамилии на «швили» журналисты стали звонить и спрашивать, как я отношусь к происходящему. Отказываться, говорить «да какой я грузин?» в той ситуации было стыдно, и я исправно отвечал на все вопросы, будто и вправду был самым настоящим грузином. К происходящему я относился очень плохо, и вовсе не из-за фамилии на «швили».

В-третьих, наш нацлидер однажды сказал, что россияне, конечно, любят писателя Акунина, но чего в конце концов можно ждать от «этнического грузина»? Мол, сколько волка ни корми.

Кажется, это всё.

Еще я думал, что моя любовь к грузинской кухне и грузинскому

многоголосью — это зов крови, но жена меня разочаровала. Грузинскую кухню и грузинское многоголосье, сказала она, любят почти все. Я потом проверил по друзьям и знакомым. Так и есть. В общем, этот пункт не считается.

Фамилия «Чхартисвили» доставляет мне много трудностей во время зарубежных поездок, потому что по-английски она пишется Chkhartishvili, по-французски Tchkhartichvili, а по-немецки еще ужасней. —>

Люди просто боятся *это* произнести. Исландский вулкан, а не фамилия. Знакомые японцы не в состоянии запомнить словосочетание «Тихаругисибирь» и зовут меня «Тихару-сан».

Как-то раз я забыл документы на стойке в немецком аэропорту и потом возвращался за ними из города на такси, сильно нервничая. Аэропортная тетя сказала: «Я хотела вас окликнуть по имени. Начала: Herr Tschch... а дальше — никак».

Но однажды я наткнулся на свою фамилию в весьма неожиданном месте. Готовился писать повесть «Долина мечты», изучал историю ковбоев Дикого Запада — и вдруг не верю своим глазам: читаю, что некий Prince Luca Chkhartishvili в конце девятнадцатого века стал звездой знаменитого ковбойского шоу Буффало Билла, того самого. —>

Несколько дней назад
на конференции в Потсдаме



Буффало Билл со своими ковбоями,
индейцами и, представьте себе, грузинами
выступает перед королевой Викторией





Жена говорит: похож.
Неужели? Из коллекции
Denver Public Library

Родом князь
Лука был из той же
деревни, что мой
отец. Несомнен-
но — родственник.
Естественно, ни-
какой не князь. (Мне как-то позвонил из Тбилиси человек, зани-
мающийся историей фамилии, и рассказал, что все Чхартишвили
происходят от какого-то монастырского крепостного крестьяни-
на. Так что наплел Лука американцам насчет «принса».)

Я, конечно, стал рыть. Выяснилось,
что «князь Лука» в Америке — персонаж до-
вольно известный.

Это был феноменальный наездник, руково-
дивший целым ансамблем грузинских всадни-
ков, которых невежественные американцы,
разумеется, называли cossacks.



С началом Первой ми-
ровой войны большин-
ство грузинов, в том числе
наш prince, вернулись в
Россию — воевать. Как го-
ворится в ковбойских
фильмах, big mistake.
Кто уцелел в империали-
стической и Гражданской,
потом сгинули во время

ГУРИЙЦЫ

В ШОУ
БУФАЛО
БИЛЛ

«Ваше величество
будет играть
в театре
у нас в городе
Гурьеве»



ГИБЕЛЬ ТИТУНИКИ

Новости 1912 года

репрессий — как американские шпионы. Должно быть, тогдашние нацидеры сочли их «этническими американцами». Год смерти «князя Луки» обозначен как 193?.

Зато в штате Вайоминг есть музей, и там грузинские «казаки» остались на фотографиях и афишах.



А какие экзотические родственники или предки есть у вас?



ОТВЕТ НА ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЙ ВОПРОС, ИЛИ ХОРОШО БЫТЬ БЕЛЛЕТРИСТОМ

Знаете, в чем разница между героем-суперменом из жизни и из литературы?

Кто ответил: «В том, что в жизни героев-суперменов не бывает», — ошибся.

Правильный ответ: «В литературе герои-супермены всегда выходят сухими из воды, а в жизни — погибают». Потому что сколько веревочке ни виться — всякая фортуна в конце концов иссякает; и потому что Господь Бог — не беллетрист, а автор серьезный, Он туфты не терпит. Комарику, даже самому храброму, со злодеем-пауком не справиться и Муху-Цокотуху не спасти. Таков закон природы.

Вот вам самый что ни есть настоящий герой и практически супермен. Полюбуйтесь на красавца.



Это капитан Френсис Кроми, британский подводник. Вылитый Грегори Пек, правда?



Недавно, для очередного фандоринского приключения, мне пришлось углубиться в историю ранних субмарин. Как это часто со мной бывает, я увлекся, далеко ушел от темы и прочитал две толстенные книги про подводные баталии Первой мировой войны.

Какие там судьбы, какие характеры!

Моряки-подводники той эпохи были еще отважнее авиаторов. Летчики по крайней мере погибали быстро, на свежем воздухе, а экипаж субмарины чаще всего ждала мучительная, медленная смерть от удушья. И никакого почетного погребения — так и оставались гнить в консервной банке, под толщей воды.

На подводных лодках и просто плавать-то было очень опасно, а люди умудрялись еще и воевать.

Наш отечественный подводный флот находился в зачаточном состоянии и ничем выдающимся не отличился. Главными морскими акулами проявили себя немцы, ну и англичане тоже лицом в грязь не ударили.

В 1915 году капитан Френсис Кроми прорвался на своей убогой «Е-16» через контролируемые немцами проливы в Балтику — чтобы защищать Кронштадт и Петроград от атак кайзерского флота. Там (то есть здесь) молодой капитан до конца войны и оставался.



Железные гробы, а не субмарины

Кроми был смельчак, сорви-голова. К тому же ему отчаянно везло. Обратите внимание, что на первой фотографии половина орденов русские, в том числе «Георгий» и «Владимир» с мечами. (А медали «Королевского гуманного общества» за спасение утопающих не видно, хоть имелась и такая. Герой — он и в мирное время герой.)

Капитан Кроми утопил восемь вражеских транспортов, а в ноябре пятнадцатого отправил на дно бронепалубный крейсер «Ундине» — элегантно, без лишнего зверства: почти все немецкие моряки остались живы.

К концу боевых действий на Восточном фронте Кроми командовал всей британской под-

водной флотилией. Когда Советская Россия капитулировала, обаявшись передать боевой флот немцам, Кроми не подчинился и взорвал свои субмарины.

Назначенный военно-морским агентом (по-современному — атташе) в красный Петроград, этот человек действия не сидел сложа руки. Он не столько занимался дипломатией, сколько готовил анти-советский переворот. С точки зрения британцев русские большевики были предателями, изменившими союзническому долгу, и церемонничать с ними было нечего. (Ленин, конечно, совершил ужасную ошибку, сдавшись немцам за несколько месяцев до их краха. Если бы не позорный Брестский мир, вся история нашей страны сложилась бы по-другому. Но не буду отвлекаться. Я ведь пишу не про политику, а про супермена.)

Заговорщик из Кроми получился довольно неуклюжий. Он попался в сети ЧК, которая повела с англичанином сложную агентур-

ную игру. Но 31 августа, после того как правые эсэры убили Урицкого и стреляли в Ленина, Советы решили известить всю «контру» под корень, не миндальничая.

Наплевав на дипломатический иммунитет, отряд чекистов ворвался в здание британского представительства. Пока сотрудники жгли компрометирующие документы, капитан Кромби в одиночку отстреливался из двух «браунингов» — и, кажется, продержался достаточно, чтобы все бумаги сгорели.

Вообще-то в реальной жизни, в отличие от кино, если один человек затевает перестрелку с целой командой, его быстро убивают. Потому что в ответ на одну пулю летит десять или двадцать. Но Кромби метко стрелял не только торпедами. Он свалил трех чекистов, а потом был убит. Потому что жизнь — не кино и не роман.

Эх, если бы эту сцену описывал беллетрист, героический капитан обязательно уцелел бы. Ка-ак подпрыгнул бы, зацепился бы за портьеру, перемахнул на подоконник, все время продолжая палить из пистолета, да вышиб ногой стекло, да — во двор, в вихре осколков. А там, внизу, конечно, лежало бы какое-нибудь сено. Скок на забор, кувырк на улицу, и поминай как звали.

Но храброму капитану прострелили его отчаянную голову, и он упал, и его увезли в морг.



Лестница, с которой скатился отважный капитан

Это я всё к чему пишу?

К тому, уважаемые читатели, что я — не суровый Господь Бог, а беллетрист, и у меня супермены почему зря не погибают. Мало ли что Фандорину стреляли в голову? Разве супермены от такой ерунды погибают?

ЯПОНСКИЙ БОГ

Японцы прежних времен очень любили воевать и погибать за Синто, Микадо и Ямато. Как говорил персонаж из моего романа «Алмазная колесница»: «Японцев хлебом не корми, только бы кто-нибудь красиво умер». Смерть на войне считалась у них самой красивой из всех. Павшие смертью храбрых удостоивались разных почетных наград, в том числе, с нашей точки зрения, странных — например, военных посмертно производили в следующий чин (то-то счастье). А наиглавнейшим героям присваивали звание 軍神 («гундзин»), что означает «бог войны».

Про одного из таких богов я и хочу вам рассказать. Я этого конкретного японского бога давно люблю и хочу, чтобы вы тоже его любили.

Сначала объясню, при каких обстоятельствах мы познакомились.

В семидесятые годы, когда я был студентом-стажером в японском университете, телеканал NHK позвал нас сотоварищи на кинопробы. Для сериала про войну 1904—1905 годов нужны были русские морские офицеры. Сотоварищей взяли, меня забраковали. Помню, я ужасно обиделся, потому что был уверен в своей киногенности. Утешил себя тем, что у меня просто слишком длинные волосы для морского офицера. И вообще японцы в европейской красоте ничего не смыслят.

Но потом оказалось, что мне здорово повезло. Моих приятелей, попавших на съемки, в бессчетном количестве дублей молотил и ки-

дал на пол японский персонаж — какой-то туземный герой и гений дзюдо.

Так я впервые узнал о существовании капитана Такэо Хиросэ и заинтересовался им. Кто из вас читал упомянутый выше роман, думаю, опознает в биографии капитана некоторые черты моего (и отчасти купринского) Рыбникова.

Хиросэ был военным моряком, талантливым дзюдоистом и, как говорят японцы, истинно «искренним человеком», а по-нашему, человеком чести.

Для нас он любопытен тем, что хорошо знал русский язык, перед войной славно шпионил на русском Дальнем Востоке, а потом служил военно-морским агентом (по-современному атташе) в Петербурге, где обзавелся широкими светскими связями и оставил по себе самые добрые воспоминания. Кажется, он сильно полюбил Россию — как-то это в нем уживалось со шпионством и подготовкой к войне.

Когда она грянула, капитан третьего ранга Хиросэ оказался под Порт-Артуром. Погиб на первом же этапе боевых действий. Ему было тридцать пять лет.

Звание бога он заслужил вот чем.

Вызвался командовать брандером (судном, начиненным взрывчаткой), который должен был устроить диверсию на порт-артурском рейде. Вылазка оказалась неудачной — русские артиллеристы были начеку. Команде, состоявшей из добровольцев, пришлось срочно ретироваться. Они уже почти вышли из-под обстрела, когда Хиросэ заметил, что одного из людей не хватает — тот остался на брошенном, потерявшем управление брандере.

И капитан решил, что не уйдет, пока не выяснит, что с матросом.

Можно было просто какое-то время подождать, не выберется ли отставший вплавь.

Можно было послать на выручку кого-то из подчиненных.



Такэо Хиросэ
(1868—1904)



Мертвый Хиросэ на палубе
русского корабля

Но Хиросэ поступил иначе. Вернулся на обреченный брандер один и трижды облазил его сверху донизу в поисках пропавшего члена экипажа. Наверняка спустился бы в трюм и в четвертый раз, но здесь японскому сорви-голове (сорри за безвкусный каламбур) оторвало голову снарядом.

Вот и вся история.

Наши подобрали тело храброго японца и предали почетному погребению.

А соотечественники произвели его в капитаны второго ранга, дали вместо четвертого дана дзюдо аж шестой и провозгласили «гундзином». Больше ста лет с тех пор прошло — помнят. Недавно еще один сериал про него сняли.

Отлично понимаю японцев. Настоящий герой и бог войны — не тот, кто накрошил кучу врагов, а тот, кто положил душу за други своя. Поэтому лично я не променяю капитана Хиросэ и на тысячу камикадзе.



Отважный капитан
в бронзе и на телеэкране

А из русских «богов войны» я с детства больше всего любил Александра Матросова. И еще Якова Кульнева, первого русского генерала, павшего в войне 1812 года (прикрывая отход армии, был смертельно ранен возле пушки, что генералу вроде бы как-то и не по чину).

Еще немного про моего любимого японского бога.

Он очень серьезно относился к морской службе. Считал, что настоящий морской офицер не имеет права жениться — то есть пра-

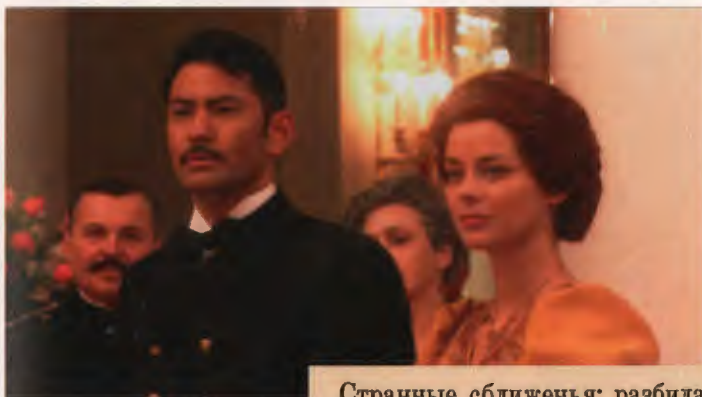
вильно трактовал вопрос о Большом и Малом мирах: не хотел предавать ни тот, ни другой.

В Петербурге Хиросэ полюбил русскую барышню — некую Ариадну Ковалевскую. Она, кажется, тоже была к нему равнодушна, но военный дипломат так с ней и не объяснился. Между прочим, правильно сделал. Не представляю, как столь цельный человек во время войны выкарабкивался бы из тяжелой моральной дилеммы. Наверное, сделал бы харакири. В общем, молодец, что не стал портить девушке жизнь.

Вот письмо, в котором он рассказывает родственнице-японке об Ариадне-сан, и говорит, что красавица с картинки очень на нее похожа. —>

На самом деле Ариадна Анатольевна выглядела несколько иначе.

А это они оба в недавнем телесериале, причем Ковалевскую играет изменщица Марина Александрова, некогда дебютировавшая в экранизации моего «Азазеля»:



Странные сближенья: разбила сердце японофилу Фандорину, потом русофилу-самураю

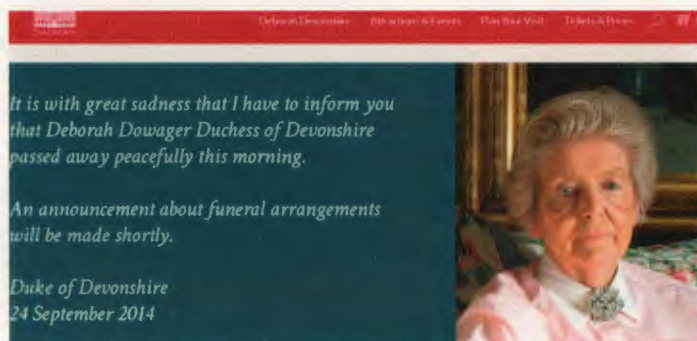


Интересно, как сложилась ее дальнейшая жизнь?

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ МОГИКАН

Точнее, из Митфордов. Тех самых сестер Митфорд, чьи имена мне постоянно попадались при сборе материала для «Шпионского романа», интрига которого построена вокруг перелета Гесса в Англию.

Я думал, сестры Митфорд давно унесены ветром из этого мира в историю. А оказывается, последняя из них, вдовствующая герцогиня Девонширская, умерла только что. На девяносто пятом году жизни.



Давайте расскажу тем, кто не знает, что это были за сестры.

Нормальные такие (а стало быть, ненормальные) аристократические англичанки, как из сериала «Аббатство Даунтон», который я еще не раз здесь помяну. Дочки эксцентричного (какого же еще?) лорда, хваставшегося тем, что он за всю жизнь прочитал только один роман — «Белый клык» и на этом решил остановиться, потому что лучше все равно ничего написать невозможно.

Сестер было шестеро. В тридцатые и сороковые годы их имена постоянно мелькали в газетах, причем на разных страницах: кто-то фигурировал в разделе светской хроники, кто-то — литературы, кто-то — политики.

Все барышни выросли яркими индивидуальностями. Старшая, Нэнси (*справа сверху*) стала знаменитой писательницей из круга Ивлина Во.

Диана вышла замуж за лидера британских фашистов Освальда Мосли. Брачная церемония состоялась дома у Геббельса; почетным гостем был Адольф Гитлер. Во время войны Диана вместе с мужем была интернирована за свои нацистские взгляды, от которых не отказалась до конца своей долгой жизни (умерла она 93-летней). Леди Мосли упорно твердила, что Гитлер был очень милый человек, желавший миру одного лишь добра, а еще у него были прекрасные голубые глаза.

Третья сестра, Юнити, любила вождя германской нации еще горячее — кажется, не только в платоническом смысле. Он же называл ее чистейшим образцом арийской женщины.

Когда началась война, Юнити находилась в Германии. Конфлик-

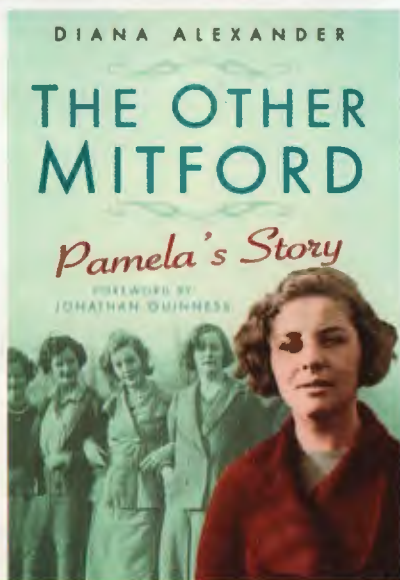


Диана и ее сестра Юнити на нацистском съезде в Нюрнберге. Действительно: все жутко милые





Джессика на карикатуре



Но и эта, незаметная сестра, удостоилась биографии

та между любовью к родине и любовью к фюреру она не перенесла: дважды выстрелила себе в голову из подаренного Адольфом пистолета. Выжила. По личному разрешению Гитлера была отправлена домой, где несколько лет доживала инвалидкой и умерла от последствий ранения.

Еще была Джессика, антагонистка Дианы и Юнити. В юности она бежала в Испанию, воевать с франкистами, а потом стала коммунисткой и лютой обличительницей американского империализма.

При всем различии взглядов и образа жизни сестер Митфорд объединяло одно качество: упертость. Я читал, что увлечение Джессики левыми идеями началось в четырнадцать лет, когда Юнити, с которой она делила комнату, заинтересовалась нацизмом. «Ну, раз ты собираешься стать фашисткой, я стану коммунисткой!» — объявила девочка. Они разделили спальню на две зоны: половина была завешана свастиками и нацистскими плакатами, половина — серпами-молотами. Однако ведь обе потом так и не свернули

каждая со своей дороги. Впечатляет, как к этому ни относиться.

Совсем иной путь выбрала Памела (*нижнее фото*). Прожила свою долгую жизнь вдали от большого мира, в деревне. И, кажется, была счастлива. В газетном некрологе сказано: «Она тихо жила в деревне, окруженная любимыми друзьями и любимыми животными. Все они отвечали ей взаимностью».

Ну, а теперь про нашу Дебору, самую младшую.

Мемуары, которые Дебора написала в девяностолетнем возрасте, называются «Подождите меня!». Вроде бы в том смысле, что в детстве ей было трудно поспевать за шустрыми и длинноногими старшими сестрами, но считается, конечно, и второй смысл: подождите, я скоро к вам присоединюсь.

Дебора политикой не интересовалась. В 1937 году тоже побывала в гостях у Гитлера, но он не произвел на юную леди особенного впечатления.

Жизнь этой дамы состояла из двух частей. Первая — великосветская, к чему понуждал брак с наследником герцогского титула.

Брак оказался небезоблачным. Одиннадцатый герцог Девонширский, кажется, был выпивоха и бабник, но Дебора стойчески перенесла все семейные невзгоды. О покойном муже она говорила: «По временам это было нелегко, но я никогда с ним не скучала». Very ladylike.

Герцогине приходилось управлять огромным хозяйством и гигантским поместьем, по сравнению с которым Даунтон-эбби — просто курятник.



Молодожены
1941 года



Чэтсуорт-хаус.
Там в обслуге
работает
несколько сотен
человек

Да и сама хозяйка была помастителей старой графини из фильма, сравните:



В одном из некрологов я прочитал такую историю (не знаю, правдивую или шутивную): будто бы в свое время герцогиня Девонширская издала кулинарную книгу для домохозяек, где, в частности, объяснялось, как быть, если в дом нагрянули восемьдесят голодных джентльменов, внезапно вернувшихся с конной охоты. Оказывается, очень просто: велеть главному повару что-нибудь бы-стренько приготовить.

Дебора принимала у себя Черчилля, дружила с президентом Кеннеди и, разумеется, всю жизнь общалась с королевой.

Однако всё это проходило по разделу обязанностей. Для души дама слушала песни Элвиса Пресли, была настоящей его фанаткой.

Слово «курятник» выше было употреблено неслучайно. Больше всего на свете герцогиня любила кур, занималась селекцией каких-то редких пород.

Удалившись от дел, она жила уединенно. О старушке заботился неперменный батлер, прослуживший у нее полвека. И каждый день она кормила своих кур.

В последнем интервью Дебора сказала: «Когда становишься очень старой, начинаешь принимать прожитую жизнь такой, какой она была. Из-за чего-то, бывает, поплачешь, но редко. Всё стало таким далеким. Ты вроде бы приближаешься к самой себе, и приятно думать, что церковное кладбище совсем неподалеку».

Не буду скрывать, что старые дамы подобного склада — моя слабость. Когда они изредка попадают мне в реальной жизни, я готов слушать их часами.

В детстве я был окружен не вдовствующими герцогинями, а подругами моей бабушки, старыми большевичками, — тоже, по известным причинам, сплошь вдовствующими. Они были, в общем, слеплены из того же теста, что новопреставленная Дебора: упертые, несколько инопланетные и (что меня поражало) довольные прожитой жизнью, хоть провели ее совсем не в Чэтсуорт-хаусе.

Царство им всем небесное. Ну, то есть герцогине, вероятно, королевство небесное. А старым большевичкам — их коммунистический рай.



И вот она ушла «совсем неподалеку», догнала сестер. Куры осиротели



ДУРА ЛЕКС

Мы живем в стране, где беспрестанно изобретаются новые законы, противоречащие то этике, то здравому смыслу. Не буду их все перечислять — сами знаете.

С одной стороны, конечно, тут подтверждается старинная максима *Corruptissima republica plurimae leges* — «чем коррумпированней республика, тем больше в ней законов». С другой стороны, правда и то, что наш лекс всегда был душой, начиная с отдаленнейших времен. Потому и население во все времена относилось к законам как к некоей обременительной, но не обязательной условности.



Самым разумным законодательным сводом, кажется, так и осталась «Ярославова (она же Русская) правда», руководствовавшаяся принципами рациональности и некроважности («аще не будет кто мстя, то сорок гривен за голову»). Но установления «Русской правды» действовали очень-очень давно, еще в доордынском государстве.

Во времена московского самодержавия (собственно, продолжающегося и поныне) законы вводились по двум соображениям: либо чтоб потрафить государю-батюшке, либо чтоб народишко не забаловал.

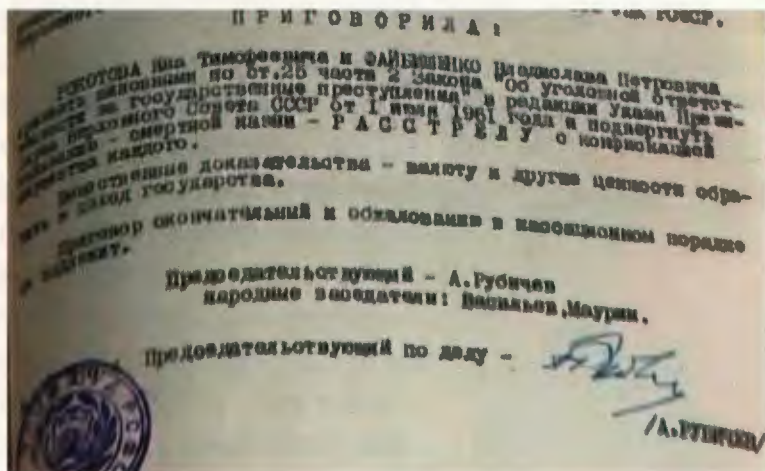
«Великих» государей в нашей истории хватает. «Мудрый», увы, был только один. Давно

Вся судебная система держалась на строгих, часто абсурдных запретах и непомерно жестоких наказаниях. Многочисленные дурацкие табу были нужны для того, чтобы каждого можно было при желании в чем-нибудь уличить и поволочь на расправу. При Алексее Тишайшем за нюханье табака отрезали нос, за игру в шахматы били кнутом, сурово карали тех, кто играл с собакой или глазел на молодой месяц, и так далее, и так далее.

Да что оглядываться на семнадцатый век! Еще на моей памяти «Уголовный кодекс РСФСР» сулил гомосексуалистам тюрьму — просто за то, что они гомосексуалисты, а за обмен валюты (молодежь не поверит) вообще *расстреливали*.



Что другое, а карать всегда умели



Признайтесь, вы подумали, что я это пишу, дабы в очередной раз русофобски обрушиться на многострадальное отечество или национал-предательски оттоптаться на нашей убогой Думе.

А вот и не угадали. Совсем наоборот. Сейчас буду вас утешать. (Так утешала себя Наташа Ростова на балу: «есть такие же, как мы;

есть и хуже нас».) Причем я имею в виду даже не страны, живущие по суровым правилам шариата, а самые что ни есть правовые государства.

Это я проштудировал историю так называемых *dumb laws* («дурацких законов»). Утешительнейшее чтение! Давно известно: ничто так не повышает самооценку, как лицезрение еще бóльших идиотов, чем ты сам.

В Британии, оказывается, есть закон, запрещающий кому-либо умирать, находясь в здании Парламента.

Другой закон, в прошлом году отметивший свое семисотлетие и никем не отмененный, запрещает входить в Парламент в доспехах.

Актом государственной измены считается наклеивание марки с ликом монарха вверх ногами.

В городе Йорке местным законодательством разрешается убивать всякого шотландца, который появится в пределах стен с луком и стрелами — впрочем, за исключением воскресного дня.

Во Франции жив закон, запрещающий давать пороссятам имя «Наполеон».

Лишь в прошлом году в Париже объявили окончательно устаревшим декрет от 16 брюмера 8 года Республики (1800 г.), запрещавший женщинам ходить в «пantalонах» без особого разрешения Префектуры. Перед этим, правда, в 1892 и 1900 годах было сделано исклю-

чение для велосипедисток и наездниц, однако вплоть до 2013 года все остальные парижанки, разгуливающие по улицам в брюках, джинсах, шортах, являлись правонарушительницами.

Но больше всего радует страна юристов Америка, где законов напридумано больше, чем во всех

остальных государствах вместе взятых, потому что у каждого штата и даже округа есть собственные легислатуры.

В штате Огайо в одном доме нельзя проживать более чем пяти незамужним женщинам.



Вот они, преступницы

В Калифорнии закон воспрещает целовать жаб.

В штате Айова усатым мужчинам нельзя целоваться с женщинами на публике.

Штат Флорида очень понравился бы нашему депутату Мизулиной, потому что там множество ограничений и запретов, касающихся сексуальной жизни — даже перечислять не буду, а то еще дети прочтут. Но больше всего меня потряс флоридский запрет на секс с дикобразами (серьезно). То есть не то чтобы очень хотелось, но как быть с хваленными свободами?

Однако, когда начинаешь вникать, обнаруживается, что некоторые из этих юридических маразмов когда-то имели смысл. Например, большому количеству незамужних женщин запретили селиться под одной крышей, чтобы упразднить нелегальные бордели.

Жаболизание в Калифорнии стало серьезной проблемой, когда среди наркоманов прошел слух, что таким образом можно словить кайф (колорадская жаба действительно секретирует психоактивный буфотенин), — и многие нализались всякой инфекции.

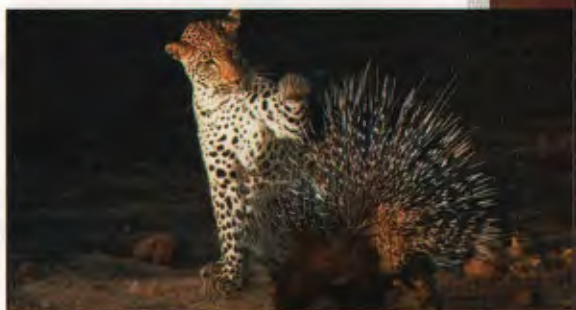
Про целующихся усатых мужчин — черт его знает. Про дикобраза тоже объяснений не нашел. Наверное, кто-нибудь попробовал и сильно укололся.

«Дурацкие законы», существующие в других странах, при всем бесконечном разнообразии, впрочем, имеют одну общую черту: эти запреты были введены когда-то очень давно, а потом их забыли отменить, и уж во всяком случае никому не приходит в голову их применять.

А у нас они все новехонькие, с пылу, с жару. И отлично применяются.



Во всяком случае без любви



Как-то так это, вероятно, произошло

БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ

Скажу сразу: эта дама — не героиня моего романа. Хотя чуть было ею не стала. Я искал именно такой прототип для одного женского персонажа, и нашел его of all places в Ирландии. Задуманный роман не состоялся, а типаж интересный. И весьма, весьма современный.

Есть люди, чаще всего женщины, которые так быстро реагируют на веяния времени, что со стороны кажется, будто это они своими действиями меняют время, а не наоборот. На самом деле они просто предчувствуют изменения и бегут по волнам — туда, куда через мгновение подует ветер.

Именно такой, как мне кажется, была графиня Маркевич. Впрочем, как уже было сказано, это героиня не моего романа и, возможно, я к ней несправедлив.

За пределами «Зеленого Острова» Констанс Маркевич малоизвестна, а среди читателей моего блога ирландцев, я полагаю, немного, поэтому я просто коротко перескажу события этой зигзагообраз-

ной жизни. Посредством картинок — они нагляднее, чем текст, продемонстрируют эту поразительную способность к мимикрии.

← Вот Констанс в ранней молодости — такая викторианская незабудка.



Всё как положено: дочь баронета, богатейшего землевладельца; верховая езда, охота; в восемнадцать лет традиционное турне по Европе; в девятнадцать — представление ее величеству; выезды в свет, и так далее.

Однако девятнадцатый век подходил к концу, самые продвинутые барышни начинали мечтать не о балах и замужестве, а об искусстве. Импрессионисты ввели моду на богемную жизнь и парижские мансарды, и Констанс едет учиться живописи в Париж. Пишет какие-то пейзажи, ничего особенного. Зато, как положено современной девушке, заводит роман с красивым художником, а потом выходит за него замуж.

Художник-то он был художник, но не голодранец какой-нибудь, а партия, вполне приемлемая для дочери баронета. Граф Казимир Дунин-Маркевич, при всей своей богемности, в официальных документах не забывает упомянуть свой статус:

1	Kazimierz Dunin	Markiewicz	Baron	Adam Czajkowski	Andrzejewski	37	38	Count (Baron-Markiewicz)
---	-----------------	------------	-------	-----------------	--------------	----	----	--------------------------

Читаем справа: граф (российский дворянин)

Во второй своей инкарнации Констанс выглядела вот так.

Но тут начался XX век, и чуткие к духу времени женщины утратили интерес к искусству. Их теперь занимают социальные проблемы и политика.

Поселившись в Дублине, графиня Маркевич какое-то время по инерции еще водит хороводы с художниками, актерами и поэтами, но затем решительно меняет кожу. Отныне она — борец за права женщин, рабочего класса и, прежде всего, за ирландскую независимость. Участвует в демонстрациях, выступает на митингах, кормит бедняков картошкой, которую собственноручно чистят такие же



Красивая богемная жена
красивого богемного мужа



Но элегантность осталась

светские дамы. Даже попадает в тюрьму (это тоже в тренде) — кинула камнем в портрет его величества.

← Третья инкарнация — такая.

Главное достижение суфражистской деятельности графини Маркевич — триумф над male chauvinist pig'ом Уинстоном Черчиллем, которого решительные леди прокатали на выборах в парламент.

XX век входил в силу, щерил свои отросшие зубы. Время окрашивалось в цвет крови. Передовые женщины вроде графини Маркевич заговорили уже не об избирательных кампаниях, а о военных; не о демонстрациях, а о революциях.

И снова наша бегущая по волнам оказалась впереди корабля. Констанс вступила в подпольную «Ирландскую армию» и начала закупать для радикалов оружие еще до того, как грянули первые выстрелы великой войны.

Дороги супругов тут окончательно разошлись. Казимир уехал на русский фронт, сделался патриотом польской идеи (царь обещал



Как известно, аристократ в революции обаятелен. Что уж говорить об аристократке. А как изящно позирует в фотоателье!

восстановить Польшу после победы над немцами); Констанс же стала противницей войны и врагом англичан, а стало быть, в определенном смысле симпатизанткой кайзера.

В 1916 году в Дублине произошло вооруженное восстание против британской короны. Графиня Маркевич надела военную форму и взяла в руки оружие.

← Четвертая инкарнация — амазонка.

Но английская регулярная армия быстро справилась с инсургентами. Графиню Маркевич взяли в плен и отдали под суд. По суровым военным временам речь шла о смертной казни.

На тюремном снимке видно немолодую, усталую и, кажется, сильно испуганную женщину. Ни позы, ни апломба. Единственный портрет, на котором просто человек, а не ролевая модель.



Один из членов военного суда вспоминал, что графиня плакала и говорила: она всего лишь женщина, а женщин не казнят. Впрочем, это свидетельство врага и недоброжелателя. Может быть, оклеветал. Сохранились и другие отзывы, вполне героические.

Ничего, в конечном итоге обошлось. Все-таки дама из хорошего общества — не вешать же ее, не расстреливать же, в самом деле. Для острастки приговорили к казни, но «с учетом пола» заменили на пожизненное, а в следующем году вообще отпустили, по амнистии.

И вновь Констанс Маркевич оказалась на гребне волны, опять преобразилась. Больше никаких бомб и револьверов, только легальная политическая борьба — благо женщины в 1918 году наконец отвоевали себе некоторые права.

Графиня Маркевич стала первой женщиной, избранной в британский парламент, а потом — первой женщиной-министром в правительстве свободной Ирландской республики.

Пятая инкарнация: народная избраница. —>

Оценки деятельности и личности этой безусловно выдающейся дамы у современников весьма различны. Мою прини-



Слуга народа среди народа.
Скромно одетая, простая, доступная

мать во внимание не нужно — я ведь искал прототип, который укладывался бы в заранее определенный образ женщины-хамелеона. Биографы же графиней Маркевич в основном восхищаются, так что окончательная ее инкарнация, бронзовая, безусловно заслужена.



Констанс Маркевич (1868—1927), героиня ирландского и женского движения

Потому что мелочи со временем забылись или утратили значение, и осталось только главное, несомненное: борьба за свободу Ирландии, борьба за равноправие женщин, горение идей, героизм. Всё это правда, всё было.

Кому же ставить бронзовые памятники, если не такой женщине?



ПОЛИВАНОВ

Жил-был на свете странный человек. Странный в том смысле, что к нему трудно было применить обычные параметры, по которым оценивают людей. О нем многие вспоминают в мемуарах — он производил яркое впечатление. На одних прекрасное, на других ужасное, но неизменно сильное. В любом случае, он, кажется, был несносен — как большинство тех, кто много о себе понимает. Раньше, всего каких-то сто лет назад, даже меньше, у нас в стране таких людей было много. Только они, как известно, и делают жизнь интересной.

Евгений Дмитриевич Поливанов был человеком не хорошим и не плохим, то есть и хорошим, и плохим. Может быть, он вообще не придавал значения нравственности — такое складывается впечатление, когда считаешь про его чудачества. Или же у него была своя собственная этика.

Кажется, он легко брал чужое. И так же легко отдавал своё, иногда последнее. Вроде бы очень любил жену, но в то же время вроде бы имел и еще одну, которую тоже очень любил.

Виктор Шкловский, коллекционировавший ярких личностей, называл Поливанова «обычным гением». В известном романе Вениамина Каверина «Скандалист» Поливанов выведен под именем переводчика Драгоманова. «Его лингвистические работы по тонкости догадок человеческому уму почти непонятны, — говорят про Драгоманова коллеги. — Третьего дня он явился на лекцию, прошу извинения, в подштанниках. Его подозревают — и не без ос-

нований — в тайной торговле опиумом. Берегитесь его!» Сам автор о Драгоманове-Поливанове пишет: «Его боялись. Все знали, что он наркоман, что у него темное прошлое неудачника, путешественника, игрока».

Реальный Поливанов плюс к тому был еще однорук. Положил кисть на рельс, и ее отрезало. То ли хотел что-то себе доказать, то ли был под воздействием каких-нибудь препаратов. Может, он лишился руки и как-то иначе, черт его знает. Во всяком случае, потом он умудрялся жить так, что никто его однорукости не замечал.

Наркоман? Да, причем тяжелый. Сначала кокаинист, потом прочно сел на героин. В бутырском медзаключении сказано: «з/к Поливанов, страдающий наркоманией, нуждается ежедневно в 2-х кратной инъекции героина».

Однако непохоже, что аддикция хоть как-то притупляла его необычайно острый и мощный интеллект. Возможно, как у Шерлока Холмса, только обостряла.

Поливанов всю жизнь интересовался сложным и необычным. Знал множество редких языков, сколько точно, неизвестно. Одни пишут, что восемнадцать, другие что, двадцать восемь.

Я с Поливановым свойственник по линии японского языка. Он — один из трех отцов-основателей, трех былинных богатырей российской японистики. Как только я начал всерьез интересоваться Японией, с шестнадцати лет, все время наткнулся на этих трех чудо-самураев: Поливанов-Невский-Конрад, причем Поливанов среди них был вроде Ильи Муромца, самый могучий. Все трое были почти одногодками, все отучились на восточном отделении Петербургского университета незадолго перед мировой войной.

Евгений Поливанов был гениальным лингвистом, специалистом по диалектам. Вроде бы мирная ученая профессия, но вся его биография — сплошное цунами. То он жил в жуткой японской глуши с рыбаками, изучал их говор и тянул вместе с ними сети (одной-то рукой); то вроде бы работал на царскую разведку; затем вдруг оказался большевиком-подпольщиком, заместителем первого наркоминдела товарища Троцкого; как-то очень равнодушно ушел из партии («выбыл механически как пассивный»); в послед-

ние годы своей недолгой жизни был в городе Фрунзе профессором Института киргизского языка. Жил (в советские времена!) со слугой-китайцем. Ну, про героин я уже рассказывал. Может, из-за него и в Среднюю Азию переселился.

В годы Большого Террора всех богатырей отечественной японистики, разумеется, взяли, одного за другим.

Первым — эксцентричного Евгения Поливанова с его эстонской женой. Потом Николая Невского с его японской женой. Их дочку-полуяпонку взял на воспитание тихий Николай Конрад, но скоро добрались и до Конрада.

Конечно, объявили шпионами. Конечно, пытали. Поливанова и Невского расстреляли (жен тоже живыми не выпустили). Николай Иосифович Конрад, отсидев, потащил дальше на подломленных плечах отечественную японистику почти в одиночку. Его я не застал совсем чуть-чуть. Учился у его учеников, молодых японистов.

Господи, у нас не было ни одной отрасли науки, ни одного направления культуры, даже ни одного вида спорта, где чугунная, бездарная, тупая, бессмысленно жестокая сила не вытоптала своими коваными сапожищами всё самое яркое и живое. Именно за это я ее так и ненавижу, эту поганую «арестократию», какой бы аббревиатурой в каждый конкретный исторический момент она себя ни называла. За то, что всегда уничтожала людей, которые много о себе понимали — и ладила только с теми, кто понимает о себе мало. Именно такую страну, с приниженным, пришибленным, не вякающим населением они всегда и строили.

На фото гений, наркоман, чудаки и почти сверхчеловек Евгений Дмитриевич Поливанов в годы, когда он много о себе понимал.





Из заявления з/к Поливанова
от 1 октября 1937 г.:
«Прошу о прекращении тяжелых
приемов допроса (физическим
насилием), так как эти приемы
заставляют меня лгать
и приведут только к запутыванию
следствия. Добавлю, что я близок
к сумасшествию».

← Слева он же, когда
ему объяснили, что много по-
нимать о себе не надо.

Иногда я думаю: было бы
здорово, если бы мои пред-
ставления о Том Свете оказа-
лись ошибочными. Пусть бы
были и Суд, и Рай — и обяза-
тельно Ад. Обязательно.

На всякий случай, чтоб ни-
кто там, на Страшном Суде,
не забыл, не перепутал.

Арестовывал Поливанова
лейтенант госбезопасности
Маргайтис. Вел следствие
и мордовал сержант (!!!) Маль-

цев. К смерти приговорили диввоенюрист Голяков, бригадвоенюрист
Зарянов и военюрист 1-го ранга Кандыбин.

Ну, а как звали главного начальника всех палачей, и так известно.

*Скоро очередной День памяти жертв политических репрессий.
В Москве и других городах будут читать имена расстрелянных. Я
про это уже когда-то здесь писал. Приходите к Соловецкому камню,
кто сможет. А кто не сможет — просто вспомните погибших.
Тех, кто арестовывал, пытал и расстреливал, тоже не забудьте. Это
из-за них мы сегодня живем в стране, которая хуже, чем могла бы
и должна была бы быть.*



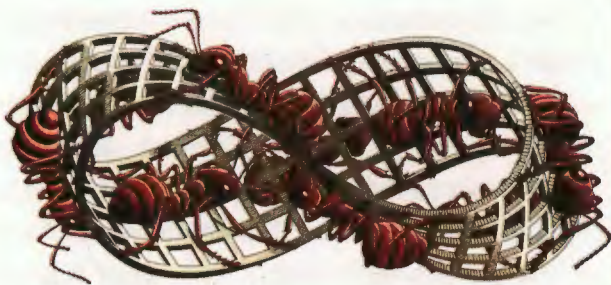
СПЕША ДЕЛАТЬ ДОБРО

В нашем воспаленном обществе периодически разгораются яростные споры по поводу того, как может и как не может вести себя человек, занимающийся Хорошим Делом. Допустимо ли ради Хорошего Дела кривить душой, врать, заискивать перед властью, ходить на совет нечестивых и так далее. То ругались из-за Чулпан Хаматовой, теперь вот из-за Елизаветы Глинки.

Скажу сразу: у меня тут твердой позиции нет. С одной стороны, ну давайте упрекнем Шиндлера за то, что он был членом фашистской партии. С другой — может, совсем уж на уши вставить необязательно, если, конечно, речь идет не о газовых печах? Всё зависит от конкретной ситуации и чувства меры.

И еще одно — уже не про Чулпан и не про доктора Лизу, а в развитие темы.

На прекрасном благотворительном поле зарыта одна мина, на которой иногда подрываются люди, по праву заслужившие всеобщее уважение и даже славу. Некоторые из этих праведников начинают думать, что служение Хорошему Делу позволяет им не держаться общепринятых этических норм, ибо ведь не корысти ради —



и вообще: кто вы все такие, чтобы меня осуждать, когда я сделал и делаю столько хорошего?

Хочу рассказать вам про одну выдающуюся женщину, которая ради Хорошего Дела зашла слишком далеко. Она мне почти как мать. Ну, то есть Борису Акунину. Именно с этой дамы, собственно, когда-то и начался весь проект.

У меня в романе «Азазель» есть такая леди Эстер, великая благотворительница, которая решила ни более ни менее как спасти всё человечество, ускорив исторический прогресс. Самым интересным персонажем для меня была она, а вовсе не юный дурачок Фандорин.

У моей баронессы Эстер есть вполне реальный прототип, ныне совершенно забытый, а в свое время оказавшийся в центре ужасного всероссийского скандала.

Игуменья Митрофания (имя, которое мне потом пригодилось для серии про монашку Пелагию) прожила удивительную жизнь. Она принадлежала к высшей аристократии, была дочерью командующего Кавказским корпусом барона Розена (которого я потом уволовал для романа «Герой иного времени» — у меня безотходное производство). В юности она была фрейлиной императрицы, а в 26 лет, после череды семейных трагедий, постриглась в монахини.

Баронесса Прасковья фон Розен была из породы людей, которые *спешат делать добро*. Вероятно, живи она в наше время, возглавила бы Международный Красный Крест или «Эмнести Интернешнл» — такого масштаба и темперамента была женщина.

В молодом еще возрасте она стала настоятельницей Введенского монастыря в подмосковном Серпухове — и привела эту бедную обитель к процветанию. Получив большое наследство, Митрофания всё его истратила на монастырь и на благотворительность.

Потом рамки одной обители ей стали тесны. Митрофания была одной из создательниц и руководительниц русского движения сестер милосердия — за это ей безусловно следовало бы поставить памятник. Но и этой обширной деятельности энергичной игуменье было мало. Она захотела превратить свой монастырь в огромное идеальное хозяйство, подобие земного рая, где духовность идет рука

об руку с деловитостью и экономическим успехом (утащено автором в роман «Пелагия и черный монах»). Среди ее проектов — получение железнодорожной концессии, строительство мыловаренного завода, производство гидравлической извести, и так далее, и так далее.

В общем, это была совершенно уникальная личность — самоотверженная, абсолютно бескорыстная, с незаурядным организаторским талантом и исполинским размахом.

Исполинский размах вкупе с упомянутой выше миной ее и погубили. Грандиозные затеи требовали столь же грандиозных капиталовложений. Никакие частные пожертвования столько дать не могли. И тогда матушка решила, что Бог простит, если она будет строить большое Хорошее Дело за счет маленьких нехороших людишек, к тому же закоренелых грешников.

В 1873 году Россию потрясла весть о том, что самая уважаемая и чтимая из деятельниц церкви, знаменитая игуменья Митрофания, находится под судом по делу о подлогах и фальшивых векселях на фантастическую сумму в два миллиона рублей (для сравнения: коллежский регистратор Фандорин получал тридцать пять целковых в месяц).

Митрофания подчинила своему влиянию — а характер у нее был могучий — купчи-



Какое лицо, а?

5-го октября, поутру, вся Москва стремилась в здание бывшего сената, но, разумеется, из тысяч желающих в залу попало каких-нибудь сотни два-три счастливецъ, снабженных заранее билетами. Остальнымъ предоставлено любоваться на площади царь-пушкой и царь-колоколомъ.

На слѣдующее утро всѣ московскія газеты наполнились разными подробностями открытія процесса. Писали, какъ публика напряженно уставилась на дверь, изъ которой должна была появиться подсудимая, но обманулась въ ожиданіи. Изъ желѣзной двери явились только соучастники ея: купцы Макаровъ и Махалинъ въ сопровожденіи жандармовъ, а сама игуменья, ровными, тихими шагами, показалась изъ другой двери, опираясь на черпакъ посоха и въ сопровожденіи не стража, а юной 15-лѣтней послушницы, которой, словно въ назиданіе, приходится въ такой юности выслушивать соблазнительныя разоблаченія темныхъ дѣлѣй ея начальницы. Для подсудимой передъ столомъ ея защитниковъ поставлено особое кресло, въ которое она и опустилась.

ху-алкоголичку, миллионщика-скопца и еще нескольких столь же несимпатичных толстосумов, выдоив из них всё, что можно. Действовала она не одна, а, как сказали бы теперь, в составе ОПГ — у Митрофании было несколько преданных помощников.

«Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего вразрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которых ей приходилось вращаться, — пишет Анатолий Федорович Кони, руководивший обвинением — и всё же испытывавший к подсудимой явную симпатию. — Эта широта воззрений на свои задачи в связи со смелым полетом мысли, удивительной энергией и настойчивостью не могла не влиять на окружающих и не создавать среди них людей, послушных Митрофании и становившихся, незаметно для себя, слепыми орудиями ее воли».

Знаменитый Федор Плевако, который защищал на процессе интересы жертв мошенничества, дотоптал игуменью в своей страстной речи, вдохновившей потом Островского написать пьесу «Волки и овцы», где Митрофания выведена под именем хищницы и мерзавки Мурзавецкой: «Овечья шкура на волке не должна ослеплять вас. Я не верю, чтобы люди серьезно думали о Боге и добре, совершая грабительства и подлоги». (Хм, а я верю.)



Грозные противники игуменьи:
А.Ф. Кони и Ф.Н. Плевако

Для подсудимой всё закончилось печально, но, с учетом тяжести обвинений, не ужасно: ссылкой в отдаленные монастыри, где Митрофания до конца своих дней мирно занималась иконописью — была у этой разнообразно одаренной женщины и такой талант.

Конечно, Митрофания — не совсем леди Эстер. Мировых заговоров не составляла и никого не убивала, только обкрадывала. Но мотивация та же самая, тот же тип личности, а главное — та же дилемма.

Одна из ключевых тем не только романа «Азазель», но всей фандоринской серии — растяжимость границ Хорошего Дела, неуловимый шов на ленте Мёбиуса, где лицевая сторона превращается в изнанку.

Можно ли, например, угробить несколько плохих людей ради спасения большого количества хороших? (Да не вопрос, ответит большинство читателей.) А можно ли во имя блага всего человечества пожертвовать буквально одним юнцом, симпатичным, но сильно мешающим Хорошему Делу? Кого, в конце концов, жальче — какого-то мальчишку или всё человечество? Баронесса Эстер тяжело вздохнет, и, конечно, поспешит спасти человечество.

Слава богу, в наших нынешних этических баталиях до столь жесткого выбора пока не доходит.



САТУРН ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

К 150-летию Московского зоопарка

А-а, крокодилы-бегемоты...

Любите ли вы крокодилов и бегемотов, как люблю их я? Бегемот для меня — царь зверей; крокодил — царевич.

За бегемотами я могу наблюдать бесконечно. В следующей жизни я хочу быть таким же бесстрашным, несуетливым и равнодушным к мнению окружающих.



Вот таким

Когда-то давно я прочитал, что бегемот — неоспоримое доказательство наличия чувства юмора у Господа Бога, ибо только очень большой шутник мог придумать сардельку размером почти с автомобиль «Победа», какие ездили по улицам

во времена моего детства, когда я специально ходил в Московский зоопарк смотреть на бегемотов.

Их было двое: царь и царица.

Они ничего не делали, просто лежали в большой грязной луже, время от времени ненадолго приоткрывая один глаз. В этом было нечто глубоко умиротворяющее и неподдельно величественное.

Мой приятель поэт Гандлевский в детстве состоял в юннатском кружке при зоопарке и любит вспоминать, как бегемот-самец поступал с зеваками, когда их собиралось у вольера слишком много.

Он (бегемот, не Гандлевский) царственно вставал из ванны — ко всеобщему восторгу. Поворачивался к зрителям своей толстой попой. И начинал опорожнять кишечник. Этот процесс у бегемотов происходит под высоким давлением, а хвостик у царя зверей — такая смешная лопаточка, и лопаточка эта моталась быстро-быстро, на манер вентилятора. Хватало на всех зрителей.

Я такой сцены ни разу не застал. Даже не знаю, радоваться или сокрушаться по этому поводу.

Когда Московский зоопарк попросил меня откликнуться на юбилей, я первым делом затребовал досье на кумиров моего детства.

Теперь я знаю о них гораздо больше, чем тогда. Оказываются, их звали Петер и Грета. Они жили долго и счастливо. Петер в последние годы совсем ослеп и ходил, уткнувшись носом в пышный дерьер своей супруги.

Умерли Петер с Гретой, когда я учился в институте и в зоопарк по воскресеньям давно уже не ходил. Мне стыдно, что я даже не узнал об их смерти. Спасибо им за то, что они были. Да не пересохнут никогда грязевые ванны в болотах их бегемотьего рая.



Кормление бегемотов в Московском зоопарке



Царь и царица на прогулке в сопровождении фрейлины

Еще у них была дочка Ракета, но ее я, увы, никогда не видел. Она росла девкой-вековухой, жениха в Москве ей взять было негде, и когда папа с мамой умерли, Ракета уехала в Казанский зоопарк, где, кажется, нашла свое женское счастье. Казанским детям повезло, а московских жалко. И нам еще будут рассказывать про «сирот казанских». Эх, что за город без бегемотов? Одна суета.

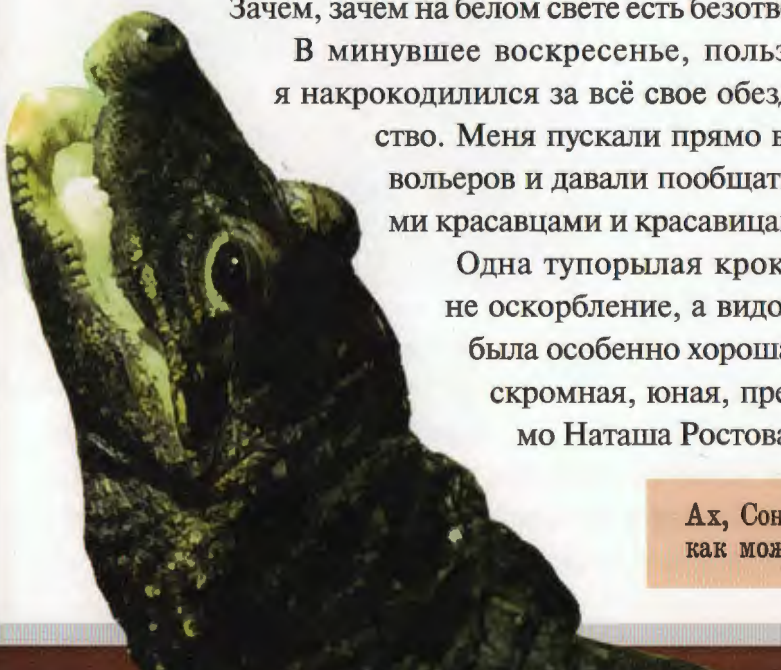
Раз в зоопарке теперь бегемотов нет, я попросил, чтобы меня отвели к крокодилам. К ним я тоже равнодушен. Люблю их за чрезвычайную позитивность. Они все время улыбаются, слезы льют, только чтоб вывести из организма избыток соли, а пасть разевают так, словно хотят проглотить весь мир. Если в следующей инкарнации не получится обладать бегемотьим характером, согласен на крокодилей.

Один раз, в Австралии, мне довелось гладить маленького крокодила. Он оказался не склизкий и жесткий, а теплый и мягкий. Пасть у него была перетянута канцелярской резинкой. У крокодилов очень сильные мышцы, отвечающие за смыкание, а размыкательные слабые, и простой резинки вполне достаточно. Я гладил и млел, вспоминая Московский зоопарк, где когда-то любовался на улыбчивых ящеров издали, из-за решетки. Крокодилу не нравилось, что я его глажу, и он злобно шурился. Резинка натягивалась, но держалась.

Зачем, зачем на белом свете есть безответная любовь?

В минувшее воскресенье, пользуясь блатом, я накрокодилился за всё свое обездоленное детство. Меня пускали прямо внутрь зимних вольеров и давали пообщаться с зубастыми красавцами и красавицами.

Одна тупорылая крокодилица (это не оскорбление, а видовое название) была особенно хороша. Сидит такая скромная, юная, прелестная, прямо Наташа Ростова.



Ах, Соня, Соня,
как можно спать?

Сначала стесняется, на подарки даже не смотрит. —>

Потом вдруг ЦАП! И фотоаппарат не поспел за пастью.



Так бы вот и полетела бы!

Это миссисипский аллигатор, который в 1936 году был переправлен из США в Берлинский зоопарк и жил там чуть ли не в личном зверинце фюрера.

Насчет личного зверинца, может, и сказки, но юность у Сатурна, вне всяких сомнений, была драматическая. От голода и бомбежек погибло почти всё население Берлинского зоопарка: из 16 тысяч зверей уцелели только 96. Прямо в террариум попала бомба, убив большинство крокодилов, а остальные бегали по соседним улицам, страшные, как белая горячка.



Но больше всего я, конечно, волновался перед встречей с легендарным Сатурном, дуайеном Московского зоопарка и звездой мирового уровня.

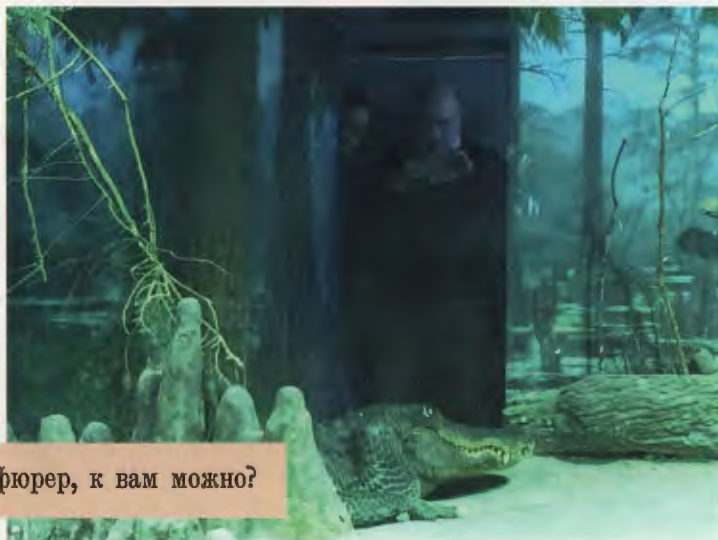


Злые американцы готовят подростка Сатурна к отправке в неметчину. Он явно не хочет.

Сатурну повезло. Он выжил, капитулировал вместе со всем Берлином и в качестве то ли трофея, то ли военнопленного отправился в Москву. Вместе с ним конфисковали тигрового питона, которому, разумеется, дали имя Гитлер, но питон прожил недолго, а Сатурн оказался долгожителем.

Он совершенно обрусел, со временем женился на молодой (на тридцать лет младше), пережил и ее. Говорят, тосковал, когда она умерла. У Сатурна характер выдержанный, нордический, поэтому тоска выразилась лишь в том, что какое-то время он отказывался от пищи. Однако со старостью приходит мудрость, и Сатурн понял, что такова его карма — доживать одному. Сейчас ему за восемьдесят, но он в отличной форме. Проживет до ста, дай ему крокодильский бог здоровья.

Меня пустили к Сатурну в его личный апартамент, пообщаться.

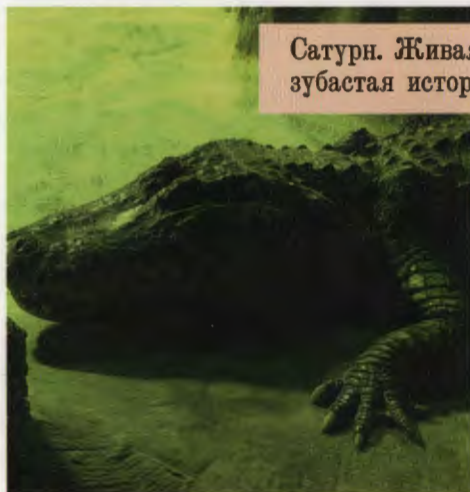


Группенфюрер, к вам можно?

Я хотел расспросить ветерана — и про фюрера, и про войну, и про всякое разное. Но дедушка повел себя неприветливо. Зигу, правда, не кинул, но, едва я переступил порог — недовольно заурчал, как пропеллер, и слегка оскалил зубы. На взятку в виде рыбины не польстился. Я очень хотел его потрогать, но мне не посоветовали. Сказали, что он неплохо относится к женщинам, особенно молодым, а мужчин не любит. Отлично его понимаю.

Зоопарк, конечно, совершенно волшебное место. Я вошел в его ворота сильно немолодым дядькой, у которого вся жизнь идет строго по ежедневнику («12.00-13.15 крокодилы; Сатурн?») — и вдруг словно попал в хронодыру. Будто мне девять лет, и у меня праздник: я в зоопарке, с крокодилами! Ни разу даже на часы не посмотрел, а ведь это мой вечный тик.

Господи, ну почему я сорок пять лет не был в зоопарке?
Не повторяйте моей ошибки.



Сатурн. Живая
зубастая история



ОПРОСЫ-ВОПРОСЫ-ОТВЕТЫ

Ведя блог, получаешь возможность моментально узнавать, что твои читатели думают по тому или иному поводу, производить блиц-исследования вкусов, взглядов, предпочтений. Поэтому я часто устраиваю опросы по интересующим меня темам. Мне странно, что все писатели, люди уединенной профессии, не пользуются этим инструментом для постоянной связи с аудиторией. А то так и засохнешь в своей башне слоновой кости, воображая себе людей такими же, какими они были вчера. А люди меняются, их взгляды, вкусы и предпочтения эволюционируют. Особенно в такой динамичной стране, как Россия, которую вечно кидает то в жар, то в холод, то вверх, то вниз.

Я включил в книгу всего несколько опросов — не злободневного свойства. Иногда результаты были поистине удивительны.

Чтобы всё было честно, я даю возможность и членам интернет-сообщества задавать мне вопросы о том, что интересует их. Здесь дано несколько самых ярких и развернутых — с такими же развернутыми ответами.



НЕКОТОРЫЕ ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Ω galinaherisson

Уваж.. то есть лучше дорогой Григорий Шалвович.\...\Мне нужно разобраться, в чем разница между уважением и вежливостью. Как на Ваш взгляд? Я живу во Франции и, хоть и не хотелось сравнивать разность менталитетов (в смысле «они, мол, такие, а мы — сякие»), тем не менее как-то впитываешь, наблюдаешь... Мне кажется, что здесь больше «в цене» именно вежливость. Я интуитивно чувствую, что уважение — это нечто более глубокое, в «аристонимическом» смысле. И тест этот, я считаю, «провалила»... Что же такое Уважение, как говорится «dans la vie de tout les jours», по сравнению с вежливостью?

А второй вопрос про любовь, то есть как описывать любовь. Вы нередко повторяете, что писателю не нужно слишком заботиться, что подумает публика. И пост о Евгении Шварце мне понравился. И тем не менее; вот Вы так красиво пишете про любовь. И, я думаю, многим хочется испытать такую любовь, как Фандорин и О-Юми... В жизни — совсем не так. Как же писать, не становясь вульгарным и т. д.? (мне почему-то вспомнился роман «Кокаин»...)

1. Про вежливость и уважение.

Уважение, насколько я понимаю, бывает двух типов: абстрактное и конкретное.

Первое — плод цивилизационной эволюции или результат воспитания. Если ребенку с детства втолковывают, что нужно ко всем без исключения людям относиться с уважением, это впитывается в сознание, и на первом этапе общения ты ко всем благожелателен и уважителен. Потом, конечно, тот, кто скверно себя ведет, твое уважение утрачивает. Самая давняя традиция такого «априорного» ува-



Дежурный по станции
уважает пассажиров...

жения, по-моему, зафиксирована в японской культуре. Там в Средние века была даже «уважительная» смертная казнь — харакири. И самым худшим наказанием была не смерть, а остракизм, то есть лишение права на уважение. Сейчас в японских тюрьмах к осужденным обращаются без приставки «сан», и это там главное мучение. Даже странно, что «Эмнести интернешнл» до сих пор не приравнивала это к пыткам.

В современном западном мире уважение этого рода считается нормой. В бытовых взаимоотношениях оно принимает вид форсированной вежливости, иногда, на наш взгляд, утомительной или комичной. Помню (даже и в романе про это написал), как, совершая кругосветное плавание на британском теплоходе, я тысячу раз мысленно поблагодарил английского знакомого, который перед отплытием дал мне добрый совет: «Ни с кем не встречайтесь глазами. Иначе придется улыбнуться и кивнуть; со второго раза начать здороваться; с третьего — останавливаться и вести бессодержательную беседу про погоду-природу — и так все три месяца, потому что это теплоход и деться друг от друга некуда». Один раз дал слабину — вступил в визуально-кивочный контакт с симпатичной английской парой. И потом несколько недель пугливо косился по сторонам. Потому что я шагаю по палубе с блокнотом, придумываю «Шпионский роман», у меня там ужас что творится, абвер свирепствует — а навстречу с широкой улыбкой мистер или миссис Polite, и нужно обсуждать fabulous afternoo, и рабочий настрой уже не вернется. Я прямо ожил, когда они сошли в Сиднее.

Второе уважение, настоящее, возникает в любых обществах, даже ужасно невежливых (вроде нашего). Это когда уважение заслуживают, зарабатывают, завоевывают. Оно, конечно, выше качеством, но, если выбирать, я предпочитаю общество, в котором царит вежливость. Ведь нам на самом деле от 99,99999999% живущих ничего дру-

гого и не нужно: лишь бы были с нами вежливы, а для сердечных отношений и истинного уважения нам вполне хватит близких.

2. Как писать про любовь.

Очень своевременный вопрос — для меня. Как раз сейчас ломаю над ним голову. У меня в романе «Аристонмия» главный герой, который, скрипя учеными мозгами, размышляет над смыслом счастья и «правильной жизни», оговаривается: «Я признаю, что счастье бывает и другого происхождения — дарованное счастливой любовью, этим волшебным заменителем самореализации. Если бы не свет и тепло любви, жизнь большинства людей, *до самой смерти не нашедших себя*, была бы невыносима. Предполагаю, впрочем, что способность любви — тоже Дар, которым обладают не все и не в равной мере. Однако я не могу углубляться в этот особый аспект, поскольку никак не являюсь в нем экспертом. Мне почему-то кажется, что в природе любви способна лучше разобраться женщина. Во всяком случае, я бы прочитал такой трактат с интересом».

Вот именно к этой мудреной задаче я и пробую подступиться во втором романе серии. Это будет книга про «правильную любовь» (whatever it means). Не знаю, получится ли. Очень мешает то, что я не женщина. Если допишу — Вы получите на свой вопрос гораздо более полный, хоть и не уверен, что удовлетворительный ответ.

И вопрос еще более головоломный:

Q aliks

Григорий Шалвович, не приходило ли Вам в голову, что пора бы уже сделать героем человека, который не рассуждает, про себя или в компании единственного собеседника, о том, как в России все сложно, поэтому главное — создать вокруг себя уютный мирок; а который активно действует на благо общества. Что, мало примеров, когда люди не живут по прин-



Я спою тебе, спою еще одну

ципу «моя хата с краю»? Часто встречаю в комментариях к Вашим постам слова, что, мол, Фандорин бы на митинг не пошёл. Получается, что в ваших книгах Вы в лучшем светеставляете рефлексирующих эгоистов, а деятельные равнодушные у вас толкают Россию к пропасти. И выходит эдакая апология для ваших осторожничающих читателей. А Вы потом удивляетесь, отчего люди не протестуют против преступного режима. Задумчивый Борис Акунин для них больший авторитет, чем уверенный в своей правоте гражданин Григорий Чхартишвили.

Попробую ответить по частям.

«*Пора бы изобразить героя*». Ну, наверное, пора бы, если смотреть на литературу по-ленински: «очень своевременная книга». Но я отнюдь к писательству иначе. Когда пишу в развлекательном жанре — то развлекаю и не пытаюсь под прикрытием Эраста Петровича впихивать людям в мозги свои ценности. Если же такое все-таки случается, то не намеренно, а просто потому, что так уж я вижу мир.

«*Рефлексирующие эгоисты*». Вообще-то это именно мой случай. Я как в девятом классе прочитал про «разумный эгоизм», так сразу на всю жизнь и решил: это мне годится. Все мои поступки, даже если они чреватые для меня каким-то ущербом, диктуются не общественно-альтруистическими, а глубоко личными соображениями: я хочу быть в мире с самим собой. Дороже этого ничего нет. Раньше для сохранения внутренней гармонии было довольно не совершать каких-то действий. Теперь оказывается, что этого мало — приходится иногда делать что-то, чего делать очень не хочется, но надо.

Ситуацию, как Вы справедливо заметили, отягощает еще и привычка к рефлексии, свойственная моему сословию. Вечный вопрос, который люди вроде меня себе задают, когда пытаются как-то участвовать в общественной жизни: а не навязываю ли я свои ценности стране, большинству населения которой они ни за чем не сдались? Сколько тех, кому они нужны и важны, эти ценности? Может, мы чужие в этом комеди-клабе, в этой стасмихайловляндии? Что я тут лезу со своей демьяновой ухой? Ешь ее сам, но не запихивай в тех, кому не надо.

А потом происходят какие-то события (декабрь 2011-го, «писательская прогулка» или недавние московские события) и говоришь себе с огромным облегчением: нет, не чужой, нас много.

Однако считаешь большинство комментов к моим «политическим» постам — и такая тоска берет. Сплошные стоны про то, как всё в России плохо, и всегда в России всё будет плохо, и в России непременно должно быть плохо, потому что в России иначе не бывает, а кто в это не верит или пытается что-то изменить — тот в лучшем случае прекраснодушный кретин, а в худшем — волк в овечьей шкуре. И такое удручающее неверие в собственные силы. И такое нежелание даже пальцем шевельнуть, чтобы сделать или попытаться сделать свою жизнь хоть чуть-чуть лучше...



Василий Перов.
«Блог Б. Акунина и его
читатели»

«Уверенный в своей правоте гражданин Григорий Чхартишвили».

Насчет уверенности в правоте у меня, как можно понять из вышесказанного, не всё гладко. К тому же мои взгляды меняются, эволюционируют. Я слушаю чью-то точку зрения и, хотя бы временно, начинаю смотреть на мир глазами этого человека. Писательская гуттаперчивость. Часто чувствую себя раввином из старого анекдота, которого позвали рассудить спор. Послушав первого, он говорит: «Ты прав». Послушав второго: «Ты тоже прав». «Ребе, но так не бывает!» — восклицает третий. «И ты тоже прав», — соглашается раввин.

Потому-то я и не иду в политики. Там рефлексирующим эгоистам не место. Лучше буду книжки писать. И говорить, что думаю в настоящую минуту, не заботясь о том, последователен ли я и шагаю ли в ногу со временем.



ГЕНДЕРНОЕ ПОКАЯННОЕ

Делюсь впечатлениями от сбора материалов к роману, который будет посвящен теме не весьма оригинальной — отношениям между полами. Как обычно, я начал с изучения профильной литературы. Читал, делал выписки. Один из файлов называется «Серпентарий». Туда я выписывал яркие примеры межгендерного антагонизма, в частности мизандрические высказывания знаменитых женщин и мизогинические высказывания знаменитых мужчин.

Поразительно то, что мужененавистнических цитат накопилось очень мало, даже радикальные феминистки не особенно разжигают. Максимум — нечто отстраненно-неприятное, вроде Кэтрин Хэпберн (которая к тому же, вероятно, пошутила): «Иногда мне кажется, что мужчины и женщины не очень подходят друг другу. Может быть, им лучше было бы жить по соседству и иногда заходить друг к дружке в гости».

При этом, положив руку на сердце, следует признать, что женщинам мужчин любить особенно не за что. Мы грубые, упертые, эгоистичные, жестокие, инфантильные. И предатели — обязательно изменим если не с другой женщиной, так с какой-нибудь дурацкой Идеей. А еще мы некрасивые, неаккуратные и тактильно неприятные. Я не перестаю удивляться, как это умные и тонкие существа противоположного пола могут посвящать всю свою жизнь любви к мужчине.

А начитавшись гадостей, которые мужчины пишут про женщин три тысячи лет подряд, я почувствовал, что становлюсь феминистом. И вы сейчас станете.



Давайте поделюсь с вами перлами из своего цитатника. Отбираю только самых что ни на есть почтенных авторов.

Платон: «...Очевидно, что только мужчины являются полноценными людьми и могут надеяться на полную самореализацию; женщина же может надеяться лишь на то, чтобы уподобить себя мужчине».

Аристотель: «Природа устроила отношения между мужчиной и женщиной таким образом, что первый выше, а вторая ниже; первый управляет, а вторая повинуется».

Или вот Геродот о персидском обычае не показывать отцам сыновей до пятилетнего возраста: «До той поры мальчик живет с женщинами. Причина такова: если младенец умрет, отец не будет слишком сильно горевать. По-моему, хороший обычай», — заключает историк. А что женские-то чувства беречь?

Священные писания относятся к женщинам примерно так же.

Вот вам Библия:

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем» («Послание к Эфесянам» 5:22-24»).

И не думайте, что с веками эта позиция поменялась. Реформировавшись, христианство к женщинам не пошло:

«У мужчины широкая грудь и узкие бедра, а разума больше, нежели у женщин, — с восхитительной логичностью пишет Мартин Лютер, — ибо у женщин, наоборот, грудь узка, а бедра широки, и потому женщинам надлежит сидеть дома, не возбуждаться, заниматься хозяйством, рожать и взращивать детей».

Интересно, что уже в наши времена эту мудрую мысль почти буквально повторяет светоч религии, оппонирующей христианству, почтенный Хашеми Рафсанджани, кажется, считающийся в Иране либералом: «Различия в росте, жизненной силе, тембре голоса, развитии, мускулистости и физической силе между мужчиной и женщиной демонстрируют, что первый во всех областях лучше и способнее».

Бывший иранский президент, собственно, лишь пересказывает своими словами Коран: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины — благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их» («Женщины» 4:34).

Вот еще любимое о некрасивых женщинах от нашего Даниила Заточника: «Жене бо злообразне не достоин бо в зеркало приницати, да не в большую печаль впадет возревше на нелепость лица своего».

Но больше всего меня впечатлило одно простенькое семейное письмо первого века. Автор-римлянин пишет своей (видимо, любимой) супруге: «Приветствие Илариона его дорогой Алис, а также дорогому Бероусу и Аполлинариону. Мы все еще в Александрии. Не беспокойся, если я задержусь и остальные вернутся раньше. Присмотри за нашим малюткой. Как только со мной расплатятся, вышлю деньги. Если — молю об этом богов — ты благополучно родишь, мальчика оставь, а девочку выбрось. Ты сказала Афродизиасу, чтоб я тебя не забывал. Как я могу забыть тебя? Не волнуйся».

В общем, простите нам, женщины, нашу историческую вину, если можете. Мы не виноваты, нас так воспитывали.

И все-таки, удовлетворите мое любопытство. Спрашиваю безо всякого кокетства: почему вы нас, скотов, любите? (Если любите.)

ОПРОС ПОЧЕМУ ВЫ ЛЮБИТЕ МУЖЧИН?

Голосовалка для женщин (Можно больше одного ответа)

Участников: 2794

Потому что вы умные

 **492 (13.9%)**

Потому что вы красивые

 **180 (5.1%)**

Потому что вы нас защищаете

 **445 (12.5%)**

Потому что вы творите

 **356 (10.0%)**

Потому что надо же кого-то любить

 **674 (19.0%)**

Сама не пойму

 **700 (19.7%)**

Да не люблю я вас, с чего вы взяли?

 **700 (19.7%)**



ВАЛЕНТИННОЕ

Всвязи со списками любимых книжек возник у меня тут один спор, довольно дурацкий, но в то же время и любопытный.

Кто самые желанные жених и невеста в отечественной литературе? В смысле, за кого из литературных персонажей охотней всего вышли бы замуж современные читательницы и на ком, не раз-



До гроба и даже дальше.
(Муж и жена на голландском кладбище, поделенном между католиками и протестантами)

думывая, женились бы современные читатели?

Ставки в споре сделаны. Теперь всё зависит от вас.

Два предупреждения:

1. *Выкиньте из памяти литературные экранизации, они могут сбить с толку. Вам ведь не с актерами сочетаться.*

2. *Речь идет не о любовном приключении, а о браке на всю жизнь. Так что не советую связываться с Печориным или с Настасьей Филипповной. Хотя, конечно, хозяин — барин, то есть хозяйка — барыня.*

ОПРОС НА КОМ ИЗ ЭТИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОИНЬ ВЫ БЫ ЖЕНИЛИСЬ?

Голосовалка для мужчин

Участников: 1908

Маргарита (будем считать, что мастера она не встретила)

399 (23,5%)

Татьяна Ларина

389 (22,9%)

Бэла

75 (4,4%)

Наташа Ростова

193 (11,4%)

Княжна Марья

140 (8,2%)

Анна Каренина

35 (2,1%)

Настасья Филипповна

219 (3,6%)

Кити Щербацкая

137 (8,1%)

Соня Мармеладова

99 (5,8%)

Аксинья (которая из «Тихого Дона»)

169 (10,0%)

А женщинам предлагается выбор более широкий, потому что у них запросы шире и интересы многообразней.

Кандидаты подобраны один краше другого. —>



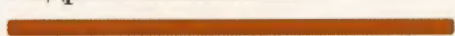
Британский клуб джентльменов-пловцов (1863)

ОПРОС ЗА КОГО ИЗ ЭТИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ ВЫ БЫ ВЫШЛИ ЗАМУЖ?

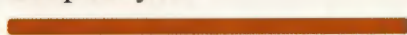
Голосовалка для женщин

Участников: 3020

Андрей Болконский

 **590** (20,7%)

Пьер Безухов

 **530** (18,6%)

Базаров

 **102** (3,6%)

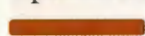
Печорин

 **65** (2,3%)

Князь Мышкин

 **92** (3,2%)

Вронский

 **181** (6,4%)

Мастер

 **136** (4,8%)

Ставрогин

 **32** (0,5%)

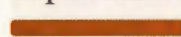
Рахметов

 **22** (0,8%)

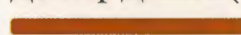
Раскольников

 **26** (0,9%)

Юрий Живаго

 **233** (8,2%)

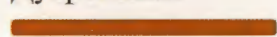
Доктор Дымов («Попрыгунья»)

 **309** (10,8%)

Поручик Мышлаевский

 **108** (3,8%)

Дубровский

 **355** (12,5%)

Алеша Карамазов

 **85** (3,0%)

ЛУЧШИЙ МУЖ И ЛУЧШАЯ ЖЕНА

Результаты нашего матримониального голосования оказались чертовски интересны и, по-моему, заслуживают анализа.

Приятно, что в холостяках и девках-вековухах у нас не остался никто. Даже педофила Ставрогина, за которого я очень беспокоился, готовы подобрать и спасти 32 самоотверженные женщины. А скандалистки Настасьи Филипповны не уstraшили 219 героических мужчин.

Но интереснее другое. Каждый из литературных героев и героинь, которые были перечислены в списках, обозначает некий набор характеристик и соответствует определенному типу личности. При этом персонажи довольно легко объединяются в группы по тому или иному качеству, что и позволяет осуществить анатомическое исследование сердечных склонностей читателей. (И не насккивайте на мои дилетантские потуги. Как умею, так и анатомирую.)

Здесь и на сайте «Эха Москвы» в голосовании приняли участие примерно 8700 женщин и 6700 мужчин — достаточно внушительные цифры, чтобы сделать некоторые осторожные выводы про наших современников и современниц. В смысле, про нас с вами.



Умею плохо: видите, даже не знаю, с какой стороны сердце

Начну с женской аудитории. Здесь, на мой взгляд, любопытно посмотреть на выбор, сделанный по трем ключевым мотивациям.

1. Первая градация такая: муж должен быть **«надежный»** (то есть предсказуемый, от кого не ждешь неприятных сюрпризов) или **«романтический»** (тот, с кем, что называется, не соскучишься).

К категории «надежных» относятся Безухов, Базаров, Мышкин, Вронский, Живаго, Дымов и Алеша Карамазов.

К «романтическим» — Болконский, Печорин, Мастер, Ставрогин (демоническая личность все-таки), Рахметов, Раскольников (человека сожгла идея), Мышлаевский и Дубровский.

Если сложить вместе голоса, поданные за «надежных», получается 56,3%.

«Романтическим» готовы отдать руку лишь 43,7%, притом что у этой команды численный перевес на одного персонажа.

О чем это, по-вашему, свидетельствует? Боюсь, о том, что мужья у нас страдают дефицитом надежности. Не уверен, что у них и с романтичностью всё в порядке...

2. Следующая сегрегация по принципу **«защитник»** (тот, кто способен защитить) или **«подзащитный»** (тот, кого самого нужно защищать).

«Защитники» у нас: Болконский, Базаров, Печорин, Рахметов, Дымов, Мышлаевский, Дубровский, Вронский. Их опеке готовы ввериться 58,3%.

«Подзащитные»: Безухов, Мышкин, Мастер, Ставрогин (очень уж мечется, бедняжка), Раскольников, Живаго, Алеша Карамазов. Их берут под свое крыло 41,7% невест.

С этим ясно: несмотря ни на что большинство современных женщин все еще предпочитают быть слабыми, а не сильными. Или, по крайней мере, охотно мечтают о возможности побыть слабой. Но всё же очень большая пропорция невест-защитниц порадовала бы поэта Некрасова: если понадобится, и войдут, и остановят.

3. Наконец, третья категория — **«умный»** или **«красивый»** (можно выразиться и без экивоков: *sexu* или не *sexu*). Умников, на красоту

которых автор обращает наше особенное внимание (например, Болконского), я зачисляю в первую группу.

Итак, «красивые»: Болконский, Печорин, Вронский, Ставрогин, Живаго (попадает сюда за Омара Шарифа и Меншикова, от которых его уже не отлепишь), Мышлаевский, Дубровский.

«Умные»: Безухов, Базаров, Мышкин, Мастер, Рахметов (потому что аскет), Раскольников, Дымов, Алеша Карамазов.

Здесь боевая ничья — голоса распределились поровну. А я был уверен, что победят умные. Не любовника ведь выбирали, а партнера на всю жизнь, в радости и горе, до гробовой доски. Однако поди ж ты. Половине женщин все равно подавай красивого.

Переходим к мужчинам. С ними проще, потому что они (то есть мы) вообще проще. Пожалуй, я бы выделил всего два определителя.

1. Первое деление примитивнее некуда: хорошенькая или так себе.

Блещут не красотой, а душевными качествами в нашем списке Ларина («не привлекла б она очей»), княжна Марья, Соня Мармеладова, Маргарита («меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах»), низенькая и полненькая Анна тоже не отвечает современным канонам красоты (помню, читал — расстраивался).

Тем не менее этот дрим-тим одерживает убедительную победу над ослепительными красавицами (58,3% — 41,7%).

Вот, видите, дамы, вы про нас плохо думаете, а мы в вас душу любим больше, чем внешность.

2. Второй выбор несколько сложнее. Какая жена лучше: живущая сердцем



Anne Anderson. Красавица и чудовище



Бондарчук в этой
роли мне не нравится.
Лучше Хопкинса
повешу

или живущая умом; эмоциональная или рассудительная; жена-праздник или жена-повседневность?

По линии «сердца» у меня проходят Маргарита, Бэла, Анна Каренина, Настасья Филипповна и Аксинья.

Рассудительностью взяли Татьяна Ларина, Наташа Ростова (из эпилога), княжна Марья, Кити Щербацкая (тоже уже замужняя), Соня Мармеладова (человек не страсти, но этики).

Наши мужчины проголосовали за жен умных (56,7%), которые не увлекутся каким-нибудь прощелыгой Онегиным, а будут вечно нам верны. (И я тоже так проголосовал.)

В общем, что вам про нас с вами сказать? Кажется, в вопросах серьезной любви мы в большинстве своем люди прагматичные, рассу-

дочные и не подверженные африканским страстям. Экранизации классики несколько испортили нас, но и милосердие иногда стучится в наши сердца. Триста девяносто пять женихов у Сони Мармеладовой, подумать только.

Лучший муж у нас — надежный, умный, честный, нудный Пьер. Лучшая жена — Татьяна, предпочитающая любви порядочность.

Наверное, нормально.

А еще похвастаюсь, что спор я выиграл в обеих номинациях: именно на Пьера с Татьяной я и ставил.



Татьяна (на снимке слева)
в исполнении Евгении
Крегжде (из вахтанговского
«Онегина», который
я недавно посмотрел).
Фото М. Гутермана

ОТВЕЧАЮ НА ВОПРОСЫ

Q al_kesta

В ваших произведениях целая галерея всевозможных злодеев-акунинов — лихих людей, политиков, разбойников, шпионов, революционеров, наемных убийц и мафиози, играющих на стороне зла, но по своим твердым правилам, на основе своих твердых принципов. Вы считаете подобных персонажей фигурами чисто беллетристическими или в реальности они вам тоже встречались? Можете привести пример настоящих реальных, не книжных акунинов из самой недавней истории? (Про ныне здравствующих не спрашиваю, их называть может быть неудобно, наверно... но услышать про них было бы особенно интересно.)

В истории таких людей было много. Напомню, что в моей интерпретации «аку-нин» — это не мелкая корыстная сволочь, не шкурник, а человек масштабный, бесстрашный, готовый к самопожертвованию и главное — с Идеей. Только идея эта ущербная, потому и «аку-нин», то есть буквально «человек Зла». При этом акунин-то обычно уверен, что несет Добро.

К той же породе относятся люди, идея которых вполне хороша, но ради ее осуществления они, что называется, пасть порвут. Дорога в ад вымощена идеалистами, которые ради высокой цели не брезговали низкими средствами.

Я бы зачислил в акунины многочисленных строителей земного рая, от «океанического государя» Чингисхана до Ленина. Ущербность проектов идеального мироустройства заключается в том, что они невозможны без насильственного подчинения большого количества людей единой воле. Мне кажется, что рай на земле теоретически возможен, но

не раньше, чем произойдут существенные изменения в сознании и манерах обитателей планеты. Административными методами ни идеальную империю, ни Город Солнца, ни коммунизм построить невозможно. Получится только кровь и ужас. Мало ли было пламенных революционеров, людей героических и даже альтруистических. Они натворили больше бед, чем все бандиты с маньяками вместе взятые.

А если в последней части вопроса Вы имели в виду современных российских правителей, то акунинов я среди них не вижу. По-моему, там одни сляжэни, то есть нехорошие люди с гнильцой. Слово «коррупция», как известно, и означает «гниение».

weider13

В вашем романе «Азазель» описано такое чудесное учебное заведение, как «эстернат», где еще в детстве выявляют, к какой профессии человек более всего расположен. Еще школьником, прочитав это произведение, очень жалел, что таких заведений не бывает и это все выдумка. Теперь уже возраст подошел к 30, а я все еще не нашел себя, свое призвание. И у меня к вам вопрос. Опишите, пожалуйста, способ, как найти свое призвание? Может быть, у вас, как у создателя идеи «эстерната», есть какой-то универсальный способ? Или дайте, пожалуйста, какие-нибудь советы на этот счет! Также интересно, как вы сами нашли свое призвание? В каком возрасте вы поняли, что это ваше, и как именно вы это поняли? Очень надеюсь, что ответите, так как это злободневная для меня тема.

Хотел написать что-нибудь дурашливое, потому что неохота избражать из себя доморощенного Карнеги или сладкоречивого телепроповедника, но вопрос задан серьезно, поэтому серьезно и отвечаю. Я на встречах с читателями даже на вопрос «В чем смысл жизни?» отвечаю без дураков: смысл жизни, говорю, в том-то и том-то. И так.

Найти свое призвание – злободневная тема для всех, не только для Вас. Ничего важнее на свете вообще, я думаю, нет: понять, что ты умеешь хорошо делать, и потом уже не тратить жизнь на ерунду.

Первое и главное: нужно просто поставить перед собой эту задачу и работать над ней.

Второе: не падать духом, если поиски будут долгими и приведут к ошибкам. Хотя вообще-то сам процесс поиска весьма увлекателен.

Третье: чтобы понять, для чего ты создан, хорошо бы сначала понять свое устройство. То есть определить, в чем твои слабые и сильные стороны.

Первым воли не давать, **вторые** развивать.

Четвертое: после того как повернешь в правильном направлении, должен сам собой включиться локатор «теплее, теплее». Только учтите, что, если движение по этому пути позволяет расслабиться и не требует напряжения, это скорее всего тупик. Вперед и вверх без напряжения не бывает.

Ну и пятое: семья, воспитание детей – это одно из самых важных и благодарных направлений работы над собой. Очень может быть, что твой талант в способности любить – может быть, самом ценном из всех. Так что, если Вы не стали великим художником или министром, не убивайтесь. Они почти все несчастные.

Извините за прописи. Ничего более оригинального по данному предмету сказать не могу.

Ω rastrepav

Ω mi3ch приводит слова Сьюзан Зонтаг.

Писатель должен состоять из четырех человек:

1. Одержимого
2. Глупца
3. Стилиста
4. Критика

Первый поставляет материал, второй позволяет ему выйти наружу, третий отвечает за вкус, четвертый – за интеллект.

В великом писателе присутствуют все четыре, но вы все равно можете быть хорошим писателем, если в вас есть только первые два, потому что они самые важные.

Есть совпадения с вашими людьми, ГШ?

В смысле со мной как автором? Не особенно. Да и вообще не думаю, что эта формула верная. Мне случалось беседовать с Сьюзан Зонтаг. Она была дамой яркой, но весьма категоричной в суждениях, что иногда уводило ее довольно далеко от реальности.

Если говорить о «четырех человеках», то мне они представляются иначе. За исключением разве что одного.

Писатель, на мой взгляд, это прежде всего человек, умеющий колдовать словами. Чувствовать, какие сочетаются, а какие – нет; как они расставляются в предложении единственно возможным образом; как сделать, чтоб фраза журчала, скрежетала, ласкала, царапала. Лаконично выражаясь – да, Стилист. То есть здесь я с СЗ согласен.

Второй человек – Нарратор. Это почти то же самое, что рассказчик, но не совсем. Дар наррации – это умение посадить читателя на санки, слегка подтолкнуть их, и дальше они катятся уже как бы сами. Читателю то весело, то грустно, то страшно, то мужественно, а бывает, что и противно, но при этом вылезти из санок он ни за что не согласится.

Третий человек – Носитель Знания, то есть некоей ценной или просто любопытной информации, которая очень нужна или очень интересна читателю.

Наконец, четвертый – Транслятор Идей, которые откроют читателю что-то важное, или поразят его, или даже изменят его жизнь (желательно к лучшему, но бывает, что и наоборот).

Если в авторе не сидит никого из этой «четверки», то это графоман. Если же окопался хоть какой-то один, то это уже настоящий писатель. Если два (любых) – выдающийся. Если три – великий. Ну, а чтоб совпадали все четыре – такого писателя, по-моему, еще не случилось. Может, Толстой приближается, но у него даже в лучших романах есть серьезные перебои с наррацией, да и стилист он, по-моему, неровный.

А есть ли, по-вашему, писатели, у которых присутствуют все четыре качества? (Кто напишет: «Вы, дорогой ГШ!» – забаню за глум.)

Или, может быть, вы назовете каких-то других «внутренних человек»?



ЛЮБИМЫЕ И НЕЛЮБИМЫЕ ЦАРИ

Дамы и господа, помогите историку-любителю в работе. Мне нужно узнать, кого из русских самодержцев вы любите и кого не любите. Неважно, если вы плохо знаете историю — все равно какое-то мнение о том или ином царе у вас сложилось, хотя бы по романам и художественным фильмам.

Отсчет веду от последнего Романова до Ивана Грозного, который в 1547 году впервые принял титул «Царя Всея Руси».

Монархов, которые правили недолго, я опускаю. Для Годунова сделал исключение, потому что хотя официально он царствовал всего семь лет, но фактически правил существенно дольше, а для Павла — потому что очень уж колоритен.

Буду признателен, если в комментариях вы коротко обоснуете свою позицию.



ОПРОС КТО ИЗ РОССИЙСКИХ ЦАРЕЙ ВАМ БОЛЬШЕ ВСЕГО ПРАВИТСЯ?

Выбрать можно только один вариант

Участников: 4720

Николай II

 179 (3,8%)

Александр III

 473 (10,2%)

Александр II

 1189 (25,5%)

Николай I

 101 (2,2%)

Александр I

 288 (6,2%)

Павел I

 133 (2,9%)

Екатерина II

 847 (18,2%)

Елизавета Петровна

 130 (2,8%)

Анна Иоанновна

 14 (0,3%)

Петр I

 927 (19,9%)

Алексей Михайлович

 122 (2,6%)

Михаил Федорович

 24 (0,5%)

Борис Годунов

 112 (2,4%)

Федор Иоаннович

 14 (0,3%)

Иоанн Васильевич

 107 (2,3%)

ОПРОС КТО ИЗ РОССИЙСКИХ ЦАРЕЙ ВАМ БОЛЬШЕ ВСЕГО НЕ ПРАВИТСЯ?

Выбрать можно только один вариант

Участников: 3998

Николай II

1092 (27,8%)

Александр III

118 (3,0%)

Александр II

38 (1,0%)

Николай I

275 (7,0%)

Александр I

36 (0,9%)

Павел I

443 (11,3%)

Екатерина II

84 (2,1%)

Елизавета Петровна

38 (1,0%)

Анна Иоанновна

478 (12,1%)

Петр I

223 (5,7%)

Алексей Михайлович

28 (0,7%)

Михаил Федорович

13 (0,3%)

Борис Годунов

79 (2,0%)

Федор Иоаннович

31 (0,8%)

Иоанн Васильевич

959 (24,4%)

КТО ВИНОВАТ

Сегодня печальный юбилей. Ровно 120 лет правителем России стал человек, который уронил страну в черную дыру.

Его даже не разглядишь на этой литографии — незаметно-го такого маленького офицера, определившего судьбу наших прадедов, дедов, родителей, да, собственно, и нашу с вами.

Формула этого противоречивого характера, в значительной степени решившая судьбу XX века — сочетание закомплексованности, слабохарактерности и упрямства. Для правителя это гремучая смесь.

Взошел на престол — первым делом объявил, чтобы общество не тешилось «бессмысленными мечтаниями»: всё останется, как при незабвенном родителе.

Но как при незабвенном родителе в новом столетии не получалось. Всё скрипело, шаталось и сыпалось. Это было страшно. Не-



Александр III Миротворец
почил в Бозе

бескорыстные советники подкинули идею маленькой победоносной войны. Война оказалась немаленькой и непобедоносной, привела к революции. Правитель испугался — издал манифест со свободами. Свобод было мало, общество хотело больше и начало уже не просить, а требовать. Правитель испугался — разогнал парламент и ввел ре-

жим военно-полицейской диктатуры. Боялся войны с «кузеном Вилли» — и все-таки ввязался в нее. Не умел командовать, но объявил себя верховным главнокомандующим.

Цена метаний все время возрастала.

Пятьдесят тысяч убитых в войне с Японией.

Полтора миллиона убитых в войне с Германией.

В Гражданской войне погибли от пяти до тринадцати миллионов — историки никак не сосчитают.

Да и те миллионы, кто сгинул во время репрессий и войн второй четверти века, — тоже косвенные жертвы правителя, который сто двадцать лет назад взялся за гуж и оказался недуж.

Обиднее всего, что человек-то, кажется, был неплохой: порядочный, трудолюбивый, деликатный, обаятельный.



Вот и Репину с Серовым понравился. Славный такой. Нисколько не надутый

Идеальный муж — любящий, верный, нежный, надежный.



Замечательный отец.



Хороший, веселый товарищ.



К тому же — большая редкость для монархов Гольштейн-Готторп-Романовской династии — еще и непоказушно скромный. Один «Георгий» на груди, простая гимнастерка с полковничьими погонями. Николай словно чувствовал свой потолок: из него максимум получился бы отличный полковой командир. Слуга царю, отец солдатам.



Но человек полковничьего масштаба не может быть самодержавным правителем огромной страны, уж особенно в новейшие времена.

Когда задаешься вопросом: кто больше всех виноват в том, что Россия не удержалась на дороге, а полетела под откос, ответ мне представляется очевидным. Разумеется, тот, кто находился за рулем и не справился с управлением.

Виноват вдвойне, потому что намертво вцепился во власть и ни с кем ею не делился: ни с либералом Витте, ни с державником Столыпиным, ни с Думой. Потому что они — просто люди, а он — Помазанник Божий, и где не хватит ума, спасет Провидение.

Втройне виноват, потому что Малый Мир, мир семьи, в критические моменты оказывался для него важнее Большого Мира, а какой ты к черту помазанник, если тебе жена с детьми дороже подданных? С чего это Провидение станет тебе такому помогать?

В результате и Большой Мир погубил, и Малого не сберег.



Здесь погиб Малый Мир
Николая Романова

Вызывает ли его участь сострадание? Конечно. Да, жаль его, сражен булатом, он спит в земле сырой.

Но еще больше жалко всех, кто спит в земле сырой из-за его закомплексованности, слабохарактерности и упрямства. Имена их — подавляющего большинства — как говорили раньше, Ты, Господи, веси.

Вот я рассказал вам, кто больше всех виноват — с моей точки зрения. Знаю, что многие оценивают историческую роль последнего царя иначе и со мной не согласятся.

А впрочем, сейчас проверим.

И да, вот еще что, а то я уже предчувствую, куда повернет дискуссия. Это не толстые намеки на нынешнего полковника-самодержца. Когда я хочу высказаться о Путине, я обычно делаю это прямым текстом. Мой текст — про Николая Второго, давайте про него и поговорим.



ОПРОС КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ИСТОРИЧЕСКУЮ РОЛЬ НИКОЛАЯ II?

Выберите один вариант ответа

Участников: 4282

Это главный виновник российских бед XX века

 **1532** (36,2%)

Николай II в большей степени жертва, чем виновник

 **1655** (39,1%)

Николай II ни в чем не виноват

 **248** (5,9%)

Это было давно, и мне всё равно

 **218** (5,2%)

Не могу определиться

 **576** (13,6%)



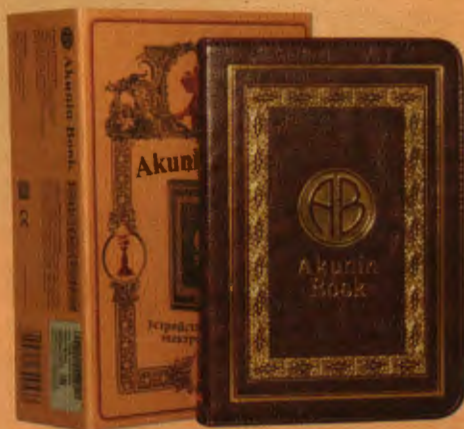
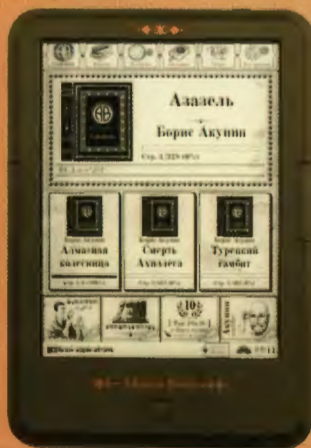
МОИ ЛЮБИМЫЕ КНИГИ

Читатели так часто меня спрашивали, какие литературные произведения я считаю самыми важными, что в конце концов я решил отнестись к предмету со всей серьезностью.

Поскольку жанров много и сравнивать их — все равно, что решать, кто сильнее, кит или слон, я составил не один, а несколько списков. Объективным быть не стремился, любовь — штука субъективная и часто иррациональная.

Принцип простой — даю «первую десятку». В некоторых жанрах набрать этот top ten мне было непросто, потому что мало хороших книг. В других происходила суровая конкурентная борьба (во мне, внутри), и пришлось с болью в сердце оставлять за бортом дорогие для меня названия.

Все эти списки я включил в электронную читалку Akunin-book — это ридер или просто скачиваемое приложение, с помощью которого можно читать любые книги, но большинство моих туда уже закачаны. И мои рекомендационные списки там тоже есть.

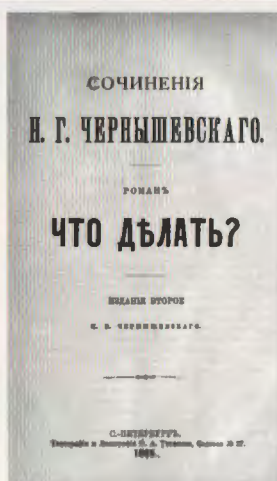


РУССКАЯ КЛАССИКА

Вас, вероятно, удивит отсутствие здесь Гоголя с Тургеневым и присутствие романа «Что делать?», скомпрометированного горячей любовью Ильича. Увы, сердцу не прикажешь. Роман Чернышевского кажется мне замечательным: молодым, энергетическим, полным свежих идей. К Тургеневу я всегда был равнодушен (за исключением одной-единственной повести, которую включаю в другой список). Гоголя люблю очень, но не за какое-то конкретное произведение, а за вкус, запах и цвет. Сюжетопостроитель из него, по-моему, так себе.

1. Лев Толстой. «Хаджи-Мурат»
2. Лев Толстой. «Война и мир»
3. Антон Чехов. «Архиерей»
4. Федор Достоевский. «Идиот»
5. Антон Чехов. «Моя жизнь»
6. Антон Чехов. «Дуэль»
7. Лев Толстой. «Смерть Ивана Ильича»
8. Михаил Лермонтов. «Герой нашего времени»
9. Александр Пушкин. «Капитанская дочка»
10. Николай Чернышевский. «Что делать?»

Что касается Толстого, то, на мой взгляд, он главный автор всей мировой литературы, а короткая повесть о Кавказской войне — самое лучшее, самое совершенное его произведение. Ни длиннот, ни излишеств. Каждая фраза работает.



Про «Войну и мир» лучше всего сказал один мой приятель. Ему очень повезло: в школе он романа не читал, кино не смотрел. Впервые сунул нос в тридцать с чем-то лет. «Я, — говорил, — сейчас только одного боюсь. Что вдруг отчего-нибудь умру и не успею дочитать до конца». Вот что такое настоящий роман, дамы и господа.

В молодости главным литературным произведением всех времен и народов я считал «Смерть Ивана Ильича». Сейчас этот текст кажется мне слишком прямолинейным в своей дидактичности. Но всё равно шедевр.

Чехов, как видите, занимает целых три позиции. Он своей зрелой, поздней прозой действует на меня, как валерьянка на кота. Тихоголосое экзистенциальное мужество безо всякой надежды, без иллюзий. А маленький рассказ «Архиерей» особенно дорог мне своим хоккуобразным минимализмом: «День был длинный, неимоверно длинный, потом наступила и долго-долго проходила ночь, а под утро, в субботу, к старухе, которая лежала в гостиной на диване, подошел келейник и попросил ее сходить в спальню: преосвященный приказал долго жить». Музыка.

«Капитанская дочка», на мой вкус, — первое русское художественное произведение, годное для полноценного, *неснисходительного* чтения. Всё, что было до того, — история литературы. Но Лермонтова как прозаика я ставлю еще выше, чем Пушкина. Потому что мальчик-гусар каким-то чудом сумел создать первого русского литературного Героя, и притом, что поразительно, не сиропного и не одномерного. В детстве я Григорием Александровичем восхищался; сейчас он кажется мне отвратительным.

Ну, про Чернышевского я уже объяснил.



ИНОСТРАННЫЕ РОМАНЫ

С этим списком было трудно. Он вбирает в себя всю зарубежную литературу. Составляя «десятку», я решил, что не буду учитывать свой профессиональный опыт — я ведь много лет проработал в журнале «Иностранная литература» и должен был оценивать тексты не по принципу «нравится мне или не нравится», а по принципу «понравится ли это подписчикам».

Так вот, в моем top-ten'е этого нет вовсе. Только романы, которые в свое время (главным образом, в молодости) произвели самое большое впечатление лично на меня. Я не учитываю ни степень известности автора, ни общекультурную значимость произведения — только субъективный эффект.

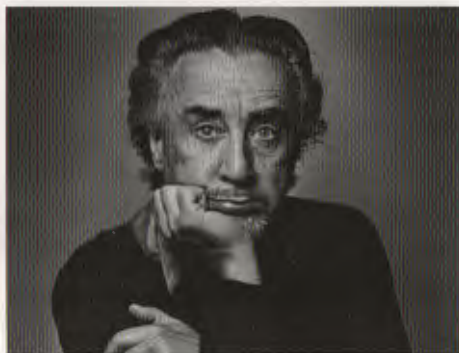
Ну и, конечно, нужно помнить, что мировая литература необъятна, выдернуть из нее десять наименований можно лишь по принципу «русской рулетки»: жакнуло в голову — годится. На самом деле, как и с нашей классикой, список запросто мог оказаться втрое длиннее.

1. Ромен Гари. «Обещание на рассвете»
2. Роберт Пенн Уоррен. «Вся королевская рать»
3. Ги де Мопассан. «Милый друг»
4. Милан Кундера. «Невыносимая легкость бытия»
5. Стендаль. «Пармская обитель»
6. Лион Фейхтвангер. «Лисы в винограднике»
7. Кадзуо Исигуро. «Остаток дня»

8. Юкио Мисима. «Золотой Храм»

9. Джон Стейнбек. «К востоку от Эдема»

10. Эдвард Бульвер-Литтон. «Пелэм, или Приключения джентльмена»



На первое место я поставил роман Гари, потому что вообще испытываю слабость к этому автору, а «Обещание» относится к самому обаятельному (для меня) сорту художественной литературы: когда легко и даже смешно рассказывают про трагическое, и сквозь слезы смех, а сквозь смех слезы — что, собственно, вполне соответствует моему общему ощущению от жизни.

На втором месте — один из последних (а может быть, и просто последний) классических Больших Романов, мастеровитый до невозможности.

Мопассана люблю с детства, особенно «МД». С тех пор, правда, не перечитывал и не собираюсь. Вдруг разочаруюсь?

Кундера: лучший из романов нового типа, словно бы стесняющихся своей принадлежности к архаичному жанру.

«Пармская обитель» — в благодарность о чудесных часах, проведенных с растрепанным томом, скверно проиллюстрированным и оттого еще более волшебным.

«Лисы в винограднике» — ах, как же я любил *толстые* романы, с которыми проживаешь целую жизнь.

Исигуро. Ну, это совсем личное. Японской кисточкой, легкими касаниями, по английскому холсту. Виртуозная работа. Я написал целый оммаж этому роману с инициалами К. И. (Kazuo Ishiguro) на контртитule — «Коронацию».

Еще более личное — Мисима. До чего же трудно было переводить эту словесную вязь, чтобы не потерять сплетение подлинной страсти с манипуляторским трюкачеством. Скучный, неприятный, болезненный роман. Если только не проникнешь сквозь скорлупу. За этот эффект и за то, чему в процессе перевода научился, и люблю.

К Стейнбеку вообще-то я не очень, но этот огромный американский-разамериканский роман почему-то здорово на меня в свое время, лет в двадцать, подействовал. Там такая интересная отрицательная героиня. Все-таки толстенные романы, по-моему, лучше всех писали наши и американцы. К сожалению, разучились. Или жанр приказал долго жить, не знаю.

Ну а Бульвер-Литтона никому не отдам. Он как фиалка в бутоньерке. Легкомысленный и психотерапевтический.



МЕМОУАРЫ

А теперь — фанфары! — мой самый любимый жанр: воспоминания.

Я поздно полюбил этот вид литературы. Должно быть, с того момента, когда у самого появилось, что вспоминать. Или, по крайней мере, когда начал анализировать прожитое. (Впрочем, это у меня началось, кажется, лет с четырнадцати — я уже тогда подумывал, не написать ли мемуары.)

Я не знаю ничего более захватывающего, чем талантливый или честный (а лучше и то, и другое) рассказ о собственной жизни. Если жизнь была богатой событиями — отлично. Если не особенно увлекательной, но рассказчик обладает литературным даром, — тоже годится. Ну а уж когда интересный рассказчик описывает интересную жизнь, то лучше этого нет ничего на свете.

Уложиться в десять названий мне здесь было труднее всего. Все

эти книги для меня действительно best of the best. Каждая была открытием. Я их даже расставляю не по рейтингу, а просто по алфавиту.

И завидую тем, кто не читал хотя бы одну книгу из этого списка.

Нина Берберова. «Курсив мой»

Очень умная женщина, нашедшая себя после пятидесяти.



Александр Герцен. «Былое и думы»

Не знаю, кто там кого разбудил, но Герцен меня лет в двадцать — точно.



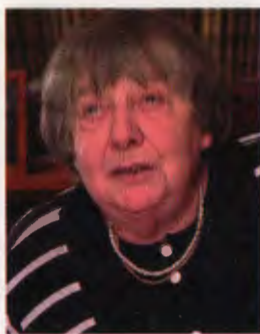
Владимир Короленко. «История моего современника»

Прозаик так себе, но мемуарист великолепный.
А человек — еще лучше.



Лилиана Лунгина. «Подстрочник»

Вообще-то это видеомемуар. Лучше смотреть, чем читать.



Надежда Мандельштам. «Воспоминания»

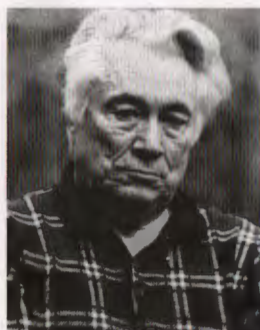
Пока не прочитал, стихи Мандельштама не понимал и не любил.
Дурак был.

**Владимир Набоков. «Другие берега»**

Единственная книга, которую у него люблю. Зато сильно.

**Юрий Нагибин. «Тьма в конце туннеля»**

Не читал ничего честней и безжалостней по отношению к себе.



Бертран Рассел. «Автобиография»

Хочу в старости быть таким же мудрым.

**Владислав ХОДАСЕВИЧ. «Некрополь»**

Умный. Недобрый. Точный.

**Евгений Шварц. «Мемуары»**

Ну, этого просто люблю, и всё.

Надо же, только сейчас обратил внимание, что девять из десяти книг — русские. Вероятно, это естественно. Интересно читать не просто о прожитой жизни, а о жизни, связанной с твоей страной. Англичанин затесался сюда потому, что очень уж симпатичный и пишет легко, просто, хоть и философ. В каждом возрасте (а лорд Рассел прожил почти сто лет) его больше всего занимало то, что и должно занимать в данную пору жизни. Не знаю, переведена ли эта длиннющая автобиография на русский целиком. Когда-то в «Иностранке» мы печатали фрагменты. Про Россию, разумеется.



ЛИТЕРАТУРА ТРУДНЫХ ВРЕМЕН

Я имею в виду книги, написанные в советский период, когда цензурные ограничения или просто инстинкт самосохранения вынуждали авторов осторожничать, эзопничать, бунтовать на коленях, прятать в кармане фиги и т. п.

Русским писателям советского периода было очень трудно работать. Поэтому те из них, кто все же сумел создать выдающиеся произведения, вызывают у меня уважение и восхищение.

Хотя тут вот еще что.

С одной стороны, для свободы творчества состояние подцензурности ненормально. С другой стороны, внешнее давление сжимает в талантливом писателе некую пружину, которая не может полностью распрямиться, что придает тексту особенную внутреннюю силу.

Чего греха таить, наша нынешняя художественная проза заметно уступает по качеству лучшим образцам советской литературы. (Правда, имеет значение и то, что в посткоммунистические времена роль литературы и вообще писателей сильно скукожилась. Мы перестали быть властителями дум и остались только инженерами человеческих душ. Или массовиками-затейниками.)

Вот он, мой субъективный список любимой советской литературы (по алфавиту):

1. Василий Аксенов. «Жаль, что вас не было с нами»
2. Михаил Булгаков. «Белая гвардия»
3. Сергей Довлатов. «Заповедник»

4. Василий Гроссман. «Жизнь и судьба»
5. Булат Окуджава. «Путешествие дилетантов»
6. Владимир Орлов. «Альтист Данилов»
7. Юрий Трифонов. «Старик»
8. Юрий Трифонов. «Дом на набережной»
9. Юрий Трифонов. «Время и место»
10. Евгений Шварц. «Дракон»

Комментирую по порядку.

Аксеновская новелла совершенно очаровательна. Написанная в самые безвоздушные времена засилия «секретарской литературы», она напоминает мне картину другого Васи (Ложкина) про гламурную кису в маршрутке.

Когда Аксенов эмигрировал, у меня долго хранилась пластинка, где картавый автор читал это чудное произведение. Помню, я слушал, смотрел на фотографию усатого Василия Павловича и говорил ей: «Ах, Вася, на кого ж ты нас покинул?» Кстати говоря, избавившись от цензуры, Аксенов так упруго, талантливо и многослойно уже не писал (по-моему).

«Белая гвардия» — вообще шедевр. Прямо небесная музыка, в которой всё совершенство: и мелодия, и слова, и инструментальное сопровождение. *«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-ый, от начала же революции второй. Был он обилён летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».* Волшебство.

Довлатовский «Заповедник» — очень не-русская литература. Высшее стилистическое



<https://www.facebook.com/kudelin.alex>



Люблю эту фотографию



Говорил
про себя,
что средний
писатель

щегольство: минимализм, андерстейтмент. Правда, ничего советского и трудного в повести нет. Автор плевал на цензуру, печататься в совжурналах не собирался, поэтому я его сюда вставил не совсем честно. Разве что по предмету описания и ландшафту.

Насчет гроссмановского романа скажу вот что. Я никогда не задумывался о его литературных достоинствах. Потому что дикое мясо советской жизни, авторская боль и авторская честность делают мастерство незаметным и неважным. Хотя оно, конечно, есть. И еще удручает непреходящая актуальность. Вроде всё переменялось, а самое сквер-



Прекрасный фильм,
по-моему

ное никуда не делось. Худший враг страны и народа по-прежнему собственное начальство. И новые Штрумы всё подписывают верноподданнические письма, выискивая себе этические оправдания...

«Путешествие дилетантов»... Как же у меня в юности щемило сердце от этого чтения. Особенно от фразы «Иногда очень хочется кричать, но хорошее воспитание не позволяет». Помню, был я в те годы

на творческой встрече с *писателем* Окуджавой. Ему нравилось ощущать себя прозаиком, ему хотелось говорить о романе. Мне тоже очень хотелось про это слушать. Он как раз начал рассказывать о прототипах — Лавинии Жадимировской и Сергее Трубецком, ужасно интересно. А из зала все слали записки: спойте то, спойте сё. Окуджава наконец разозлился и сказал: «Может, вам еще и сплясать? Это встреча с *писателем*». Я один в зале захлопал.

«Альтиста Данилова» с тех пор не перечитывал и не буду. Потому что очень любил, а всё изменилось. Кто не читал, прочтите, пожалуйста, и расскажите, какое впечатление этот роман производит сейчас.

А вот взял и рискнул, открыл самое начало. Да нет, хорошо. Замечательный лаконизм, нерв, предвкушение чуда: «Данилов считался

другом семьи Муравлевых. Он и был им. Он и теперь остается другом семьи. В Москве каждая культурная семья нынче старается иметь своего друга. О том, что он демон, кроме меня, никто не знает. Я и сам узнал об этом не слишком давно, хотя, пожалуй, и раньше обращал внимание на некоторые странности Данилова. Но это так, между прочим».

По тому, что у меня в списке целых три Трифонова, вы уже поняли, кого я считаю главным советским писателем. «Советским» не в смысле советским, а в смысле эпохи.

Роман «Старик» для меня — лучшая попытка понять тайну времени. Как оно меняет цвет, вкус и запах. Как одна эпоха переходит в другую. С тех пор как тридцать с чем-то лет назад я впервые прочитал «Старика», время перекрасилось еще бог знает сколько раз. Удивительный писатель, удивительная страна.

«Дом на набережной». Это про Родину. Которая теперь навсегда будет состоять не только из Пушкина с Достоевским, но еще и из этого. Не забудешь, не выкинешь.

«Время и место». Наверное, самая горькая цитата в нашей и без того не слишком сладкой литературе: «Мальчик Саша вырос и составил. Поэтому никому ничего не надо». Читаю Трифонова — и понимаю, что надо. Что всё не бесследно и всё не напрасно.

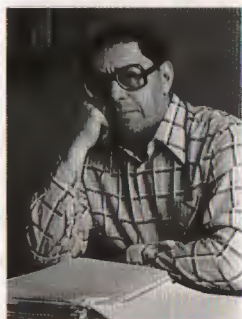
Ну, про «Дракона» мы тут уже беседовали. Жутко смешная пьеса, прямо обхохочешься. Особенно если живешь в ее третьем действии и никак из него не выберешься.



БУЛАТ
ОКУДЖАВА

Путешествие
дилетантов

Вот такая книжка
у меня была,
скучного вида



Как же рано он
умер...



«Сейчас победитель дракона, президент вольного города выйдет к вам. Запомните — говорить надо стройно и вместе с тем задушевно, гуманно, демократично».

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Что я люблю историю, ясно из названия моего блога. У меня такое ощущение, что я с этой любовью прямо и родился. Свое первое литературное произведение я попробовал написать в семилетнем возрасте. Это была историческая повесть. Она начиналась так: «В помещицкой усадьбе наступило утро. Борис проснулся». (Это я прочитал «Дубровского» и решил, что хочу быть писателем. Имя «Борис» в моем нынешнем псевдониме — отсюда. Правда, Борис проснется только через тридцать лет и три года.) Дальше мой текст не продвинулся, потому что я увлекся иллюстрированием будущего произведения.

Но читать я, разумеется, начал раньше, чем писать. И читал — все детские годы — исключительно исторические романы, больше меня совсем ничего не интересовало. Я даже на «Незнайку» не поднялся, а «Урфин Джюса» прочитал только потому, что его деревянные солдаты на картинках были в красивых мундирах.

Действовал я так. Записывался в библиотеку, прочитывал подряд все исторические романы, которые там имелись, не разбирая, хорошие они или плохие. Потом переходил в другую библиотеку. Я был такой очкастый мальчик, все время уткнувший носом в книжку. Даже на ходу читал, чтобы не тратить попусту время.

Не могу объяснить, почему я интересовался только романами из прошлого. Думаю, меня интриговала загадка ушедшего времени. А может быть, определенность. Это с ныне живущими непонятно, чего от них ждать. Вдруг полюбишь какого-то героя, а он бац и по-

гиб. С историческими персонажами спокойно. Всё было давно, всё закончилось, все так или иначе умерли. Впрочем, может, это я сейчас теоретизирую, а причина была в чем-то другом.

Неважно. Этой преамбулой я хочу вам дать понять, что я — знаток и гурман исторических романов. Во всяком случае, был им в детстве, отрочестве и юности. Из тех времен и почерпнут список. (Авторы даны по алфавиту.)

1. Марк Алданов. «Чертов мост»
2. Морис Дрюон. «Проклятые короли»
3. Генрих Манн. «Молодые годы короля Генриха IV»
4. Владимир Нефф. «У королев не бывает ног»
5. Генрик Сенкевич. «Крестоносцы»
6. Алексей Толстой. «Петр Первый»
7. Юрий Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара»
8. Сесил Скотт Форестер. «Хорнблауэр»
9. Генри Райдер Хаггард. «Дочь Монтесумы»
10. Алексей Чапыгин. «Гулящие люди»

Если найдутся любители литературного анализа, они без труда обнаружат, что именно из этих компонентов складывается и моя собственная истбеллетристика. Да и как могло быть иначе? Мы — то, что мы едим.

По порядку.

Алданов мне ближе всего по настроению: он пишет об истории серьезно, без скидки на иные времена, иные нравы. Сам я, может, пишу иначе, потому что у меня другой жанр, авантурный, но именно такие исторические романы мне как читателю больше всего нравятся.

Серия Дрюона хороша тем, что по ней отлично запоминается история. Как я сто лет назад прочитал эту длинную и, честно говоря, местами нудную эпопею, так с тех пор намертво и запо-



Алданов еще и красивый



Сжигают
тамплиеров. Они
проклинают
королей.
Красивая история

Я прочитал эту книгу лет в девять и по-прежнему, в моем нынешнем возрасте, считаю ее замечательной. «Зрелые годы», увы, уже не так хороши. (А по-нормальному должно было бы быть наоборот).



Молодой король
с молодой королевой.
Он умный, она дура.

Книга чешского писателя Владимира Неффа кажется мне идеальным приключенческим романом. Когда я в юности его читал, то думал: если бы я был писателем, то именно так и писал бы. Что потом и исполнил. Во всяком случае, пытался.

Вот «Крестоносцев» я тысячу лет не перечитывал. Подзреваю, что сейчас стиль покажется мне утомительно цветистым. Там всё сплошные инверсии, возвышенные чувства



Исторически там всё не очень правдиво, но какая разница? Это ж роман.



Не читали?
Зря.

да польский патриотизм. Но лет в одиннадцать — самое оно. И фильм был классный.

Алексей Толстой. Ну что сказать? Шедевр. Жалко только, не закончен. А может, и хорошо, что не закончен. Боюсь, что талантливый, но гибкий автор в конце концов превратил бы Петра Алексеевича в Иосифа Виссарионовича и всех бы стошнило.

Тынянов — фантастический стилист. Каждую его фразу нужно неторопливо разглядывать, как рисунок на рисовом зернышке. А я люблю тексты, которые подхватывают читателя и не дают ему возможности восхищаться стилем. «Смерть Вазир-Мухтара» — единственный тыняновский роман, где у автора (на мой субъективный взгляд, да?) всё гармонично: музыка не заглушает текст, сюжет не является второстепенностью. Читаешь быстро и навывлет, а послевкусием наслаждаешься уже потом.

Вот не знаю, переведена ли эпопея С. С. Форестера про доблестного морского офицера Хорнблауэра на русский язык. Черчилль говорил, что это его любимый автор, а Черчилль — это голова. Ничего лучше в военной маринистике не знаю. И телесериал был неплохой, жалко короткий.



В фильме под конец иногда прямо не отличить



Вазир-Мухтар — пятый справа



Пока еще мичман Хорнблауэр. Под конец станет адмиралом

Десять лет мне было, когда одноклассник дал почитать «Дочь Монтесумы». На одну ночь. Это была — на тот момент — лучшая ночь в моей жизни.



Хаггард: человек
с завидной фантазией



Алексей Павлович
Чапыгин
(1870—1937). Слава
богу, своей смертью.

Роман Чапыгина про «бунташный» семнадцатый век, к сожалению, почти забыт. Ну да, он такой соцреалистический, с правильным классовым подходом. Но до чего же качественный, фактурный, дотошно написанный. И толстый. Люблю толстые исторические романы, в них проваливаешься, как в хронодыру, и живешь в другом времени.



ВОЕННАЯ ПРОЗА

Впервые я прочитал «Войну и мир» в десятилетнем возрасте и очень себя зауважал — как-никак четыре тома.

Меня часто спрашивают во время встреч с читателями, как приучить детей к чтению. Обычно я рассказываю про то, как хитро поступила моя мать. Она была учительницей русского и литературы, умела манипулировать бедными детьми.

Мать считала, что ничего страшного, если ребенок прочитает слишком умные книги слишком рано. «Вот там стоят книги, которые тебе читать нельзя, потому что ты еще маленький, — показала она мне однажды на самую верхнюю полку, до которой я не доставал. — Не вздумай в них соваться». Ну и я, конечно, приставлял стул, брал оттуда все книги подряд и читал их, когда был дома один. Очень собой гордился.

Правда, в «Войне и мире» я читал только про войну, а всю остальную муру пропускал. (Моя жена, оказывается, в детстве читала наоборот: только про любовь. А философские рассуждения пропускали мы оба.)

Я это к тому рассказываю, что впоследствии всю военную прозу я оценивал, сравнивая ее с «Войной и миром». Не так много книг выдержали столь суровый экзамен.

В списке — десять самых любимых. «Войны и мира» там нет, потому что мы с женой так и не договорились, о чем этот роман — о войне или о любви.

Здесь девять художественных произведений, созданных мастерами, и одно документальное повествование, написанное обыкновенным поручиком.

Даю по алфавиту.



Исаак Бабель. «Конармия»

Когда-то, читая эти рассказы, я восхищался стилем. В моем нынешнем состоянии бабелевский стиль меня несколько утомляет, а больше пробивает непричесанная, безобразная правда войны, которая в сочетании с ужасающей красотой Исторической Трагедии производит поистине завораживающий эффект. Хотя бабелевские дневники конармейской поры рисуют картину еще более пугающую и куда менее красивую. Но на то она и художественная литература, чтобы находить всюду красоту, даже в кошмаре.

Григорий Бакланов. «Июль 41-го года»

На мой взгляд, это лучшее произведение советской «лейтенантской» прозы. Настолько откровенное, насколько в те годы было возможно. Я был знаком с Григорием Яковлевичем, он воевал вместе с моим отцом. Так что могу сравнивать художественное и подлинное. Там всё правда. Только на самом деле было еще страшнее.



Владимир Богомолов. «В августе 44-го»

Эту книгу вы все знаете. Я ее люблю за щегольское жонглирование деталями, что создает эффект достоверности и присутствия — самая трудная штука в военно-историческом романе. Есть чему поучиться. (Я что смог — позаимствовал, спасибо).

**Георгий Владимов. «Генерал и его армия»**

Большой, вкусный классический роман, пытающийся описать войну честно, без героизации и демонизации. Читаешь и думаешь — наверное, именно так всё и было.



Н. Чибисов — прототип владимовского Генерала



Сергей Мамонтов. «Походы и кони»

А это мой любимый поручик, белогвардейский Бабель — только без литературных изысков. Написано просто, бесхитростно, но так, что чувствуешь нарастающий ужас Гражданской войны острее, чем от «Конармии» или «Тихого Дона». Потому и включаю этот мемуар в «художественный» список — за художественное воздействие.



Эрих Мария Ремарк. «На Западном фронте без перемен»

Где мои семнадцать лет? Проведены за чтением Ремарка. Не перечитывал с тех пор ни разу, лелею воспоминание. В школе правду войны

Писатель и его Муза

преподавали по «Молодой гвардии» и «Повести о настоящем человеке». А тут военный роман начинается следующим образом: «Мы стоим в девяти километрах от передовой. Вчера нас сменили; сейчас наши желудки набиты фасолью с мясом, и все мы ходим сытые и довольные».



Лев Толстой. «Севастополь в мае 1855 года. Севастополь в августе 1855 года»

Начало настоящей, «взрослой» военной прозы. Шедевр. Откуда в этой графичке, то есть в этом молоденьком графичке, картежнике, матерщиннике и бабнике, взялся — сразу — такой зрелый талант, совершенно непонятно.

Черт-те что: бакенбардики, усишки, картинная поза. А вот на тебе.

Ирвин Шоу. «Молодые львы»

Роман, в котором можно жить. Другая война, не наша, но все равно страшная и величественная. Отличное чтение для старшеклассника. (А это очень высокий балл, потому что старшеклассника мало какой толстый роман зацепит и удержит.)



Экранизация с Марлоном Брандо в роли немецкого «льва»



Юный автор великой эпопеи

Михаил Шолохов. «Тихий Дон»

Любопытно, но не суть важно, кто написал этот великий роман. Все равно что спорить: Шекспир, не Шекспир. Читайте и радуйтесь. Если двадцатилетний мальчишка с четырьмя классами образования мог такое создать, тем оно поразительней. Могу повторить лишь то же, что написал про молодого Толстого. Роману сильно мешает «большевистская» линия, диковатая и примитивная, будто рогожная заплатка на бархате, но даже она не может испортить общего эффекта.

«Был целый мир, и нет его» — вот про что на самом деле этот роман.

Эрнест Хемингуэй. «Прощай, оружие!»

Хемингуэя я очень люблю, но не за романы, а за рассказы. Этот роман — лучший из всех. Почти такой же хороший, как рассказы двадцатых годов. И он про войну, поэтому включаю в список.



Человек знал, про что пишет, не понаслышке

ДЕТЕКТИВЫ

Пора поговорить о серьезном. О списке любимых детективов.

На свете мало людей, которые прочитали больше детективных книг, чем я. Я читал их по-русски, по-английски, по-японски, по-французски, по-немецки и даже по-польски — специально обучился в советские времена, потому что поляки переводили много криминальных романов, и их можно было купить на улице Горького в магазине соцстрановских книг «Дружба».

В детективе меня больше всего подкупала интерактивность — слово, которого в те времена еще не существовало, и я называл это свойство «ктокого». В смысле кто кого переиграет: писатель меня или я писателя. Разгадаю я его шараду прежде концовки, или же писатель меня обдурит. Единственным автором, который очень долго меня переигрывал, была старушка Агата. Потом, правда, я сообразил, что нужно не раздумывая брать наименее подозрительного персонажа из экспозиции, и перпетрейтором почти наверняка окажется он (а).

Свой первый детектив я попробовал написать, когда мне было лет тридцать. Сыщиком сделал мудрого столетнего ворона, жившего у старушки, которую хитроумно умертвил сосед по коммуналке. Не дописал, потому что на середине почувствовал, что не хватает навыка в обращении со словами. (Потом мудрая птица пригодилась мне в «Соколе и Ласточке».)

В 1997 году я начал сочинять детективы уже всерьез. И тогда же перестал их читать. Вел серию зарубежных кримиз в издательстве

«Иностранка», а ни одно из произведений до конца не дочитывал. Работал дегустатором: открою, прочту начало, вдохну аромат, оценю букет — и решаю, годится или нет.

Поэтому главные мои фавориты из далекого прошлого, когда я был еще читатель, а не писатель.

Список получается вот какой (по алфавиту):

Жан-Кристоф Гранже. «Багровые реки»

Так и не знаю, чем оно там закончилось, поскольку читал этот роман уже будучи работающим беллетристом и остановился примерно на пятидесятой странице. Но тигра видно по когтям и, чтобы убедиться в качестве коньяка, не обязательно выдуть всю бутылку до донышка. Это был единственный случай, когда мне в самом деле захотелось узнать, как оно всё развяжется. Но я устоял. В память о проявленной выдержке и включаю.



Фильм я тоже не смотрел.
Говорят, хороший

Роберт Ван Гулик. «Призрак Храма Багровых Туч»

Назвал эту повесть, а мог бы взять почти любую другую из цикла про судью Ди. Детективы Ван Гулика не особенно изобретательны по фабуле, но в них есть нечто гораздо более важное: ощущение победы Правильности над Хаосом. Ведь все лучшие детективные романы именно про это. Во тьме бродит Страх, безликий и ужасный. Однако храбрый и проницательный сыщик оказывается сильнее чудовища. Торжествует Правильность.

В жизни такое, увы, случается нечасто. Герой-цзюньцзы и конфуцианский идеализм с его верой в возможность разумного миропорядка — вот что я люблю у Ван Гулика.



Судья Ди ведет расследование



На этом снимке она овечкой
не прикидывается

Ф.Д. Джеймс. «Неестественные причины»

Когда-то, лет двадцать назад, я в Кембридже был на лекции писательницы. Смотрел на славную, улыбчивую старушку, слушал ее нарочито неяркую речь и думал: это мисс Марпл. Прикидывается овечкой, а сама, как всякий настоящий детективщик — волчище с зубами.

Именно этот роман славной баронессы я выбрал, потому что был одним из его переводчиков. Ах, какой там классный злодей. И sleuth суперинтендант Далглиш тоже хорош.

Элизабет Джордж. «Расплата кровью»

Американская писательница, которая, как и я, ушиблена британским классическим детективом, из-за чего прикидывается стопроцентной англичанкой. Довольно убедительно. Вот есть другая американская детективщица, Донна Леон, которая притворяется стопроцентной венецианкой — у той этот номер не проходит, а Элизабет Джордж молодец.



По лицу видно: только
и думал, как бы надуть
читателя



И имя как у
английской королевы

Все-таки получается, что и сегодня в жанре лидируют женщины. Они изобретательнее, в них меньше занудства, и они не увлекаются натуралистической требухой.

Себастьян Жапризо. «Дама в автомобиле, в очках и с ружьем»

Это из моего советского прошлого. Насколько я не любил Сименона с его вялой фабулой и социальной назидательностью, настолько мне нравился веселый и напори-

стый Жапризо. Даже удивительно, как цензоры пропустили такой задорный и нестандартный роман. В библиотеках очередь на тот сборник была многонедельная.

Артур Конан-Дойл. «Этюд в багровых тонах»

Зря я расположил список по алфавиту. Надо было начать с этой повести, потому что с нее вообще начинается взрослый возраст детективного жанра. Даже не буду объяснять, почему я люблю «Этюд». Все читали, все знают.

«Молодой Стэмфорд как-то неопределенно посмотрел на меня поверх стакана с вином.

— Вы ведь еще не знаете, что такое этот Шерлок Холмс, — сказал он. — Быть может, вам и не захочется жить с ним в постоянном соседстве».

Захочется, захочется.



Агата Кристи. «Кто убил Роджера Акройда»

Лучший роман лучшей детективщицы всех времен и народов. Помню, первый раз дочитал и взвыл: «Так нечестно!». Обидно же, когда автор обдуривает тебя настолько просто.

Агата Кристи. «Десять негритят»

Second best роман лучшей детективщицы всех времен и народов. И мировой рекордсмен среди детективной литературы по ко-



Молодая Агата



Старая Агата

личеству проданных экземпляров (больше 100 миллионов). По-английски сейчас он политкорректно называется «And Then There Were None». Я читал, что в современных изданиях неприличное слово на букву «п» и в тексте заменяют каким-нибудь другим. Это все равно что в «Тарасе Бульбе» взять и превратить «жида Янкеля» в «лицо еврейской национальности Янкеля». Ладно, это я отвлекся на другую тему — об издержках политкорректности. Надо будет ее тоже как-нибудь обсудить.

Арту́ро Перес-Реверте. «Клуб Дюма, или Тень Ришелье»

Самый мне близкий по духу и, кажется, движимый теми же мотивациями автор. А это его лучший роман.

Умберто Эко. «Имя Розы»

Впервые я проглотил роман в журнальном, вдвое сокращенном варианте, когда мы печатали его в «Иностранной литературе». И надо сказать, что потом, когда я прочитал его в полном виде, он понравился мне существенно меньше. Остросюжетность и интрига утонули в жировых складках авторской эрудиции и игры ума. Роман от этого выигрывает, а детектив проигрывает. Но первое впечатление было таким сильным, что без этой книги в списке никак.



Фильм, впрочем, был так себе



Между прочим, тоже с бородой



БИОГРАФИИ

Это вид литературы, который я тоже очень люблю. Потому что нет ничего интереснее, чем интересно (или даже неинтересно) прожитая жизнь яркого (или неяркого, но гениального) человека.

Мне всегда нравились две противоположные разновидности этого жанра: либо дотошная, устраняющаяся от оценок и эмоций объективность, либо, наоборот, талантливая пристрастность.

«Объективистские» биографии, как правило, являются попыткой разгадать тайну выдающейся личности. Берутся только факты, только документы, только свидетельства современников — высказывающихся как *pro*, так и *contra*. Автор честно излагает всё, что ему известно о герое, и предлагает читателям самим составить о нем суждение. С легкой руки В. Вересаева такие биографии обычно именуются «N. N. в жизни». Сюда же можно отнести так называемые научные биографии, хотя они редко бывают стопроцентно объективными, потому что история и литературоведение зачастую идеологичны.

«Субъективистские» жизнеописания, как правило, продиктованы сильной любовью к объекту. Здесь всё зависит от таланта и обаяния биографа.

В молодом возрасте мне больше нравились тексты, относящиеся ко второй категории. В зрелом — к первой.

Список дан по алфавиту.

Марк Алданов. «Портреты»

Я очень люблю Алданова. Учился у него писать историческую беллетристику. В своих коротких биографиях он небеспристрастен, но точен и убедителен.



Портрет портретиста

Нина БЕРБЕРОВА. «Железная женщина»

Тот случай, когда автор был мне интереснее предмета. Одна железная женщина, повествующая о другой железной женщине, — это просто «глагол времен, металла звон». Муру Будберг я очень не люблю, даже не за Горького, а за Герберта Уэллса (кстати, забыл упомянуть его потрясающе интересную автобиографию в списке «Любимые мемуары»). А Берберову люблю. Как автора non-fiction и как образец правильно прожитой жизни: никогда не опускать руки и не бояться начинать всё заново в позднем возрасте.



Мура и Нина, две железные красавицы



Викентий Вересаев. «Пушкин в жизни»

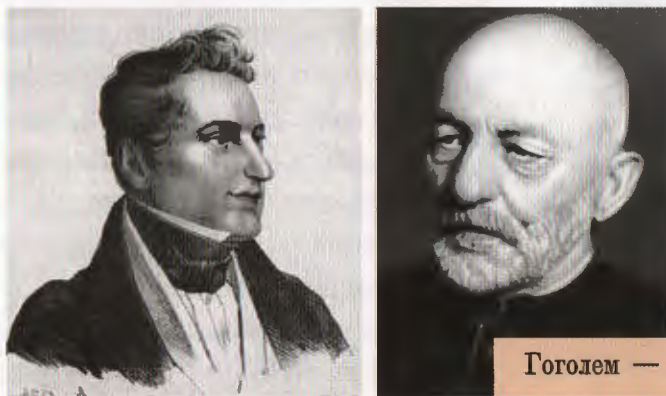
Идеальная биография при тактичном, тотальном отсутствии фигуры автора. Пушкин все равно выходит очень симпатичным, несмотря на то, что никакие шероховатости личности и судьбы не припудрены.



Пушкиным Вересаев любит

Викентий Вересаев. «Гоголь в жизни»

Подход абсолютно тот же. Результат — во всяком случае для меня — иной. По-человечески Гоголь становится неприятен. Тем больше интригует загадка гениальности. Маленький (вроде бы) человек, генерирующий великие тексты, — это сюжетно интересней, чем совпадение масштабов таланта и личности. Оптимистичней в антропологическом смысле. Смотришь на какого-нибудь сяо-жэня с презрением и вдруг говоришь себе: «А может, он на самом деле Гоголь, просто я этого не знаю?» (Если кто обиделся за Николая Васильевича — извините. Сердцу не прикажешь.)



Гоголем — не очень



Длинная история
с грустным финалом



Великий рассказчик



Совсем не благостный

Владимир Жданов. «Любовь в жизни Толстого»

Очень занятное исследование, написанное примерно в те же годы, что вересаевские, но гораздо менее известное. Пример не общей, а тематической биографии. Меня всегда поражало, насколько Лев Николаевич был умен в описаниях любви и женской психологии как писатель — и насколько глух, не умен как муж. В. Жданов отвечает как раз на этот вопрос.

Василий Ключевский. «Исторические портреты»

Это без комментариев. Классика жанра: ясно, сухо, только необходимое и достаточное. Идеальный научпоп, написанный во времена, когда этого понятия еще не существовало.

Александр Познанский. «Чайковский»

Подробнее, в западной безэмоциональной традиции исполненное описание скучной жизни скучного человека. Но по мере чтения нагромождение малозначительных деталей начинает производить странный эффект: Чайковский становится живым, ты им то любишься, то на него раздражаешься. И всё время помнишь, что этот слабый, часто нелепый и смешной плакса — главный (с мировой точки зрения) русский гений. Читаешь и слышишь музыку, знакомую с детства. Уж не знаю, как автору это удастся.

Депутатам нашей Госдумы эту биографию лучше не читать, а то еще, пожалуй, запретят.

Доналд Рейфилд. «Жизнь Антона Чехова»

Принцип тот же, но чтение более увлекательное. Потому что здесь с масштабом личности всё в порядке, да и автор (я с ним знаком) — человек не по-европейски острый. Для меня главное, что благодаря этой книге я получил ответ на главный вопрос: о том, как произошла духовная эволюция, которую таганрогский мещанин проделал за свою недолгую жизнь.



Пожалуй, чем-то похожи

Марк Слоним. «Три любви Достоевского»

Отличное исследование. Как же я не люблю Аполлинарию. Как же я люблю Анну Григорьевну.



Из-за них он получился таким, каким мы его знаем

Стефан Цвейг. «Мария-Антуанетта»

В детстве читал, обуреваемый противоположными чувствами, потому что был за революцию и любил Неподкупного. Недавно перечитал совсем с другим чувством: рассказ о трагической судьбе, написанный человеком, которого и самого ждет трагическая судьба. Никогда нельзя отчаиваться, нельзя верить в то, что победа Зла окончательна и бесповоротна.



Всех жалко...

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Добрался до чудесного жанра, который я когда-то любил больше, чем конфеты «Стратосфера». Однажды, с первой, что ли, стипендии, я купил этих конфет целый килограмм (больше в одни руки не давали), слопал его и с тех пор суфле в шоколаде на дух не выношу.

Примерно то же произошло у меня с приключенческими книгами. Когда я до них дорвался уже в качестве не читателя, а писателя, и осуществил все свои мечты обо всех авантурных романах, которые хотелось бы прочитать, а их никто для меня не написал, — жанр

мне надоел. Я им перекормился. Теперь тянет на скучное: историю российского государства да аристократии.

Увы. Старая любовь ржавеет.

Я и сейчас убежден, что человеку очень важно прочитать в детстве как можно больше приключенческих романов. Тогда привычка к чтению станет пожизненной, потому что сам процесс чтения будет ассоциироваться с приключением. Для меня, например, так навсегда и осталось. Самые увлекательные приключения я испытал, когда читал хорошие книги. Чего и вам всем желаю. В смысле — чтобы с опасными приключениями вы сталкивались только в литературе, а не в жизни.



Начало моей
писательской карьеры.
Я и герои моих
авантурных романов

Вот вам десять самых любимых приключенческих романов из детства и юности. Увы, ни одного отечественного. Не наше российское forte. Я думаю, тяжелокровность мешает, «лесная» родословная.

В списке шесть англоязычных книг, четыре французских. Как обычно, даю по алфавиту.

Ричард Д. Блэкмор. «Лорна Дун»

Это чтение совсем подростковое. Успокоительно английское — когда знаешь, что любовь будет трудной, враги коварными, трудности почти непреодолимыми, но всё закончится как надо. Мы поженимся, врагов одолеем морально и физически, а трудности сделают нас только сильнее. Больше ничего стоящего за свою долгую литературную карьеру Блэкмор, кажется, не написал.



TOM FAGGUS TOOK IT RAGERLY, AND BORE IT TO THE WINDING.

Быть хорошим хорошо, быть плохим плохо. И Добро победит, потому что это правильно

Теофиль ГЮТЬЕ. «Капитан Фракасс»

Когда я впервые открыл роман, мне захотелось его бросить, потому что он начинается нудно и весь сложен из слоноподобных фраз, которые во времена Гютье считались признаком тонкого вкуса.

Но когда продерешься через бесконечные описания, попадаешь в чудесную и трогательную вариацию «Лорны Дун» про то, что у хороших людей всё обязательно будет хорошо. Только здесь фактура не мешковатая, как у Блэкмора, а по-французски элегантная и нарядная. Самый поздний возраст для прочтения этой книги — лет четырнадцать.



А наш капитан Фракасс краше всех



Иллюстрации Ивана Кускова для меня так и остались самыми лучшими



Александр Дюма. «Три мушкетера»

Не буду оригинальничать: это лучший приключенческий роман всех времен и народов. Потому что все персонажи живые. И потому что приключения там — не главное. А главное каждый читатель определяет сам. Для меня ключевая сцена — пикник на бастии Сен-Жерве. Идея победить сто тысяч врагов, выпивая и закусывая, пленила меня на всю жизнь.

Александр Дюма. «Графиня Монсоро»

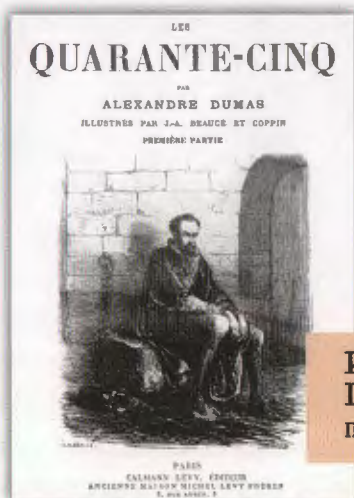
По сюжету, пожалуй, даже затейней, чем «Мушкетеры». Очень хороши «актеры второго плана»: Шико, Наваррский, Генрих III. Главные герои пошаблонней. Но все равно — отличная толстая книга...



Шико — персонаж не хуже д'Артаньяна

Александр Дюма. «Сорок пять»

...Особенно если сразу после «Графини Монсоро» читать «Сорок пять», третью часть трилогии. К сожалению, начало — «Королеву Марго» — я как-то не очень. Ла Моль такой манерный зануда. И Кокконаса жалко. Одно расстройство. Поэтому трилогию даю без первой части.



И опять действует чудесный Шико. Исторический, между прочим, персонаж

Джеймс Клэвелл. «Сёгун»

Этот роман я прочитал лет в двадцать, находясь в Японии. И увидел ее иными глазами, хотя у Клэвелла, конечно, полно всякой развесистой сакуры. Моя «Алмазная колесница» — оммаж этому чудесному огромному роману. Только русский перевод мне попался неважный, вся красота куда-то вытекла. По-английски намного лучше.



Сериал был сильно хуже книги. Но все равно хороший

Джозеф Конрад. «Дуэль»

Можно читать в любом возрасте. Как «Повести Белкина». Изящная простота, обманчивая немудрящность (есть такое слово?).



Про то, какие мужчины идиоты. И что женщины главным образом за это их и любят. Значит, тоже не шибко умные

Рафаэль Сабатини. «Одиссея капитана Блада»

У нас в третьем «А» на эту книжку была очередь по записи. В день, когда подошел мой черед, я заболел и не пошел в школу. Это была одна из самых тяжелых травм моей жизни. Прямо жить не хотелось. Мать достала мне где-то экземпляр, принесла. Я стал читать — и выздоровел. Вот такая это книга.



Та самая книжка

Роберт Л. Стивенсон. «Остров сокровищ»

Я недавно писал про этот роман. Что он — не то, чем кажется на первый взгляд. Уж точно не про сокровища. Как вы помните, основная их часть осталась на острове, и герой возвращаться туда не собирается (бр-р-р).

По-моему, это книга про обаяние Зла (Джон Сильвер) и обаяние Добра (доктор

Ливси). Притом без игры в поддавки: Сильвер интереснее и ярче. И для него, обратим внимание, всё заканчивается хеппи-эндом. *«Отвратительный одноногий моряк навсегда ушел из моей жизни. Вероятно, он отыскал свою чернокожую женщину и живет где-нибудь в свое удовольствие с нею и с Капитаном Флинтом. Будем надеяться на это, ибо его шансы на лучшую жизнь на том свете совсем невелики».*

Последняя фраза романа написана будто про меня:

«До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта: Пиастры! Пиастры! Пиастры!»

Генри Райдер Хаггард. «Копи царя Соломона»

Долго не мог решиться, что дать из Хаггарда — это или «Дочь Монте-сумы». Оба романа в десятку не помещались. Все-таки выбрал «Копи». Из-за Гаргулы и португальца да Сильвестры. Вот когда у меня по-настоящему дух захватило — это когда я понял, что Гагула...

Не скажу, кто не читал, в чем там дело. Жалко мне вас, не читавших в детстве «Копи царя Соломона».



Ух, страшно было

РАЗГОВОР БЕЛЛЕТРИСТА С ПИСАТЕЛЕМ

В июле 2013 года журнал «Афиша» опубликовал наш с Михаилом Шишкиным диалог, который привожу здесь полностью. Мы с Мишей знаем друг друга больше тридцати лет. Он уже



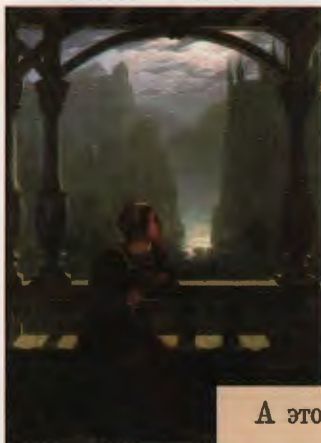
Михаил Шишкин.
Как положено серьезному
писателю, проникает взглядом
в душу.

тогда, в восемнадцать, был серьезным писателем, а я начал писать только в сорок — и то в основном литературу несерьезную, беллетристику.

М. Ш.

Дорогой Гриша! Давай же объяснимся в любви к монструозному отечеству и зададим друг другу вопросы. Например, почему Бродский так и не вернулся в Россию? Или: не бегут ли и у тебя мурашки, когда читаешь в завещании Гоголя: «Соотечественники! страшно!» Хотя, разумеется, все вопросы на свете — риторические. И тем не менее.

Вот, например, задачка, задаваемая судьбой каждому, кого черт догадал родиться в России с умом и талантом. Дано: Россия — прекрасная страна для подлецов или



А это — я. Как положено беллетристу, предаюсь мечтаньям

для героических борцов с подлостью. Для «нормальной» достойной жизни эта империя не предусмотрена. Если ты по натуре своей не герой и не подлец, а хочешь только прожить жизнь достойно, зарабатывая честным трудом на семью, то у тебя все равно нет выбора: каждый день подталкивает тебя или к одним, или к другим. Не хочешь быть подлецом вместе со всеми — становись трагическим борцом, готовым пожертвовать всем, в том числе и семьей, ради борьбы. Не хочешь быть героем и сгинуть в тюрьме или чтобы тебя забили насмерть в подъезде — пристраивайся к подлецам.

Не задаю вопрос: как же так получилось? На него есть дюжины ответов — и про варягов, и про татар, и про географию с климатом, и про не очень удачно, по Чаадаеву, выбранное христианство, и т.д. и т.п. Уверен, что прочитаю обо всем этом в твоей «Истории государства российского», на которую сподвигли тебя исторические родные музы, бессмысленные и беспощадные. Задам вопрос вопросов: что делать? Что делать сегодня, если, с одной стороны, не хочешь становиться частью криминальной структуры — а все государство и вся жизнь в России стала огромной криминальной структурой, и если, с другой стороны, не хочешь идти в революцию?

Г. Ч.

Отличный вопрос: «Что делать?» Давай про это. Не догоним, так хоть согреемся. Ответить на него гораздо труднее, чем на второй sacramентальный русский вопрос: «Кто виноват?» Тут-то всем всё абсолютно ясно. Нам — что виноват Путин. Им — что виноваты мы. На самом-то деле, как мне кажется, виновата давняя раздвоенность отечества, о которой ты, в частности, писал в недавней статье для «Нью Репаблик», объясняя азы российской истории американским читателям.

В России живут бок о бок два отдельных, нисколько не похожих народа, и народы эти с давних пор люто враждуют между собой. (Чтоб он провалился, византийский орел с двумя головами — шизофренический символ, выбранный Иоанном Третьим в качестве герба нашего государства.)

Есть Мы и есть Они.

У Нас свои герои: Чехов там, Мандельштам, Пастернак, Сахаров.

У Них — свои: Иван Грозный, Сталин, Дзержинский, теперь вот Путин.



Так в Их глазах выглядим Мы
(Журнал «Крокодил». 1953;
<http://atlanko.livejournal.com/> 2019)



А такими Нам представляются Они
(Картина Васи Ложкина)

Друг друга представители двух наций распознают с первого взгляда и в ту же секунду испытывают приступ острой неприязни. Нам не нравится в Них всё: как Они выглядят, разговаривают, держатся, радуются и горюют, одеваются и раздеваются. Нас тошнит от их любимых певцов, фильмов и телепередач. Они платят Нам той же монетой, и еще с переплатой.

Помимо Нас и Них есть просто люди, которые составляют большинство населения — и Мы с Ними постоянно пытаемся перетянуть это нирыбанимясо на свою сторону, приобщить к своим ценностям.

Вот что, по-твоему, делать с этой реальностью? Поубивать друг друга?

М. Ш.

Мне кажется, ты не совсем там проводишь границу. Это я про Мы и Они. Большинство населения вовсе не между нами. Оно, увы, с Ними. Дело тут вот в чем. Мину под русский ковчег заложил Петр. Он, собственно, хотел лишь модернизировать армию для войны с Европой, воспользоваться ее же современными военными технологиями и позвал с Запада *Gastarbeiter*, а приехали люди. Они привезли с собой слова. В словах затаились неизвестные дотоле в отечестве идеи: свобода, республика, парламент, права личности, человеческое достоинство.

За несколько поколений слова сделали главную русскую революцию: превратили нацию в сиамских близнецов, тело одно, а головы больше не понимают друг друга. Современные технологии в любую эпоху требуют образования, образование неминуемо влечет за собой понятие о свободе личности. Так в России появилась интеллигенция, или назови нас как хочешь: креаклы, западники, очкарики, не имеет значения.

С тех пор в России сосуществуют два народа, говорящих по-русски, но ментально друг другу противопоставленных. Одна голова напичкана европейским образованием, либеральными идеями и представлениями, что Россия принадлежит общечеловеческой цивилизации. Эта голова не хочет жить при патриархальной диктатуре, требует себе свобод, прав и уважения достоинства. У другой головы свой, все еще средневековый, образ мира: святая Русь — это остров, окруженный океаном врагов, и только Отец в Кремле может спасти страну. Вот это Мы и Они.

А правительство — это такой намордник. Он спасает нас от Пугачева, города и человека. Именно это имел в виду Пушкин под «единственным европейцем». В феврале 17-го намордник сняли. Что получилось — расхлебываем до сих пор. Это, кстати, главный аргумент тех, кто согласен с тем, что лучше терпеть намордник, чем беспредел на улицах. Страх. Страх перед сиамским братаном.

Мне кажется, этот страх и парализует «протестное» движение в России.

Средство есть только одно, проверенное. Информация. Просвещение. Смягчение нравов. Свободное слово. Но именно информационный поток пытаются перекрыть, как течь в корабле. Прямо по методу Мюнхаузена — затыкая телепробоину попсой.

Но я все-таки оптимист. Тогда, в 17-м, первую попытку русской демократии сорвала война. Вторая, в начале 90-х, была обречена, потому что рабы, на которых свалилась с неба воля — никудышная опора для гражданского общества. Теперь, спустя двадцать лет, появился целый слой общества, готовый жить при демократии. И я верю, что свободная информация может менять людей, Их делать Нами. Так что у третьей попытки русской демократии есть хоть какие-то шансы. И тогда можно будет безбоязненно снять намордник. Или нет?

Г. Ч.

У меня несколько иное впечатление от российского исторического процесса, и переломом я считаю не эпоху Петра, а эпоху Александра Первого, который отменил телесные наказания для дворянства и тем самым открыл ворота для развития ЧСД, чувства собственного достоинства.

Метафора про тело и две головы мне нравится, но только я не думаю, что Их голове Тело внимает охотнее. Просто Они исторически старше Нас. Они были здесь всегда, сколько существует Россия. А Наши на протяжении первого тысячелетия Руси светились редко, и голос их был слаб. Некоторые — окольничий Адашев, Новиков, Радищев — пытались участвовать в тогдашней общественно-политической жизни, но сгорали, как свечки. Потому что у власти всегда плотной кучей стояли Они и бдительно охраняли свои интересы.

Сословием, а затем классом и позднее нацией внутри нации Мы стали только, начиная с пушкинских времен. Два мощных стимулятора — любовь к образованию и развитие ЧСД — довольно быстро уравнивали Наши и Их силы, и с 14 декабря 1825 года две России находятся в состоянии вечной войны — обычно холодной, но иногда и настоящей.

Было всё: и террор с обеих сторон, и революции, и гражданская война, и массовые репрессии. К власти приходили то приверженцы *нашей* России — и тогда происходили реформы, то сторонники *той* России — и тогда наступала реакция.

Один раз, в очередной раз победив, Они попытались истребить *Наших* полностью и сделать Россию страной однородной, но на месте старого образованного класса вырос новый — и стал ненавидеть Их с прежней страстью.

Главная проблема мне видится в том, что ненависть эта никуда не девается. Вот и сейчас она разгорается с новой силой. Власть у Их, они лишают *Нас* голоса, профессии, свободы. А Мы им грозим: погодите, мол, будет и на *Нашей* улице праздник. Конечно, будет, куда он денется. Но вражда двух голов на этом не закончится. И на следующем этапе всё отыграется обратно.

Как этого избежать? Как примирить две головы или хотя бы приучить их не грызть друг друга? Вот о чем я в последнее время думаю.

Ведь твоей «информационной свободой» Их, Тех, не переделаешь. Они располагают информацией не меньше, чем мы с тобой.

Могут две российские головы договориться или это утопия? Если могут, то как?

М. III.

Кажется, в этом мы сходимся: нынешний намордник долго не продержится, ведь ни один Бокасса на свете еще не правил вечно — и вот тогда наступит момент истины. Если Их, Тех, не переделаешь, то на первых же свободных выборах они снова изберут себе новый намордник. И себе и нам.

А что касается информации, то тут как раз все наоборот. Они судят обо всем — в том числе и о нас — только по помоям из ящика. Согласен с тобой, в одночасье никакая информация большого результата не может дать. Но вот если в течение, предположим, года та, вторая голова будет смотреть по телевизору не то, чем сейчас затыкают пробойну в трюме, а свободные дебаты свободных людей, то кто знает, может, что-то и изменится. И тогда станет возможен диалог. Раньше это называлось прекрасным словом *просвещение*. Другого пути я не вижу.

А вот сделать так, чтобы наперсточники, облепившие трон, пустили свободное слово в эфир, вот это, скорее, пока утопия. Они ведь понимают только злобу, жестокость и силу. Благородство и порядочность для них — слабость лохов. Мы же через все это проходили. Они уступят только тем, кто злобнее, сильнее, подлее. То есть, чтобы победить их, нужно сперва стать ими. Хуже них. А Чехов супротив Дзержинского, давно известно, всё равно, что плотник супротив столяра...

Так что две российских головы договориться могли бы. Но им не дают те, кто больше всего этого боится — временщики в Кремле.

Рано или поздно время их, конечно, кончится. Вот бы ускорить! Но как? Опять проклятые русские вопросы: как рубить головы дракону, чтобы при этом самому не становиться драконом? А мирный протест, хоть ты тресни, они не понимают. Мы — не индусы супротив англичан.

Ну так что, исчерпал себя мирный протест? Или он еще по-настоящему и не начинался?

Г. Ч.

Нам с тобой видится анатомия российского общества несколько по-разному. Ты, по-моему, считаешь, что Они и Народ — это мейн-стрим, а Мы — принесенная заморским ветром девиация. Может быть, в чаадаевские времена так и было. Но в современной России, по моему убеждению, Мы и Они — это именно две головы, каждая из которых пытается убедить Тело (большинство населения) в своей правоте. Принципиальная разница моей и твоей позиций в том, что твоя изначально пессимистична, а моя допускает хэппи-энд.

Но меня сейчас занимает другое.

Вот ты говоришь: «наперсточники, облепившие трон», «рубить головы дракону», «они понимают только злобу, жестокость и силу». Это язык войны, всё той же нескончаемой войны. Я и сам в ней активно поучаствовал. Например, придумал для двух «голов» красно-речивые названия — «аристократия» (это Мы) и «арЕстократия» (это Они). То есть Они — плохие, а Мы происходим от слова «аристос», «лучшее».

Но, знаешь, вся эта брань вдруг стала казаться мне контрпродуктивной.

Во-первых, как-то неправильно самим объявлять себя «лучше» — это пускай потомки решают, кто был хороший, а кто плохой.

Во-вторых, неправда, что в Их арсенале нет других средств кроме запугивания и выкручивания рук.

И вообще всё не такое уж черно-белое.

Среди Наших попадают, и в немалом количестве, люди низкие и продажные; среди Них подчас встречаются люди убежденные и бескорыстные.

Да, когда наверху Они, то правят жестко и по временам жестоко, но и Наши в статусе победителей тоже не Сахары Медовичи. Крови Наши проливали несравненно меньше (хотя в эпоху народовольцев с эсерами или в октябре девяносто третьего тоже не миндальничали). Зато Мы добивали моральным втоптыванием врагов в грязь, а иногда и прямым электоральным жульничеством, как в девяносто шестом. (Ну да, по сравнению с чуровскими выборами чубайсовские кажутся милым детским поджухиванием, но ведь в стране *впервые* происходили демократические выборы президента — и вышла этакая пакость.)

Поразительно, что мне понадобилось прожить на свете больше полувека, чтобы вообще об этом задуматься. Мысль вроде бы простая, но я никак не могу уместить ее в голове.

А что, если не стремиться к окончательной победе над Ними? Что если научиться как-то терпеть друг друга?

Я понимаю, что говорю вещи в условиях разгула реакции ужасно несвоевременные, поэтому во избежание недоразумений поясню. Речь не про нынешний момент, когда Они совершенно распоясались и любое движение с Нашей стороны в сторону компромисса будет воспринято обществом как капитуляция. Конечно, удар нужно держать и выдержать. Выдержим. Видали Мы за двести лет атаки и посерьезней. Но когда Наша сила начнет прибывать, а Их сила убывать — не попробовать ли Нам, сторонникам прав личности, найти общий язык с Ними, сторонниками государственного принуждения? Не оставить ли в стороне то, что нас разъединяет, и не попытаться ли найти какие-то точки соприкосновения?

Ты считаешь, это утопия, иллюзия? Точек соприкосновения нет вообще?

М. Ш.

Терпеть? Опять терпеть?

С кем искать точек соприкосновения? С властью? С бандитами? Это же одно и то же.

Для того чтобы *исторически* терпеть, нет больше *исторического* времени.

Людам, живущим в нечеловеческих условиях сейчас, не поможет хэппи энд в далеком будущем. Ведь речь уже идет не о каком-то психологическом дискомфорте, а о вымирании в России человека как вида. Ведь в ГУЛАГ загнали не только всех нас, но и саму природу. И если люди могут приспособиться к жизни в любой тюрьме, смирившись со своим рабством, то природа — нет. Она умирает и забирает нас с собой.

Мы ведь выросли в стране, где ничто никому не принадлежало. Это была удивительная страна рабов, и те, кто нами правил, были лишь главными рабами. А у рабов, с давних времен известно, рабское отношение ко всему: *Nihil habeo, nihil curo*.

А теперь они украли природу и добивают ее. Страну сделали местом, непригодным для жизни. Жить в России — опасно для здоровья. И тем более для здоровья детей.

Они живут за счет варварского разграбления природы, потому что у них все еще рабские мозги и души, не знающие чувства ответственности за будущее. Чувство ответственности за окружающий мир невозможно без свободы, без возможности проявить инициативу. Это именно то, чего был лишен советский человек — любая инициатива снизу наказывалась сверху, и именно у этого разбитого корыта мы оказались вновь.

Экологическая катастрофа, которая уже идет полным ходом в России, не может быть остановлена без сопротивления гражданского общества, но население огромной страны, по-прежнему отчужденное и от своей земли, и от местной власти, получая ужасающую информацию о варварском уничтожении среды собственного

проживания, в массе своей не способно к активному противостоянию. Тревожные известия о гибели природы на Западе ведут к активному противодействию общественности, а в России лишь усиливают всеобщее чувство безнадежности. Люди по-прежнему ощущают себя бессильными и беспомощными перед всемогущим чиновником, который заботится только о своем кармане. Им остается только терпеть и вымирать. По-прежнему в стране правит психология рабов, по-прежнему в России не создана система общественного самоуправления, на котором зиждется вся западная цивилизация.

Смертность взрослого населения России в XXI веке оказывается выше смертности в XIX веке. Из нынешнего поколения 16-летних юношей до 60 лет не доживет половина.

Не водка убивает жителей России, но психическая угнетенность, в которую повержено население огромной страны, ощущение полного бесправия, беспомощности и безысходности перед безнаказанностью начальства, перед продажностью судов и органов правопорядка.

Нищее население не допущено до пирога, а низкооплачиваемые работы уже заняты мигрантами. В самое ближайшее время мы увидим и уже видим, как власти путем провокаций будут переводить социальные конфликты в конфликты межэтнические. На это они мастера. Новые этнические погромы в России запланированы. «Патриотизм» — испытанный удобный способ держать рабов в повиновении. И власть будет делать все, чтобы не дать людям почувствовать себя свободными гражданами, осознающими свою ответственность за свою землю, за свою страну. Власть будет всячески усиливать отчуждение человека от своего государства, от своего города, от своей местной власти, от своей улицы. По-прежнему государство в России — главный *враг народа*.

Гражданское общество не может существовать без инициативы снизу, но именно это пресекается властями в России всеми возможными и невозможными способами. Ощущение, что от тебя ничего не зависит, что тебе не дадут никогда жить достойно, что ты ничего изменить не можешь, действует на психику населения очень депрес-

сивно. Все хотят верить в хэппи энд. Но как обеспечить достойное будущее своим детям в ближайшие годы?

Нынешние «патриоты» сами меньше всего верят в будущее родины и обеспечивают приватное будущее потомкам за границей.

Наша история за последние 100 лет показала, как работает принцип естественного отбора: наиболее активная и образованная часть населения последовательно элиминировалась собственным государством или эмигрировала. Остающиеся выработали в себе из поколения в поколение унизительное искусство выживания в России. Терпеть. Но это испытанное столетиями искусство выживания больше не помогает выжить. Терпеть значит вымирать.

И опять мы возвращаемся к тому же, с чего начали. Для героев и борцов, готовых «заложить жен и детей» за правое дело, Россия — правильное место. Но что делать, если тебе важнее не сесть в тюрьму за участие в протесте, а обеспечить здоровое и достойное будущее для своих детей, и это будущее начинается сегодня, уже наступило? И если ты не хочешь терпеть и вымирать? И не хочешь искать точек соприкосновения с теми, соприкосновение с которыми вызывает рвотный рефлекс?

Надеяться на чудо?

Но ведь, с другой стороны, чудеса случаются. Рецепт для русского чуда только один: просвещение, доступ к свободной информации для всех.

Г. Ч.

Вот чем отличается беллетрист-позитивист от писателя трагического мироощущения. «У меня характер-то лучше вашего, я смиреннее», — как сказал Счастливцев Несчастливцеву. По правде говоря, ничего фатально-трагического в современной российской ситуации я не вижу. Бывали времена сильно хуже, чем сейчас. Мне кажется, что рассвет недалеко, хотя перед ним тьма, как положено, еще сгустится.

И меня больше всего занимает, что будет после рассвета. Главная цель, по-моему, не Наша победа над Ними. Главная цель — победа над двухсотлетней войной. Не знаю только, возможно ли это.

Вот давай заглянем в недалекое будущее.

Догниет и рухнет автократический режим, да Мы его еще и подтолкнем. К власти придут Наши. Что будет дальше?

Наверное, Наши загонят под плинтус спецслужбистов и пересажают неправедных судей с прокурорами. Наверное, отберут нефть у «плохих» олигархов и передадут «хорошим». Введут люстрацию для слуг прежнего режима. Выкинут с Красной площади святыню той стороны. Пристрелят клерикалов. Ет цетера.

Извечные наши оппоненты на время попритихнут, будут копить обиды, как это сейчас делаем Мы, и ждать своего часа. Обязательно дождутся, если Наши будут вести себя так, как я только что описал. И всё пойдет по новой.

Твой рецепт против этого порочного круга — просвещение и свободная информация. Я-то «за». Только сомневаюсь, что этого будет достаточно. Нам все-таки придется с Ними, с лучшими из Них, как-то договариваться об общей России, искать какую-то середину между концепцией «государство для человека» и концепцией «человек для государства». Это один из уроков, которые я для себя извлек из форсированного изучения отечественной истории.

Но даже тебя, писателя-гуманиста и борца за мир во всем мире (как говорили во времена нашей советской молодости), я в этом сегодня убедить, кажется, не сумел. Может быть, в самом деле сейчас не время для таких разговоров.

М. Ш.

Ты знаешь, это напомнило мне историю, как неаполитанский король заказал Джотто изобразить свое королевство, а тот вместо пейзажа с пейзажами написал навьюченного осла, который с тоской и надеждой смотрит на другой тюк у своих ног. Осел всегда будет надеяться, что другой тюк будет полегче. Наверно, население каждого королевства, а не только неаполитанского, похоже на этого осла. И мы — такой же осел, пусть и двухголовый. Может, эта надежда на другой тюк и есть основная движущая сила истории?



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Вид на о. Северный Часовой из космоса. 6, 7
 Воинственные аборигены о. Северный Часовой. 9
 Бюст римского императора Калигулы. ©Shutterstock. 10
 «Дофин Луи-Шарль», портрет работы А. Кушарского (1792 г.); «Марина пытается спасти Ивана», картина Л. Вычолковского (1610-1613 гг.). 11
 Алексей Романов; революционер Иван Каляев, ©МИА «Россия сегодня»; Мартин Ричард, фото из коллекции ©Shutterstock 12
 Тосиро Мифуне в роли разбойника Тадэмацу в фильме «Расёмон» (1950 г.). 13
 Вывеска над входом в кондитерскую «Деммель» в Вене гласит, что с 1785 года она считается официальной королевской фабрикой шоколада и сладостей; марципановые фигуры в витрине «Деммель», ©Diomedea. 14
 Барон Фридрих фон Берзевичи, ©TopFoto. 15, 16
 Открытка из коллекции ©Shutterstock 18
 Постер к японскому кинофильму «Братья Карамазовы» (2013 г.). 20
 Император Гао-цзун // Album of portraits of 86 Chinese emperors, with Chinese historical notes©Bridgeman. 22
 Императрица У Цзэтянь // Album of portraits of 86 Chinese emperors, with Chinese historical notes, ©Diomedea. 23
 Вид на Андорру, ©Shutterstock 25
 Б. М. Скосырев, первый король Андорры. 26.
 Флаг Андорры. 27
 Карикатура на короля Андорры Б. М. Скосырева. 28
 Могила Б. М. Скосырева. 29
 Учасники Якутского похода генерала Пепеляева. 31
 Выдержка из газеты о захвате штаба генерала Пепеляева. 32
 Анатолий Николаевич Пепеляев (слева) и Иван Яковлевич Строд; семья генерала Пепеляева. 33
 Суд над участниками Якутского похода. Пепеляев — третий слева (1924 г.); Сибирская добровольческая дружина. 34
 Знамя 3-го батальона 1-го Сибирской шутомовой бригады Анатолия Николаевича Пепеляева (1891—1938 гг.). На лицевой стороне знамени внутри нарукавного шеврона изображен череп. В углах полотноща на месте, где раньше помещались вензеля императора, четыре буквы "П" (Пепеляев), ©МИА «Россия сегодня». 35
 Дельмир Агостини (1910—1914 гг.). 36, 37
 Фото с места трагедии, разыгравшейся между бывшими супругами Дельмирой Агостини и Энрике Рейесом (1914 г.). 38
 Три звезды: Диана Малдор в роли Джой Адамсон, Гари Коллинз в роли Джорджа Адамсона и львица Эльза. Рабочий момент съемок фильма «Рожденная свободной», ©Diomedea. 40
 Джой Адамсон рисует портрет предводительницы племени Масаи (Кения, 1960); львица Эльза. 41
 Джой Адамсон с питомцами, ©Diomedea; заметка в газете о трагической смерти Джой Адамсон. 42
 Джой и Джордж Адамсоны, ©Diomedea. 43
 Заметка в газете о розыске Дэви Бермана. 44
 Германо-американский парад в Нью-Йорке, 30 октября 1939 г.; Сьюзан Берман. 45
 Обложка англоязычного издания книги «ИЗИ-СТРИТ. Подлинная история гангстерского семейства». 46
 Заметка в газете за 1982 г. о пропаже Катлин Дерст — жены Роберта Дерста; Роберт Дерст. 47
 Предметы старины, найденные во время реставрации особняка XVIII века Нарышкиных-Трубецких в Санкт-Петербурге, ©МИА «Россия сегодня». 50
 «Законосервированная» квартира в Париже. 51.
 Вид на Сен-Бриак-Сюр-Мер, ©Shutterstock; фото из архива автора. 53
 Великий князь Кирилл Владимирович; особняк Романовых в Сен-Бриак-Сюр-Мер. 54
 Великий князь Кирилл Владимирович с женой и детьми в Сен-Бриак-Сюр-Мер (1920 г.); Фото из коллекции ©Shutterstock. 55.
 Обложки книг «Заложник» В. Перевверзина и «Миссия в Ташкент» Ф. М. Бейли; портреты авторов. 56
 Революционный суд за работой. 58
 Ф. М. Бейли (1918 г.). 59
 Рамазан Кадыров наблюдает за ходом военного парада во время торжеств, посвященных 66-летию Победы в Великой Отечественной войне, ©МИА «Россия сегодня»; Даниил-бек, султан Элисукий. 61
 Сеид Асфендиар-Богадур, хан Хивинский (1911 г.); Василий Сталин. 62
 Портрет великого князя Константина Николаевича, художник Франц Крюгер; Эрцгерцог Карл, гравюра неизвестного мастера (1859), ©Diomedea; Григорий Кравченко, ©МИА «Россия сегодня». 63
 Дитрих Пельц; Сергей Лазо — гимназист. 64
 Михаил Тухачевский; Марка с изображением Ионы Якира (1966 г.); Виталий Примаков. 65
 Андрей Шкуро; Атаман Григорий Семенов; атаман Борис Анненков. 66
 Николай Скоблин, ©Diomedea. 67.
 А.И. Кутайсов. Портрет работы Джорджа Доу. 68
 Григорио дель Пилар. 69
 Галуша Пеннипзкер; Эме де Буаги. 70
 «Дамоклов меч», картина Ричарда Уэстолла (1812 г.). 73
 Платон во дворце Дионисия в Сиракузах. 74
 Иоганн-Сальватор, принц Австрийский, Венгерский, Богемский и Тосканский, ©Diomedea. 76
 Милли (Людмила) Штубель, ©Getty; Замок Орт на Траунзее в Гмундене (Австрия), 77
 Фотографии из архива автора. 79-81, 87-90, 95-97, 160-163, 181, 200-202
 Георгий Лафар. 83
 Полковник Ари Фредамбер. 84
 Объявление об аресте Георгия Лафара в Одесской газете (1919 г.). 85
 Кадр из американского сериала «Дэдвуд». 89
 Приемы самозащиты с помощью трости. Фото из журнала «Pearson's Magazine» (1901 г.). 90
 «Самосожжение Гоголя», картина И.Е. Репина (1909 г.). 91
 Рекламный плакат (1939 г.). 92
 Самолет-амфибия М-130, «Гавайский клипер»; статья в газете об исчезновении самолета-амфибии М-130. 93
 Чон Ван-сун с братом; Лео Терлецкий; рекламный плакат (1936 г.). 94
 Василий Ерощенко (1927 г.). ©МИА «Россия сегодня». 99
 Василий Ерощенко играет на скрипке. 100
 Итико Камитита, Саказ Осути, Ноз Ито. 101
 Памятник В.Я. Ярошенко в селе Обуховка Белгородской области. 102
 «Показательная порка» учеников, телевизионная репетиция, ©Getty. 104
 «Старая кокетка», художник Б. Строци (1615 г.); Артур Рембо, в юности (слева) и в 1879 г. 107
 Юкио Мисима, 108
 Эмблема сети ресторанов быстрого обслуживания KFC, 109.
 Харланд Дэвид Сандерс, 110
 Картина Анны Мари Мозес (Бабуся Мозес), 111
 Бабуся Мозес рядом со своим полотном. 112
 Великая княгиня Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская с детьми, групповой портрет (1863 г.). 113
 Сергей Максимилианович, герцог Лейхтенбергский; «Бой под урочищем Иваново», картина работы П.О. Ковалевского (1887 г.). 114
 Памятник Сергею Лейхтенбергскому (село Иваново, Болгария); князь Олег Константинович (начало 1900-х гг.), 115
 Олег Константинович Романов, 116
 Вице-губернатор Якутска П.П. Осташкин; дом Монастырева в Якутске, 118
 Софья Гуревич, 119
 Л. Коган; Н. Зотов; А. Гаусман. 120
 Пистолеты XIX в. 121
 Генерал Даниил Александрович Герштенцвейг. 122
 Трепанация черепа, рисунок XIX в. 123
 Портрет Джеймса Барри, ©Diomedea. 125, 127
 Джеймс Барри со слугой и своей собакой на Ямайке (1862г.); могила Джеймса Барри, ©Diomedea. 128
 Немецкий погром 1915 года в Москве начался с «патриотического шествия» по Тверской. 28 мая 1915 г. 129
 Карикатура В. Маяковского на немецких солдатах. 130
 С.С. Волкенштейн. 131
 А.В. Борман; Н.А. Гаген, 132
 442-й Пехотный полк армии США, почти полностью состоящий из американцев японского происхождения. 134
 Майор Рё Курусу. 135
 Калигула и его конь Инцитатус в Сенате, литография Виктора Адама (1845), ©Diomedea. 136
 Погребение в кургане № 8 могильника Чинета (Алтай); «Атака немецкой армии», картина 1912 года. 137
 Фото из коллекции ©Shutterstock 138, 139, 183, 198
 Ретивер Занджир в зрелые годы. 140
 Похороны Занджира (2000 г.). 141
 Работы императора Чжу Чжаньци (1427—1429 гг.). 143
 Портрет императора Чжу Чжаньци. 144
 Портрет Генриха IV работы Джона Рассела (1791). 146

Портрет Каролины Брауншвейгской работы Джеймса Туки (1795 г.); барон Бартоломео Пергам, литография работы Годфрида Энгельманна (XIX в.); «Процесс против королевы Каролины», картина работы Джорджа Хейтера (1820 г.). 147

Коронация Георга IV, гравюра Мэттью Дюбурга (1822 г.). 148.

Франсиско Солано Лопес. 150

Битва при Аваи, картина работы Пэдду Америку (1872-1877 гг.); фотографии парaguayских рекрутов. 151

Смерть Лопеса: Пантеон героев Парагвая; дворец Лопеса, 152.

Винтажная французская открытка, посвященная Дню дурака, 153.

«Астролог Исаак Бикерстафф» и страница его альманаха, 154

«Швейцарский урожай спагетти». 155

Ким Чен Ын. 157

Грузинские джигиты из шоу Буффало Билла во время представления в Виндзоре. 163

Лука Чхартшвили; страница из новостей 1912 года. 164

«Русские казаки впервые в Америке!», афиша шоу Буффало Билла, ©Diomedia; Константин, Лука и Николас Чхартшвили; грузинские джигиты (шоу «Дикий Запад» в Лондоне, 1892 год). 165

Полковник Френсис Кроми. 166

Грегори Пек в роли Горацио Хорнблауэра (1951 г.). 167

«Глаза» субмарины. 168

Парадная лестница британского посольства в Петрограде. 169

Такэо Хироэ. 171

Мертвый Хироэ на палубе русского корабля; бюст Такэо Хироэ на территории храма Хида-Гокую-дзиндзя (город Такама) префектуры Гифу; Такахио Фудзимото в роли Такэо Хироэ в сериале «Тучи над холмом» (Россия-Япония. 2009-2011). 172

Ариадна Анатольевна Ковалевская; Кадр из сериала «Тучи над холмом». В роли Ковалевской — Марина Александрова. 173

Объяснение о смерти герцогини Девонширской на сайте www.chatsworth.org. 174

Нэнси Митфорд; Диана и ее сестра Юнито на нацистском съезде в Нюрнберге; Юнито Митфорд и Адольф Гитлер. 175

Карикатура на Джессику Митфорд; обложка книги Дианы Александер «История Памелы» (1963 г.). 176

Дэбора Митфорд; свадебное фото Дэборы Митфорд и герцога Девонширского (1941 г.); Чэтсорт-хаус в Дербшире, поместье герцогов Девонширских, ©Shutterstock. 177

Дэбора Кавендиш, герцогиня Девонширская (2010 г.); актриса Мэгги Смит в телесериале «Аббатство Даунтон». 178.

Дэбора Кавендиш, урожденная Митфорд, герцогиня Девонширская, кормит кур в поместье Чэтсорт-хаус (1990). ©Getty. 179

Бюст Ярослава Мудрого, реконструкция М.М. Герасимова. 180

Пытки на Руси. Гравюра XIX в. 181

Женщины в панталонах. Фото начала XX в. 182

Графиня Маркевич (1900 г. (слева) и 1913 г.). 184.

Графиня Маркевич с супругом. 185

Констанс Маркевич на митинге (1918 г.) и в фотоателье (1915—1916 гг.). 186

Констанс Маркевич в заключении (1917 г.) и среди народа (1927 г.). 187

Памятники Констанс Маркевич в Дублине, 188

Е. Д. Поливанов (1930 г.). 191

Фото Е.Д. Поливанова из тюремного архива 1937 г. 192

Игуменья Митрофанья; заметка в газете о судебном процессе над Митрофаньей. 195

А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако. 196

Кормление и выгул бегемотов в Московском зоопарке (1950-е гг.). 199

Фото с сайта blog.ukti.gov.uk. 206

Кадр из кинофильма «Верные друзья» (1954). 207

«Последняя дорога», картина работы В. Перова (1865 г.) 209

Иллюстрация Уолтера Крейна в сказке «Красавица и чудовище» (1874). 211

«Семейные узы». Могила протестантки и ее католического мужа в Нидерландах (1888 г.). 214

Британский клуб джентльменов-пловцов (1863 г.) 215

«Красавица обедает с Чудовищем», иллюстрация Анны Андерсон (начало XX в.). 219

Энтони Хопкинс в роли Пьера Безухова в фильме «Война и мир» (Великобритания, 1972 г.); сцена из спектакля «Онегин» в постановке Вахтанговского театра. 220

«Панихида по Александру III в его спальне в Малом дворце в Ливадии», картина работы Михая Зичи (1895 г.). 228

Портрет Николая II работы И.Е. Репина (1896 г., слева); «Государь в тужурке», портрет Николая II работы В.А.Серова (1900 г.); Николай и Александра, фотография (1908 г.). 229

Николай II с дочерью Ольгой (1895 г.); российский император Николай II, греческий принц Николас и великий князь Борис Владимирович. 230

Почтовая открытка «Император Николай II в вагоне царского поезда», фотография (1917 г.); подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где была расстреляна царская семья. 231

Обложка книги Л. Толстого «Хаджи-Мурат» (1945 г.); титульный лист романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1905 г.). 236

Роман Гари. 238

Нина Берберова(1982 г.). 240

Александр Герцен; Владимир Короленко; Лилиана Лунгина. 241

Надежда Мандельштам; Владимир Набоков; Юрий Нагбин. 242

Бертран Рассел; Владислав Ходасевич; Евгений Шварц. 243

«Гламурная киса», рисунок Васи Ложкина; М.А. Булгаков с женой (1939 г.). 245

Сергей Довлатов; кадр из фильма «Жизнь и судьба» (2012 г.). 246

Обложка книги Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов»; Юрий Трифонов, ©МИА «Россия сегодня»; кадр из фильма «Убить дракона» (1988 г.). 247

Марк Алданов. 249

«Казнь тамплиеров», средневековая миниатюра; «Генрих Наваррский и Маргарита Валуа», средневековая миниатюра (1572 г.); Обложка книги Владимира Неффа «У королевы не бывает ног»; кадр из фильма «Крестоносцы» (Польша, 1960 г.). 250

Алексей Петренко в роли Петра I в фильме «Как царь Петр Арапа женился», ©МИА «Россия сегодня»; первое свидание И.Ф. Паскевича с наследником персидского престола Аббас-Мирзою в Делкхатане 21 ноября 1827 (пятый справа — Грибоедов), гравюра К. Беггрова с оригинала В. Пашкова (конец 1820-х гг.); Иоанн Гриффит в роли Горацио Хорнблауэра в сериале «Хорнблауэр» (Великобритания, 1998-2003 гг.), ©Diomedia. 251

Г.Р. Хаггард; А. П. Чапыгин. 252

И.З. Бабель; Г.Я. Бахланов. 254

Обложка книги В.О. Богомолова «Момент истины»; Н.Е. Чибисов. 255

С.И. Мамонтов; Марлен Дитрих и Эрик Мария Ремарк; Лев Толстой в 1854 г. 256

Марлон Брандо в фильме «Молодые львы» (США, 1958 г.); Михаил Шолохов; Эрнст Хемингуэй (1918 г.) 257

Постер к фильму «Багровые реки» (Франция, 2000 г.); Судья Ди ведет расследование, иллюстрация к книге Роберта Ван Гулика «Призрак Храма Багровых Туч». 259

Ф. Д. Джеймс; Э. Джордж; С. Жапризо. 260

Иллюстрация Сидни Паджета к приключениям Шерлока Холмса (1890-е гг.); Агата Кристи (1925 г.). 261

Агата Кристи (1970-е гг.); ©Diomedia; Артуро Перес-Реверте; кадр из фильма «Имя Розы» (Франция, 1986 г.), ©Diomedia. 262

Марк Алданов; Мария Будберг; Нина Берберова. 264

Викентий Вересав; «Пушкин в гробу», рисунок Ф. А. Буруи (1837 г.); «Портрет Н.В. Гоголя», автолитография А. Г. Венецианова; В. В. Вересав (1932 г.). 265

Л. Н. Толстой с женой (1910-е гг.); «Портрет историка В.О. Ключевского» работы Л. Б. Пастернака (1909 г.); П.И. Чайковский. 266

А.П. Чехов и Доналд Рейфилд; М.Д. Достоевская (Исаева), Аполлинария Суслова, Анна Григорьевна Достоевская (Сниткина); посмертная фотография Стефана Цвейга и его супруги Шарлотты после самоубийства 23 февраля 1942 г., ©Getty. 267

Иллюстрация Г. Доре к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1873 г.); 268

Иллюстрация Г. Сандхема к роману Р.Д. Блэкмора «Лорна Дун». 1890; Олег Меньшиков и в фильме «Капитан Фракасс» (Россия, 1984 г.). 269

Иллюстрации к роману А. Дюма «Три мушкетера». Мишель Крентон в роли Шико в фильме «Графиня де Монсоро» (Франция, 1971). 270

Обложка французского издания книги А. Дюма «Сорок пять» работы Ж.-А. Боса; кадр из сериала «Сбегу» (США-Япония, 1980 г.). 271

Кадр из фильма «Дуэлянты» (Великобритания, 1977 г.), ©Diomedia; обложка книги Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада» (1957 г.). 272

Иллюстрация к книге Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» работы художника Жоржа Ру (1885 г.); иллюстрация к книге Г. Р. Хаггарда «Копи царя Соломона». 273

Михаил Шишкин, ©Getty; «Рыцарский замок под луной», картина работы К.Ф. Хампе (1817 г.). 274.

Иллюстрация из Журнала «Крокодил» (1953 г.); рисунок Васи Ложкина, © МИА «Россия сегодня». 276

Литературно-художественное издание

16+

ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ

Борис Акунин

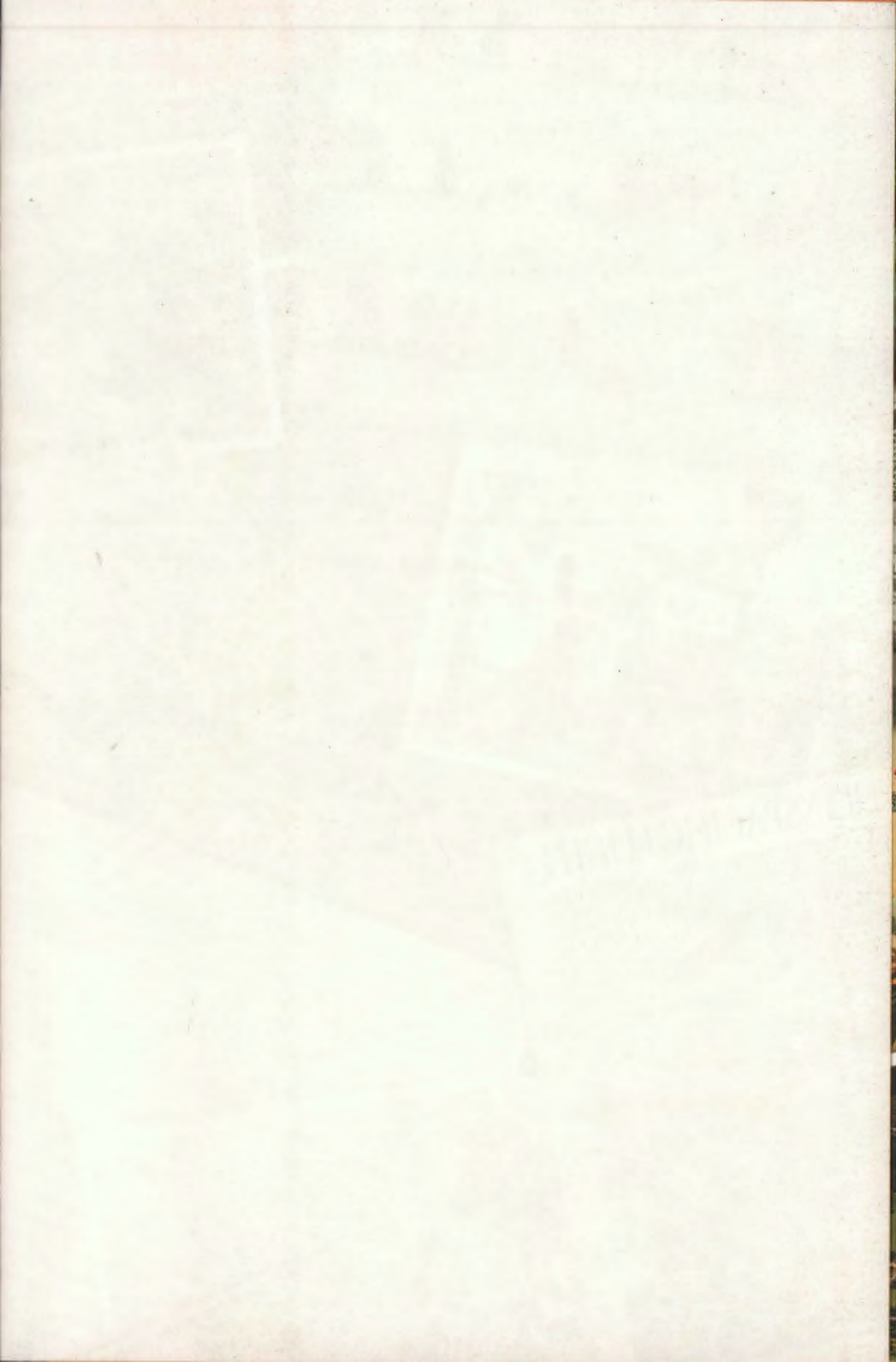
СЕВЕРНЫЙ ЧАСОВОЙ И ДРУГИЕ СЮЖЕТЫ

Редакционно-издательская группа «Жанры»



Зав. редакцией *М.С.Сергеева*
Ответственный редактор *Т.Н. Захарова*
Бильд-редактор *А.Г.Русакова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н.Мокина*

ООО «Издательство АСТ»
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 3. Комната 5





Александр Бронский	181 (6,4%)
Павел Мастер	136 (4,8%)
Екатерина Ставрогин	32 (0,5%)
Елизавета Рахметов	22 (0,8%)
Анна Иоанновна Раскольников	26 (0,9%)
Петр I Юрий Живаго	233 (8,2%)
Алексей М. Доктор Дымов («Попрыгунья»)	309 (10,8%)
Михаил Фед. Поручик Мышлаевский	108 (3,8%)
Борис Годунов Дубровский	375 (13,5%)
Федор Иоанн. Алеша Карамазов	85 (3,0%)
Иоанн Васильев	107 (2,3%)



RUFFALO B...
CONGRESS O...



**ВЫ ДЕРЖИТЕ
В РУКАХ НОВУЮ
КНИГУ СЕРИИ
БОРИСА АКУНИНА
(ГРИГОРИЯ
ЧХАРТИШВИЛИ)
«ЛЮБОВЬ К
ИСТОРИИ».**



ЖА — РЫ —



WWW.AST.RU

— **ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ** —

На страницах новой книги Бориса Акунина вас ждут пронзительные истории обыкновенных героев и занимательное тирановедение, невероятные судьбы, унесенные ветром в историю, знаменитые и не очень события, менявшие судьбу мира. Всегда ли смерть таланта и смерть гения совпадают во времени? Может ли одаренная личность быть выше красоты, морали и порядочности? Действительно ли наш мир такой, как нам кажется: асфальтовые улицы, поля, леса, интернет и телефоны? Остались ли на планете Земля люди, которые живут не так — а главное, абсолютно не хотят жить так, как мы? И что за страна такая Россия, как в ней жить и как ее сделать лучше?



СЕВЕРНЫЙ ЧАСОВОЙ

— *и другие сюжеты* —

«Одним из главных пороков я считаю короткую память — когда люди пренебрегают прошлым, забывают долг благодарности, не помнят героев. Забытый герой — вот словосочетание, от которого у меня в сердце вонзается заноза».

